М. Ф. Пилипенко

Возникновение Белоруссии

новая концепция

М. Ф. Пилипенко

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БЕЛОРУССИИ

новая концепция

МИНСК ''БЕЛАРУСЬ'' 1991

ББК 63.3(2Б)
П 32

Пилипенко М.Ф.

П 32 Возникновение Белоруссии: Новая концепция. — Мн.: Беларусь, 1991. — 143 с.

ISBN 5-338-00844-0.

В монографии рассматриваются различные точки зрения советских и зарубежных ученых о происхождении белорусов и представляется новая, авторская концепция возникновения Белоруссии, белорусов.

Для историков, этнографов, языковедов, археологов и всех, интересующихся историей родного края.

П $\frac{0503020903-088}{М 301(03)-91}$ БЗ 34–91 ББК 63.3(2Б)

ISBN 5-338-00844-0

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

На современном сложном этапе истории Белоруссии, когда определяется направление ее будущего развития и стоит задача возрождения национальной культуры, возрастает интерес к истокам белорусского народа, предпринимаются попытки найти ответ на важнейшие вопросы национальной истории, в том числе и по проблеме возникновения Белой Руси, происхождения ее народа.

Советскими и зарубежными учеными написаны серьезные научные труды по данной проблеме, выработаны определенные концепции. Но, как считает автор, часть из них носит однобокий и весьма спорный характер, некоторые недостаточно аргументированы. Многие факты древней истории замалчивались, ценнейшие первоисточники хранились в спецфондах и потому не были доступны белорусским ученым.

Автор книги – историк-этнограф – заинтересовался этой проблемой давно и исследует ее более 15 лет. Он всесторонне изучил отечественные и зарубежные публикации, разнообразные первоисточники (древние летописи, данные археологии, языкознания, восточнославянской этнографии и фольклористики, антропологии, экономической и политической истории в средневековую эпоху). Подойдя комплексно к проблеме, автор применил новый способ исследования, который заключается в следующем.

Он отказался от представления о белорусском этногенезе как упрощенной эволюции, а также от объяснения его только большой миграцией. В своих исследованиях ученый учитывает роль многих факторов – экономического, политического, исторического, особое внимание обращает на роль диффузии в этнических процессах, перегруппировку компонентов культуры и языка. Постоянно сопоставляя данные разнообразных источников, он приходит к новым выводам, представляющим значительный интерес для науки и массового читателя.

В книге аргументируется положение о смешанном (славяно-балтском) происхождении дреговичей, кривичей, радимичей и высоком уровне их развития. Эти общности характеризуются не как "союзы племен", а как протонародности. Впервые показано, как формировалась общевосточнославянская этническая территория "Русь", к которой, по мнению ученого, несколько веков относился и наш родной край.

Доказательно объясняется основная причина возникновения Белоруссии.

Автор по-новому оценивает роль различных невосточнославянских этнических групп в формировании белорусского народа – западнославянской

(польской), балтских, указывая на участие в белорусском этногенезе не только восточных (литвы, латыголы), но и западных балтов (прусов, жемайтов, ятвягов), а также тюркской группы (татар). По-новому объясняется происхождение и значение таких названий, как "Белая Русь", "Черная Русь", "Литва", "Полесье". Автор приходит к выводу, что процесс образования Белоруссии, белорусского народа был гораздо более сложным, чем представлялось до сих пор.

Заслуживает внимания способ подачи материала. Ненавязчиво, шаг за шагом, автор последовательно рассматривает проблему, с каждой главой усложняя материал. В конце книги читатель сможет убедиться в объективности выводов, которые в основном сводятся к следующему.

Первоначально термин "Белая Русь" (Белоруссия) в этническом смысле означал одну из диалектно-этнографических зон общевосточнославянской древней русской общности.

Этническая территория современной Белоруссии сформировалась в позднем средневековье в результате консолидации прежней северной части "полесского" и южной части подвинско-днепровского субэтносов. Эти части восточнославянского населения и составили основу белорусского этноса. Термин "Белая Русь" (Беларусь, Белоруссия) приобрел современное этническое значение в позднем средневековье, а именно в 15–16 веках.

Вопросы, которые рассматриваются в книге, являются дискуссионными в современной науке. Не все ученые, возможно, разделят точку зрения автора. Но мы надеемся, что публикация монографии М. Пилипенко будет стимулировать дальнейшее изучение национальной истории, поможет по-новому взглянуть на проблему.

Введение

О КАКИХ ВОПРОСАХ ПОВЕСТВУЕТСЯ В КНИГЕ? РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ О ПРЕДКАХ БЕЛОРУСОВ, О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА, ВОЗНИКНОВЕНИИ БЕЛОРУССИИ

Прыйдуць людзі з Усходу,
Прыйдуць з Захаду людзі
І спытаюцца нас:
"Скуль, якога вы роду?
Дзе зямля ваша будзе,
Дзе айчызна у вас?"

ЯНКА КУПАЛА

О КАКИХ ВОПРОСАХ ПОВЕСТВУЕТСЯ В КНИГЕ?

У каждого, кто живет или жил в Белоруссии, слышал или читал о ней, есть желание узнать, когда, как она возникла, откуда появилось само название "Белоруссия", что оно означало первоначально, когда это название приобрело современное значение.

Термин "Белоруссия" имеет несколько значений – этническое, политическое (административное), географическое. Наиболее сложным среди них является этническое, обозначающее территорию проживания одного из восточнославянских этносов, а именно белорусского.

Когда была образована Белорусская Советская Социалистическая Республика, этот термин приобрел отчасти и политическое значение. Им нередко стали называть также политическое (административное) образование (БССР) в этом крае. Этническое значение термина "Белоруссия" вместе с политическим в конечном итоге определило и его современное географическое значение как название современной географической территории этого края.

В предлагаемой читателю книге рассматривается этническое значение термина "Белоруссия" как территории, отличающейся от других регионов своеобразным комплексом культуры и языка восточнославянского населения этого края. В этом значении термин "Белоруссия" тесно связан с термином "Белорусы" – именем народа, проживающего в этом крае. Возникновение Белоруссии как этнической территории является существенной частью белорусского этногенеза, т.е. процесса формирования белорусского народа. Невозможно научно исследовать возникновение Белоруссии, не изучив ряд проблем белорусского этногенеза, не ответив на вопросы: "Кто были предки белорусов?", "Когда белорусы как народ сформировались?", "Как, каким образом?", "Под воздействием каких причин, факторов?", "На какой территории?".

Ответы на эти вопросы имеют и познавательное, и научное, и практическое значение. Во-первых, они позволяют удовлетворить вполне понятное естественное желание каждого жителя Белоруссии узнать о времени появления этой этнической территории, ее народа, о его предках, об истории этого народа, истории Белоруссии. Во-вторых, ответ на эти вопросы является непременным условием формирования патриотических и интер-

националистских чувств и взглядов жителей Белоруссии. В-третьих, знание этих вопросов помогает читателю самостоятельно оценить различные концепции по этим проблемам, распространенные в изданных книгах, в опубликованных статьях и заметках.

РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ О ПРЕДКАХ БЕЛОРУСОВ, О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА, ВОЗНИКНОВЕНИИ БЕЛОРУССИИ

Наиболее разнообразными являются концепции о предках белорусов, о населении, проживавшем на территории нынешней Белоруссии до формирования белорусского этноса. В современный период приобретает популярность так называемая "**балтская**" теория этногенеза белорусов, согласно которой возникновение белорусов в отличие от русских и украинцев объясняется тем, что на территории современной Белоруссии до появления славян жили балты. Смешение славян с балтами будто бы и привело к появлению белорусского этноса, специфики его культуры и языка, а балты якобы сыграли роль субстрата (подосновы) в этногенезе белорусов. Попытка обосновать эту гипотезу предпринята археологом В.В. Седовым[1].

В историографии есть и "**польская**" концепция об этнической принадлежности населения Белоруссии, согласно которой белорусы не являются одним из восточнославянских этносов, а представляют собою лишь часть польского этноса, и соответственно Белоруссия якобы не самостоятельная этническая территория, она – часть этнической территории Польши. Сторонники этой концепции не признавали белорусский язык самостоятельным славянским языком, считали его диалектом польского языка. Таких взглядов придерживались, в частности Л. Голембовский, А. Рыпинский и др.[2].

Существование белорусского этноса и Белоруссии как самостоятельной этнической территории отрицала и так называемая "**великорусская**" концепция об этнической принадлежности населения Белоруссии. Согласно этой концепции белорусы не есть самостоятельный восточнославянский этнос. Они не являются также частью польского этноса, а Белоруссия не составляет часть польской этнической территории. "Великорусская" концепция основана на представлении, что белорусы есть часть великорусского этноса, а Белоруссия – соответственно часть великорусской этнической территории. Сторонники "великорусской" концепции также не признавали белорусский язык самостоятельным восточнославянским языком. Они утверждали, что белорусский язык является поднаречием великорусского языка. Такие взгляды были свойственны А.И. Соболевскому, И.И. Срезневскому и другим[3].

Весьма заметна в историографии так называемая "**кривичская**" концепция о предках белорусов. Она основана на представлении, что почти все особенности, отличающие белорусов от украинцев и русских, восприняты белорусским этносом от одной из первоначальных восточнославянских этнических общностей — кривичей. "Кривичская" концепция предполагает, что у белорусов в сравнении с русскими и украинцами якобы был иной, чем у двух последних, предок — кривичская этническая общность. Иногда этому предположению придавалось такое большое значение, что белорусы и кривичи почти отождествлялись. Высказывалась даже мысль, что белорусов предпочтительнее называть кривичами, а Белоруссию — Кривией. В первых десятилетиях XX века издавался журнал под названием "Крывіч". Кривичская концепция в той или иной вариации пропагандировалась В. Ластовским, А. Шлюбским и другими[4].

Ряд авторов, в частности крупный белорусовед Е.Ф. Карский, известный историк-славист В.И. Пичета и другие, полагали, что предками белорусов были не только кривичи, но и некоторые другие первоначальные восточнославянские этнические общности, такие, как радимичи, дреговичи. Они считали, что этническая территория Белоруссии сформировалась из этнических территорий дреговичей, радимичей и значительной части территории кривичей[5].

В пятидесятые годы XX века выдающийся советский этнограф С.А. Токарев теоретически обосновал новую концепцию о предках белорусов, а также русских и украинцев, истоках их этнической территории. Он считал, что кривичи, радимичи, дреговичи и другие первоначальные восточнославянские общности изменились этнически еще до формирования белорусского, русского и украинского народов. Первоначальные восточнославянские этнические общности, по его мнению, сменила общевосточнославянская древняя русская этническая общность, а их этнические территории образовали новую, под названием Русь, которая и была непосредственным предшественником Белоруссии, а также Великороссии и Украины[6].

В историографии нет единого мнения и о времени формирования белорусов, возникновении Белоруссии. К. Тарасов считает, что белорусы существовали уже в начале 13 века, пишет, в частности, что уже "с 1201 г. меченосцы начали войны с литовцами и белорусами", утверждая в то же время, что "название Белая Русь в приложении к нынешней территории республики сложилось лишь в прошлом веке"[7]. По мнению В.В. Седова, белорусская этническая общность, а следовательно, надо думать, и белорусская этническая территория сложилась в 13—14 веках. М.Я. Гринблат полагает, что формирование белорусов, Белоруссии происходило в 14—16 веках[8].

Нет единого мнения и о причинах формирования белорусов, Белоруссии. В.В. Седов считает, что такой причиной была колонизация славянами территории современной Белоруссии, на которой до расселения славян жили балты, смешение славян в этом регионе с балтами, влияние ассимилированных славянами балтов на культуру и язык поселившихся здесь славян.

Различные группы славян, по его мнению, объединил в белорусский этнос однородный балтский субстрат[9]. По Е.Ф. Карскому, такой причиной явился политический фактор, а именно образование нового государства – Великого княжества Литовского и включение в него восточнославянского населения, проживавшего в бассейне Припяти, Немана, Западной Двины и Верхнего Днепра. Восточнославянские группы населения на территории современной Белоруссии, считает Е.Ф. Карский, были объединены политическими связями в рамках Великого княжества Литовского, что и обусловило формирование белорусского языка и белорусской культуры[10]. В.И. Пичета называет несколько факторов, обусловивших возникновение белорусов, Белоруссии. Кроме политического объединения восточнославянских групп населения западной Руси в Литовском государстве к причинам образования белорусского народа, Белоруссии он относил развитие экономических связей между отдельными областями, составившими впоследствии Белоруссию, и необходимость совместной защиты этих областей от Тевтонского ордена, угрожавшего свободе и независимости восточнославянского населения западной Руси, народов Прибалтики и польского народа. Последние две причины В.И. Пичета считал важнейшими. Он писал: "Немецкая агрессия, с одной стороны, и развитие экономических связей между отдельными областями, с другой, были важнейшими факторами, ускорившими образование белорусской народности"[11]. Мнение Е.Ф. Карского о роли политического фактора и мнение В.И. Пичеты о роли экономического фактора в формировании белорусов, Белоруссии считает ошибочными В.В. Седов. Он полагает, что образование и формирование белорусского языка и этнографической общности находится вне прямой зависимости от политической истории и экономического развития[12]. Основным, определяющим фактором он считал, как уже отмечалось, колонизацию славянами территории, расположенной к северу от Припяти, включая верхнее Понеманье, верхнее Поднепровье и Подвинье, ассимиляцию ими проживавших здесь до расселения славян балтов, воздействие балтов на язык и культуру обосновавшихся здесь славян.

Таким образом, в историографии имеется несколько концепций о формировании белорусского народа, возникновении Белоруссии, часто противоположных и взаимоисключающих одна другую. Где же истина? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести новое исследование, определить, как, каким способом наиболее эффективно изучать эту проблему, привлечь новейшие данные, накопленные наукой, критически проанализировать различные концепции.

1
глава
Как рассматривать проблему?

**ЧТО ТАКОЕ
"ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ",
"ЭТНОС", ИХ ПРИЗНАКИ?
СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ:
ДАННЫЕ АНТРОПОЛОГИИ,
АРХЕОЛОГИИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ,
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ
И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ,
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ**

Для того, чтобы познать такой сложный процесс, как возникновение Белоруссии, формирование белорусского народа, важно сначала решить три взаимосвязанных между собой вопроса — выяснить содержание основных понятий, определить способ исследования и проанализировать возможности источников по данной проблеме. Начнем с обзора основных понятий. Ими являются термины "этническая территория" и "этнос".

ЧТО ТАКОЕ "ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ", "ЭТНОС", ИХ ПРИЗНАКИ?

Этническая территория представляет собою сложное историко-культурное образование. Она неразрывно сопряжена с этносом, признаком которого часто является, особенно в период его формирования. Поэтому этнической территории свойственны многие черты этноса. Она так же, как и этнос, характеризуется своеобразным комплексом культуры и языка. Так же, как и этнос, эта территория имеет название. Этническая территория чаще всего — область совместного проживания этноса. Поэтому формирование, возникновение этнической территории есть в то же время и формирование, возникновение этноса. Вот почему решение этой проблемы чрезвычайно важно для выяснения происхождения народа. Этнические свойства культуры и языка, самосознания являются основанием формирования не только этноса, но и этнической территории. Как и этнос, ее образует, выделяет, отличает от других этнических территорий своеобразное сочетание элементов материальной, социальной, духовной культуры, разговорной речи, т.е. языка, самосознания. Именно своеобразное сочетание таких элементов, взятых в совокупности, и образует такие историко-культурные феномены,как этнос, этническая территория. Указывая на комплекс элементов, необходимо отметить, что они далеко не все в одинаковой мере имеют этнические свойства. Пожалуй, в наибольшей степени такими свойствами часто обладает язык. Он менее всего зависит от географической среды, является главным средством общения, связи, без которой нет ни этноса, ни этнической территории. Язык тесно связан с материальной, социальной, духовной культурой, самосознанием данного этноса. Являясь одним из элементов комплекса культурных явлений, свойственных этносу, этнической территории, он в то же время сам есть явление, представляющее систему. Язык обладает большой цельностью, которая часто придает своеобразную цельность всему историко-культурному комплексу. Элементы материальной, социальной и духовной культуры, вхо-

дящие в этот комплекс, сами по себе не составляют такой цельности, как язык, а потому их роль в формировании этноса, этнической территории несколько меньше, чем языка. Кроме языка значительной цельностью обладает также самосознание этноса, но и оно в известной степени нередко формируется и функционирует на базе языка, особенно если этнос отличается от соседних ему этносов своеобразием языка. Обращая внимание на большое значение этнических свойств языка, которые наряду с самосознанием придают этнические черты всему комплексу культуры, следует отметить, что будет ошибочным судить о языке лишь по отдельным его элементам, а не по комплексу в целом. В подходе к языку как системе исключительно важно рассматривать его не только как временный, но и пространственный феномен, который состоит из входящих в эту систему подсистем, какими являются диалекты данного языка. История языка в значительной степени есть одновременно эволюция его диалектов, особенно основных, самых крупных. Именно возникновением и эволюцией диалектов язык прежде всего связан с происхождением и изменением этноса. Поскольку проблема образования языка является главным образом историко-диалектологической, то для исследования происхождения языка, его исходных основ важнейшее значение имеет историческая диалектология, результаты этой научной дисциплины[1]. Придавая должное значение диалектному членению языка, можно утверждать, что этногенез, этническая история есть в известной степени и происхождение, история диалектов как комплексов, а не просто происхождение и эволюция отдельных элементов языка. Последнее представление дает простор для произвольного определения времени возникновения языка. Что касается самосознания этноса, то оно связано непосредственно не только с его разговорной речью, но и с его названием (находясь с последним не в одном и том же отношении). Новое самосознание может выступать в прежнем названии, как, например, у великорусов, часто называющих себя (как и предшествующий им этнос) русскими, или сменяться другим (как это было у общевосточнославянского этноса, появившегося в результате трансформации и консолидации полян, северян, словен, кривичей и других первоначальных восточнославянских этнических общностей). Самосознание и название этноса, таким образом, не всегда тождественны, связь между ними не во всех случаях однозначная. Она бывает и сложной, диалектической.

СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ

Важно рассматривать историю культуры (включая и язык) населения каждого региона как непрерывный поток ее явлений во времени и пространстве, состоящий из различных элементов. Одни из них исчезают, другие сохраняются, третьи появляются и распространяются. Для исследования этногенеза, этнической истории, возникновения этнической территории

необходимо выявить черты этого потока во времени и пространстве, его своеобразие в определенные исторические периоды. Для правильного определения содержания этого потока культуры и языка в разные исторические эпохи существенное значение имеет не упрощенное, а глубокое понимание эволюции, согласно которому этот поток находится в постоянном изменении, перегруппировке компонентов комплекса.

Изменения этносов во времени и пространстве в научной литературе называют этническими процессами. Многие ученые справедливо обращают внимание на заметную роль в этнических процессах миграций больших групп населения и обусловленного ими смешения различных этнических групп. Роль переселений и порожденного ими смешения различных групп населения очевидна и почти никем в настоящее время не оспаривается. Гораздо сложнее определить механизм этнических процессов в тех случаях, когда в изучаемом регионе в определенные исторические эпохи не было перемещения значительных групп населения, а культура жителей региона значительно изменялась, трансформировалась. Обычно в таких случаях главным в этнических процессах считается эволюция предметов культуры, языка. Часто этот процесс представляется упрощенно как одновременная трансформация элементов культуры и языка на территории всего региона. Такое представление не учитывает сложного двустороннего характера изменения культуры в регионе, роль в этом процессе не только эволюции, но и диффузии (распространения) элементов культуры. Ведь эволюция и диффузия часто выступают как две взаимосвязанные стороны одного процесса трансформации культурного облика населения, изменения его во времени и пространстве. Диффузия элементов культуры и языка осуществляется, как правило, под воздействием экономического, политического, географического факторов. Недооценка или игнорирование ее роли в этнических процессах, видимо, порождены недиалектическим отношением к диффузионизму (направление зарубежной этнографии, придающее исключительно большое значение распространению предметов, других явлений культуры по территории). Недиалектическое отношение к диффузионизму выражается либо в сплошном его отрицании, отбрасывании, либо в восприятии его только как концепции о миграциях. Преодолевая крайности диффузионистского направления, в частности абсолютизацию им роли диффузии, значительное преувеличение ее значения в историческом процессе, нельзя впадать в противоположную крайность – полностью отрицать ее роль в истории культуры, этнических процессах. Важно определить временные и пространственные границы диффузии элементов культуры, ввести их в строгие исторические рамки, учесть факторы, определяющие ее направление и регионы. Только в таком случае критическое отношение к этому направлению не упрощает, а обогащает понимание исторического процесса. Именно критическое отношение к диффузионизму характерно для современной научной оценки теоретических положений этого направления[2]. Если поставить диффузию в строгие хронологические рамки, учесть влияние на нее различных факторов, то нельзя не заметить, что она

выполняет важную роль, связывая людей одного этноса, свидетельствуя о культурных связях внутри него, с одной стороны, с другой, с ее помощью устанавливаются также связи этого этноса с другими народами, идет заимствование ими друг у друга и распространение новых элементов культуры, которые вместе с другими чертами придают комплексу культуры этноса своеобразный облик. Именно посредством диффузии происходит смешение, соединение различных элементов культуры и языка, возникает своеобразное их сочетание, образование комплексов культуры, языка и самосознания, характерных для этнических общностей, этнических территорий разного уровня, масштаба – этносов, субэтносов, метаэтносов.

Таким образом, именно сочетание эволюции и диффузии и образует внутренний механизм потока явлений культуры во времени и пространстве.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ: ДАННЫЕ АНТРОПОЛОГИИ, АРХЕОЛОГИИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ, ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Чтобы обнаружить направление потока явлений культуры, его своеобразие в различные периоды, необходимо сопоставить элементы культурного потока, сопоставить их изменения и таким образом выяснить связь между ними.

Такое исследование предполагает сопоставление данных экономической, социальной, политической истории, данных истории материальной, социальной, духовной культуры, данных истории языка, истории фольклора, истории самосознания. Естественно, что необходимо сопоставление данных многих наук – антропологии, археологии, лингвистики, этнографии, фольклористики, истории, географии и др. Каковы возможности этих источников? Каждый из них обладает своеобразной, только ему свойственной информацией, которая в совокупности с информацией других источников позволяет определить связь между ними и таким образом обнаружить движение этнических процессов, т.е. изменение этнических общностей, исчезновение прежних и возникновение новых.

Данные антропологии, например, весьма важны для ответа на вопрос, происходили ли миграции в тот или иной исторический период на исследуемой территории или их не было. В случае, если переселения людей совершались, данные антропологии помогают определить масштабы и направление миграций. Но для антропологических черт в отличие от элементов материальной культуры, языка не характерно заимствование. Антропологический тип есть цельное, не делимое на части явление[3]. Сходство антропологического типа свидетельствует прежде всего о биологическом родстве, и данные антропологии могут быть аргументом для определения этнических связей между людьми, если биологическое родство соединяется с культур-

ным, языковым. При этом следует иметь в виду, что черты антропологического типа людей часто изменяются гораздо медленнее, чем элементы материальной, социальной культуры, языка. Постоянство антропологического типа сохраняется иногда даже в тех случаях, когда значительные изменения в культуре происходили несколько раз. Поэтому данные антропологии являются более надежным историческим источником для изучения древней этнической истории, особенно в каменном и бронзовом, раннем железном веках. В эти эпохи и материальная культура изменялась медленнее, чем в последующие эпохи. По причине того, что черты антропологического типа изменяются медленнее, чем материальная культура, язык, данные антропологии слабее отражают этнические процессы более позднего времени, в частности на поздних этапах феодального периода, в новое и новейшее время, если в эти эпохи на изучаемой территории не совершались крупные переселения людей различного антропологического облика. Поэтому значение данных антропологии уменьшается при исследовании этнической истории более позднего времени, особенно на стадии позднего феодализма и в последующие эпохи. Отмечая то обстоятельство, что антропологические типы никогда не существуют без какого-то языка, какой-то культуры, необходимо посредством исследования определить, когда образовалась связь данного антропологического типа с данным языком. Следовательно, надо выяснить как происхождение данного антропологического типа, так и происхождение данного языка, а затем установить время их соединения, образования связи между ними. Не следует забывать, что к одному крупному антропологическому типу нередко относится несколько этнических общностей, а иногда наоборот, для одной этнической общности характерно несколько антропологических типов, особенно мелких[4]. Данные антропологии, таким образом, показывают, есть ли биологическое родство в данной группе людей или его нет. Поэтому они могут служить дополнительным аргументом для того, чтобы определить наличие или отсутствие этнических связей между ними.

Существенное значение для изучения этнических процессов, этнической истории имеют данные археологии. Как и данные антропологии, они позволяют проследить миграции в прошлом, так как следствием миграции обычно является резкое изменение характера культуры, если переселившееся население значительно отличалось от местного населения своей культурой. Данные археологии дают возможность также проследить эволюцию местной материальной культуры, изменение которой является составной частью этнических процессов. Кроме того, данные археологии обладают также информацией о культурных связях этнических общностей, поскольку позволяют выделить в культуре местного населения заимствованные элементы, определить ареалы распространения тех или иных элементов материальной культуры. Велико значение данных археологии и для установления времени изменения в культуре населения изучаемого региона, относительной и абсолютной датировки явлений культуры. Значение данных археологии особенно велико для изучения этнических процессов, этнической истории в периоды,

когда не было письменных источников, т.е. на стадии доклассового общества, в частности в каменном, бронзовом, раннем железном веках, и частично в раннем средневековье. Значение данных археологии существенно уменьшается при изучении этнических процессов, этнической истории последующих эпох, на стадии классового общества, в частности в период развития феодализма[5].

Данные археологии необходимо сопоставлять с данными языкознания. Последние по причине особенностей развития языков, их функционирования и сохранения исторических следов часто имеют несколько меньшую историческую глубину, чем данные антропологии и археологии. Исторические корни многих современных языковых семей и их ветвей в большинстве случаев обнаруживаются не глубже эпохи нового каменного века, т.е. с того исторического времени, когда они обычно формируются. Данные языкознания содержат некоторую информацию об эпохе бронзы и раннем железном веке. Обычно наиболее древние следы сохраняются в топонимике, особенно гидронимике (названиях рек, озер). Значение данных языкознания для изучения этнической истории древних периодов, охватывающих стадию доклассового общества, в частности неолита, эпохи бронзы и раннего железного века, как правило, невелико. Кроме топонимики историческую информацию об этих эпохах могут содержать термины, обозначающие технологические процессы, относящиеся к этим эпохам, названия культурных растений, используемых в хозяйственной деятельности животных. Значение данных языкознания повышается при изучении этнических процессов, этнической истории более позднего времени, относящегося к стадии классового общества, когда появляются письменные памятники, в которых накапливаются обширные лингвистические материалы, отражающие также разнообразные стороны деятельности этнических общностей, их самосознания[6]. Значение данных языкознания особенно велико для изучения этнических процессов, этнической истории Восточной Европы эпохи позднего средневековья – периода интенсивного развития производства, феодальных отношений, культуры. Если прежде, на доклассовой стадии развития, изменение речи значительных групп населения было обусловлено главным образом крупными миграциями, смешением больших групп людей, то на стадии классового общества, особенно в позднем средневековье, изменение, трансформация языка населения Восточной Европы происходило главным образом под воздействием экономического и политического развития, крупных исторических событий того времени, новых исторических обстоятельств жизни больших групп людей, заимствования отдельных элементов языка, в частности отдельных слов, у соседних народов, диффузии языковых и культурных явлений.

Данные восточнославянской этнографии и фольклористики об этнических процессах, этнической истории имеют еще меньшую историческую глубину, чем данные языкознания. Они в большинстве случаев не содержат информации об этнической истории населения не только в древнейшую, но и в древнюю эпоху. Этническая история в течение почти всего длительного пе-

риода доклассового общества мало отразилась в данных восточнославянской этнографии и фольклористики. Они в основном содержат информацию об этнических процессах, этнической истории в период классового общества. Нижний хронологический порог данных восточнославянской этнографии и фольклористики не опускается обычно ниже средневековья. Достоверная этнографическая и фольклористическая информация об этнических процессах, этнической истории на исследуемой территории охватывает только последнее тысячелетие, притом для начальной фазы этого отрезка времени ее немного. Она увеличивается постепенно. На данные восточнославянской этнографии и фольклористики можно уверенно опираться при изучении этнических процессов в позднем средневековье. Значение данных восточнославянской этнографии и фольклористики по хронологическим стадиям, во времени, обратно пропорционально данным археологии. Значение последних на поздних этапах этнической истории снижается, значение первых возрастает[7]. Значение данных восточнославянской этнографии и фольклористики для изучения этнических процессов, этнической истории в феодальный период обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, восточнославянская этнография и фольклористика зафиксировала многие явления материальной, социальной и духовной культуры, характерные для стадии феодального общества. Это стало возможным потому, что феодальная стадия развития в Восточной Европе длилась весьма долго. Многие черты феодального общества, культуры этого периода по причине своеобразия исторического развития Восточной Европы сохранялись и во второй половине 19 – начале 20 века, когда материальная, социальная и духовная культура местного населения уже обстоятельно фиксировалась и изучалась этнографической и фольклористической наукой[8]. Во-вторых, благодаря появлению на стадии феодального общества письменных источников стало возможным датировать данные восточнославянской этнографии и фольклористики о явлениях материальной, социальной и духовной культуры феодальной стадии развития. Таким образом, данные восточнославянской этнографии и фольклористики имеют важное значение для исследования этнических процессов, этнической истории средневекового периода в органической связи со сведениями письменных источников, позволяющими определить историческое время существования тех или иных явлений культуры, особенно нижние границы хронологических рамок этих явлений. Время появления отдельных явлений традиционной материальной культуры, зафиксированных восточнославянской этнографией, определяется иногда также с помощью данных археологии.

Для изучения этнических процессов, этнической истории эпохи средневековья исключительно важное значение имеют данные письменных источников. Их сведения являются опорными как для данных восточнославянской этнографии и фольклористики, так и для данных археологии, относящихся к этому периоду. Они содержат также ценнейший лингвистический материал по этнической истории средневекового периода, как раннего, так и позднего, притом по этнической истории позднего средневековья в письменных источ-

никах содержится больше лингвистического материала, чем по этнической истории раннего средневековья. Лингвистический материал, имеющийся в письменных источниках, позволяет эффективно использовать также данные о восточнославянских диалектах, собранные в более позднее время, помогая установить их историческую глубину, датировать их, определить нижние границы хронологических рамок бытования тех или иных восточнославянских диалектов, их составных элементов. Кроме того, в письменных источниках есть данные экономической, социальной, политической истории как позднего, так и раннего средневековья, которые позволяют изучить экономические, социальные, политические процессы, связи, крупные исторические события, являвшиеся в то время важными факторами этнических процессов, этнической истории.

При изучении этнической истории важно также учитывать данные географии. Сведения о природных условиях, природной среде помогают глубже понять исторические, в том числе, конечно, и этнические процессы на данной территории. Ведь особенности местностей влияют на интенсивность связей между людьми в различные исторические периоды, следовательно, на формирование историко-культурных ареалов, локальных особенностей языка и культуры, на своеобразие антропологического облика местного населения, направленность экономических, политических, культурных связей. Естественно, данные географии необходимо использовать в сочетании с данными других наук, например, истории. Ведь влияние особенностей местностей на интенсивность связей между людьми нередко опосредовано другими факторами. В позднем средневековье, в частности, на него значительное воздействие оказывал политический фактор, особенности местностей влияли на локальные особенности языка, культуры и в рамках определенных политических объединений. Кроме того, влияние особенностей природных условий, природной среды на локальные черты культуры и языка осуществлялось также под воздействием экономических центров в этих политических объединениях. Итак, при изучении этнических процессов, этнической истории непременным научным требованием является использование данных любой науки в сочетании, связи с данными других наук. Всесторонний комплексный подход к проблеме – крупное исходное теоретическое положение советской этнографической науки в исследовании этнических процессов, этнической истории, этногенеза, этнической территории любого народа.

2
глава
Древнейшее и древнее население на территории Белоруссии

НАСЕЛЕНИЕ
КАМЕННОГО ВЕКА
НАСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

НАСЕЛЕНИЕ КАМЕННОГО ВЕКА

Территория Белоруссии не входила в прародину человечества. В первый период древнейшей истории, примерно около 2 млн. лет назад, человек здесь не проживал. На территории Белоруссии он впервые появился в конце среднего древнекаменного века, свыше 40 тысяч лет до н.э. Вначале были заселены только некоторые местности на юге. Древнейшие следы пребывания человека обнаружены, в частности, у деревни Бердыж на р. Сож (Гомельщина) и у деревни Велятичи на р. Ясельда (Брестчина), где найдены орудия, типологически относящиеся к среднему древнекаменному веку. Среди них были двусторонне обработанные рубила из кремня[1]. В конце древнекаменного века (40–8 тыс. лет до н.э.) были заселены верховья Немана[2]. В северных областях Белоруссии люди в этот период еще не проживали.

Освоение человеком территории северной Белоруссии относится к среднему каменному веку (мезолиту). Его датируют 7–5 тыс.лет до н.э. Стоянки среднего каменного века обнаружены не только в Полесье, Понеманье, но и в Подвинье, верхнем Поднепровье[3]. Заселение территории Белоруссии происходило несколькими путями. С юго-востока было заселено восточное Полесье (бассейн средней и нижней Припяти), а также верхнее Поднепровье. Западное Полесье (бассейн верхней Припяти) и Понеманье заселялись преимущественно с юго-запада. Подвинье было заселено с юга и запада[4].

В неолитическую эпоху (ее датируют в основном 4–3 тыс. до н.э.) население на территории Белоруссии значительно увеличилось. Было основано много новых поселений. Если к мезолиту относится 80 открытых археологами поселений, то к неолиту – 500. Основная часть населения в этот период проживала на территории Полесья, Понеманья и Посожья. В Подвинье население было малочисленным. Здесь обнаружено всего 16 поселений, тогда как в Припятском Полесье – 150, в Посожье – свыше 110, в Понеманье – свыше 100, в верхнем Поднепровье – около 50[5].

В материальной культуре неолитического населения ярко проявлялись локальные различия. Своеобразные черты имели глиняные изделия в бассейне средней и нижней Припяти. Эту керамику называют гребенчато-накольчатой. Сосуды лепили из теста с растительной примесью. Они были широкогорлыми и остродонными. Орнамент наносили в верхней части, на изгибе и на донышке. Изделия украшали преимущественно отпечатками гребенки и наколами (отсюда и название керамики в этом регионе – гребенчато-накольчатая). В бассейне верхней Припяти и Немана гребенчато-накольчатая керамика имела некоторое своеобразие. В орнаменте реже встречались отпечатки гребенки и гораздо чаще различные наколы (округлые или овальные вдав-

ливания) и прочерченные линии. Сосуды здесь часто изготовлялись из теста с минеральной примесью крупнозернистого песка или дресвы (мелкий щебень). Орнамент в основном наносили на верхней и средней части сосудов. Комплекс предметов с такой керамикой получил название неманской культуры. В особый регион в эпоху неолита на территории Белоруссии выделялось также верхнее Поднепровье. Глиняные изделия здесь изготовляли из теста, песка и дресвы или растительной примеси (последнюю использовали реже). Они имели очень широкое горло, очень толстые стенки. Сосуды украшали оттисками гребенки и глубокими продолговатыми ямками. Последние были столь же характерны для орнамента керамики в этом регионе, как и оттиски гребенки. Отпечатки гребенки имели иное расположение, чем в бассейне средней и нижней Припяти. Неолитическую керамику верхнего Поднепровья назвали гребенчато-ямочной. В этом регионе она была составной частью верхнеднепровской культуры. В северной Белоруссии (Белорусское Поозерье) бытовала так называемая пористая керамика. Сосуды изготовляли из теста с примесью растительных остатков и толченых раковин. Стенки их заглаживали зубчатым штампом, поэтому они были гладкими. Верхнюю часть горшков орнаментировали. Это была ямочно-гребенчатая нарезная керамика нарвского типа, которая являлась составной частью комплекса предметов, получившего наименование нарвская культура.

Определить этническую принадлежность групп населения, в материальной культуре которых была гребенчато-накольчатая, гребенчато-ямочная, пористая керамика, не представляется возможным. Их языки неизвестны. Эти группы населения влились в новые этнические общности, начавшие проникать на территорию Белоруссии в позднем неолите и полностью ассимилировавшие местное население в эпоху раннего металла.

На территории северо-восточной Белоруссии (в Подвинье и Посожье) в III тыс. до н.э. появилось население, составной частью материальной культуры которого была ямочно-гребенчатая керамика[6]. Оно изготовляло глиняные сосуды из теста, главным образом с минеральной примесью. Глиняные сосуды имели яйцевидную форму. Их украшали глубокими ямками (круглыми, овальными, ромбовидными), которые были расположены на поверхности горизонтально, образовывая своеобразные горизонтальные полосы. Отпечатки крупнозубчатой гребенки наносили перпендикулярно поверхности сосуда. Появившиеся на территории северо-восточной Белоруссии в III тыс. до н.э. группы населения с ямочно-гребенчатой керамикой, по-видимому, разговаривали на языке уральской семьи, широко распространенной в неолитическую эпоху в лесной культурной области, к северу и северо-востоку от территории Белоруссии, в частности в Волго-Окском междуречье. Для такого предположения есть веские аргументы. Во-первых, основными видами хозяйственных занятий этих групп населения, как и древнего уральского, не только соседнего финноязычного, но и располагавшегося в отдаленных от территории Белоруссии районах самодийского, были рыболовство и охота. Во-вторых, древнейшими географическими названиями в

этих местностях, как и в соседних северных и восточных районах, являются уральские, в частности финно-угорские. К уральским (финно-угорским) относятся такие названия рек и озер северной Белоруссии, как Двина, Свирь, Мордва и др.[7]. В-третьих, во внешнем облике местного населения при преобладании европеоидных черт сохранились и пережиточные монголоидные признаки, есть монголоидная примесь. Так, на территории северной Белоруссии антропологами зафиксировано наличие относительной монголоидности в одонтологических признаках местного населения[8]. Для некоторых групп местного населения характерно также уплощение лица на уровне орбит, нерезкое выступание переносья, более широкий нос. А для внешнего облика древнего уральского населения был как раз характерен монголоидный антропологический тип или наличие во внешнем облике монголоидных черт. Пережиточные монголоидные черты свойственны и современному финно-угорскому населению. Истоки этих черт во внешнем облике населения северной Белоруссии, по-видимому, восходят к эпохе неолита.

На территории юго-западной Белоруссии, в частности в бассейне верхней Припяти, Ясельды (окрестности нынешних деревень Мотоль Ивановского района, Носки Пружанского, Цытылья Малоритского района в III тыс. до н.э. также появилось население, составной частью материальной культуры которого были воронковидные сосуды[9]. Оно отличалось от остального неолитического населения на территории Белоруссии не только формой керамики, но и другими весьма существенными чертами хозяйственного комплекса. Эта группа занималась уже земледелием и скотоводством. В ее внешнем облике отчетливо были выражены европеоидные черты. Новые хозяйственные занятия этой группы населения — земледелие и скотоводство — позволяют предположить, что по этнической принадлежности она была индоевропейской. Ведь характерными видами хозяйственной деятельности индоевропейцев были именно земледелие и скотоводство. Наиболее древние сходные слова в индоевропейских языках обозначают явления, относящиеся к земледелию и скотоводству. Так, сходными словами обозначаются во многих европейских языках, в частности германских, балтских, славянских, такие явления, как "сеять", "семя", "сыр", "поросенок"[10]. Об индоевропейском характере этого комплекса хозяйства и культуры, видимо, свидетельствует также то обстоятельство, что в регионе его распространения, в частности южнее верхней Припяти, в сравнении с северными областями, расположенными севернее Припяти, самыми древними гидронимами являются индоевропейские[11]. Не противоречит индоевропейскому характеру хозяйственного комплекса с керамикой воронковидных форм и ярко выраженный европеоидный облик его носителей.

Появление в конце неолита в бассейне верхней Припяти отдельных групп земледельческо-скотоводческого индоевропейского населения знаменовало собой закат большой эпохи в этнической истории Белоруссии и канун другой, в течение которой произошли коренные изменения в хозяйстве и куль-

туре населения на территории Белоруссии, его этническом облике. В новый исторический период древнейшее население, занимавшееся охотой, рыболовством, собирательством и изготовлявшее каменные орудия труда, сменилось древним, основными занятиями которого стали земледелие и скотоводство. Древнее население постепенно перешло от производства каменных орудий труда к изготовлению металлических.

НАСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Древнее население проживало на территории Белоруссии в эпоху раннего металла. Она охватывает весь бронзовый век (конец Ш тыс. до н.э. – УШ–УП века до н.э.) и ранний железный век (УП–У1 века до н.э. – 1У – У века н.э.). Значительные изменения в хозяйстве и культуре населения на территории Белоруссии, его этническом облике произошли уже в бронзовом веке. В этот период появились орудия труда, изготовленные из бронзы (бронзовые топоры). Первоначально они попадали сюда из южных областей, в частности из Волыни, Прикарпатья. Позднее, с середины II тыс. до н.э., было налажено местное производство этих орудий, но на привозном сырье, так как на территории Белоруссии не было залежей меди и олова, необходимых для получения бронзы. Это обстоятельство существенно ограничивало распространение бронзовых изделий в регионе. Поэтому здесь их было мало. К настоящему времени на территории Белоруссии их найдено только около 60[12]. Большинство орудий продолжали делать из камня, широко используя самые прогрессивные способы его обработки –сверление, шлифовку, полировку.

Прогресс в развитии техники явился важной предпосылкой распространения на территории Белоруссии земледелия и скотоводства. Веским доказательством существования здесь земледелия в бронзовом веке являются отпечатки зерен злаков на стенках глиняных сосудов. Убедительным аргументом распространения скотоводства в этом регионе в это время служат найденные во многих его местностях кости домашних животных – свиней, овец, быков, лошадей. В этот период на территории Белоруссии сформировался более сложный комплекс хозяйственных занятий и материальной культуры. Наиболее значительным хозяйственным занятием в нем было животноводство. Оно давало большую часть продуктов, являлось основным средством производства пищи. Удельный вес земледелия в это время был меньшим. Оно велось ручным способом еще на небольших участках и по количеству производимых продуктов уступало скотоводству. Земледелие, и особенно скотоводство, получило распространение в бронзовом веке не только в южных, но и в центральных, и даже в северных областях Белоруссии.

Быстрое распространение на территории Белоруссии земледелия и скотоводства (в основном уже в раннем бронзовом веке, т.е. в конце Ш тыс. до н.э. – середине П тыс. до н.э.) позволяет предположить, что в этот период

здесь широко расселилось земледельческо-скотоводческое население, проживавшее ранее (в неолитическую эпоху) в районах, расположенных к югу от территории Белоруссии, занимавшее южные районы Восточной Европы, а также обширные пространства Средней и Южной Европы[13]. Сравнительно быстрое расселение земледельческо-скотоводческих племен на территории Белоруссии и в соседних регионах явилось следствием миграции, обусловленной значительным ростом населения, характером скотоводческого и земледельческого хозяйства, в этот период требовавшего новых, не занятых ранее земледелием и скотоводством земель. О совершившейся миграции свидетельствует большое сходство хозяйства и культуры населения на территории Белоруссии в бронзовом веке с хозяйством и культурой племен, проживавших в это время в обширном европейском регионе к югу, юго-востоку и юго-западу от территории Белоруссии (наличие в хозяйственном комплексе скотоводства и земледелия; разводили те же виды животных – быков, овец, свиней, выращивали те же виды растений – лен), а в материальной культуре – так называемых "боевых" (ладьевидных) топоров и шнуровой керамики. Миграцией объясняется и большое сходство земледельческо-скотоводческого хозяйства и материальной культуры населения на территории Белоруссии в первоначальный период бронзового века с хозяйством и материальной культурой племен этого времени, располагавшихся в соседних восточных, северо-восточных, северо-западных и западных районах. На этих землях в раннем бронзовом веке также распространились земледелие и скотоводство, "боевые" топоры, шнуровая керамика.

Новые племена, расселившиеся на территории Белоруссии в бронзовом веке, были индоевропейскими по языку. Это утверждение обосновывается рядом аргументов. Прежде всего тем, что основными хозяйственными занятиями новых племен были земледелие и скотоводство, т.е. те виды хозяйства, которые были характерны для индоевропейцев. Как уже было отмечено, явления, относящиеся к раннему земледельческому и скотоводческому хозяйству, обозначаются во многих индоевропейских языках сходными терминами: "сеять", "семя", "капуста", "морковь", "огурцы", "корова", "свинья", "поросенок", "овца", "шерсть", "сыр", "сено"[14]. Важным аргументом индоевропейской принадлежности расселившихся в бронзовом веке на территории Белоруссии земледельцев и скотоводов является также появление в местностях их нового обитания индоевропейских гидронимов (названий рек, озер). Именно к этому времени, по всей вероятности, относится появление индоевропейских гидронимов на территории, расположенной к северу от Припяти, в том числе в районах центральной и отчасти северной Белоруссии[15]. Индоевропейскими, в частности, являются названия рек Цна, Лань, Гавья, Ула, Чечора, Волма, Нача и др. Расселение индоевропейских племен и установление постоянных контактов с местным населением сопровождалось интенсивными этническими процессами. На территории Белоруссии это были процессы ассимиляции местного неиндоевропейского населения, как неизвестного по языку в южных и центральных областях,

так и известного (уральского) в самых северных районах. Победа индоевропейского языка, поглощение им распространенных прежде языков обусловлена тем, что индоевропейское население находилось на более высоком уровне хозяйственного и культурного развития. Об этом свидетельствуют их хозяйственные занятия, постройки. Расселившиеся индоевропейцы значительно превосходили местное население и своей численностью. Этому способствовал род их занятий. Местное население усваивало язык и культуру новых племен, трансформировалось в индоевропейцев, оказывая некоторое влияние на новую культуру, язык. Так от групп уральского населения в язык индоевропейцев на территории северной Белоруссии перешли некоторые местные географические названия, сохранившиеся до сих пор (Двина, Свирь, Мордва и др.). Группы уральского населения оставили также некоторые следы и в антропологическом облике утвердившихся здесь индоевропейцев[16].

Индоевропейцы в это время подразделялись на ветви: иранскую, фракийскую, иллирийскую, италийскую, германскую, славянскую, балтийскую и другие. Какие ветви индоевропейской общности расселились и проживали на территории Белоруссии в то далекое время? Ответить на этот вопрос помогают данные гидронимики. Они, как правило, являются историческим свидетельством пребывания населения, разговаривавшего на том языке, к какому относятся названия рек, озер. В обширной зоне территории Белоруссии, расположенной к северу от Припяти (сюда относится значительная часть южной, а также вся центральная и северная области), древнейшими индоевропейскими гидронимами были балтские. Балтскими являются названия рек Лань, Цна, Оресса, Клева, Брожа, Лосвида, Ула, Гавья, Реста, Эса и другие[17]. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что на большей части территории Белоруссии в это время расселились и жили балты. На территории, расположенной к югу от Припяти, балтийских гидронимов мало. В этом регионе более широко распространены древние славянские гидронимы. К ним относятся, например, названия рек Стырь, Стубла, Стубель, Свороговка, Родча, Рубча и др.[18]. Можно предположить, что часть индоевропейского населения в этой области была славянской. Славянскими, вероятно, были группы населения, для керамики которых характерны шаровидные амфоры[19]. Еще с большей вероятностью можно считать славянскими группы населения, проживавшие на территории юго-западной Белоруссии и изготовлявшие тшцинецкую и лужицкую керамику.

Таким образом, бронзовый век явился началом новой эпохи в этнической истории населения на территории Белоруссии, временем широкого распространения индоевропейцев, интенсивной ассимиляции неиндоевропейских групп. Органическим продолжением этой эпохи был ранний железный век (УП- У1 в. до н.э. – 1У–У в. н.э.). Он был периодом дальнейшего развития процессов, происходивших в бронзовом веке, стадией консолидации и упрочения новых культурно-лингвистических и метаэтнических общностей – балтов и славян. Экономическая основа этих этнических процессов – важные

изменения в производстве и распространение кузнечного промысла, т.е. изготовление железных орудий труда, значительно (в несколько раз) превосходивших по своей производительности бронзовые и каменные. Это оказало существенное влияние на развитие всего хозяйства и материальной культуры. В отличие от производства бронзовых изделий, ограниченного на территории Белоруссии тем обстоятельством, что здесь отсутствовало местное сырье для их изготовления и их делали из привозного, кузнечный промысел получил широкое распространение, поскольку железо получали из болотной, озерной руды, имевшейся на территории Белоруссии в необходимом количестве во всех ее районах. Поэтому железные орудия труда постепенно вытеснили не только каменные, но и бронзовые. Новые орудия труда стали благоприятной предпосылкой для освоения новых площадей под земледелие (особенно в лесной зоне). Железным топором легче и быстрее и на более обширных участках вырубить деревья и кустарники, выкорчевать пни, а железной мотыгой успешно вскопать почву, пронизанную кореньями.

Хозяйство и материальная культура в раннем железном веке быстрее изменялись в южной Белоруссии. Здесь раньше появились железные орудия труда, в этом регионе их изготовляли и применяли уже в УП–У1 вв. до н.э. На территории северной Белоруссии железные орудия появились на три столетия позже[20]. Соответственно каменные и бронзовые орудия труда были вытеснены железными раньше на юге и позже на севере (в основном во второй половине раннего железного века). На территории южной Белоруссии быстрее развивалось земледелие. В отдельных местностях этой зоны в ту эпоху уже появилось плужное земледелие, о чем свидетельствует найденное около деревни Каплановичи, расположенной в 10 км к югу от Клецка, орудие пашенного земледелия – так называемое кривогрядильное рало, которое датируют ранним железным веком. Хозяйство и материальная культура южной Белоруссии в раннем железном веке постоянно испытывали влияние экономически и культурно более развитых соседних южных регионов древних европейских цивилизаций. Здесь обнаружены относящиеся к раннему железному веку скифские и кельтские изделия, античные амфоры[21]. В центральной и северной Белоруссии в раннем железном веке хозяйство и материальная культура изменялись медленнее. Но направление развития хозяйства и культуры в этом ареале было таким же, как и в южном. Здесь также постепенно закреплялись те новые явления, дальше развивались те процессы, начало которых относится к бронзовому веку. В раннем железном веке на территории Белоруссии завершается ассимиляция неиндоевропейского населения, как неизвестного по языку (в средней и юго-восточной части), так и известного – уральского (в северных районах). Ассимилируются сохранившиеся от предшествующего периода группы неиндоевропейского населения, занимавшиеся прежде рыболовством, охотой, собирательством, проживавшие в бронзовом веке в отдельных болотистых районах правобережья Верхнего Днепра, в верхнем течении Немана, по левым притокам Припяти[22]. Некоторые черты культуры этого неиндоевропейского населения, в частности

отдельные элементы языка, например, уральские гидронимы (Двина, Свирь, Мордва и др.) на территории северной Белоруссии были восприняты утвердившейся здесь балтской группой индоевропейцев. Образовались и гибридные балтско-финские гидронимы, например Лынтупка, Дрисса[23]. В раннем железном веке на территории Белоруссии количество балтских гидронимов увеличилось. В это время их стало более сотни[24]. Особенно плотный слой балтских гидронимов сформировался в бассейне Сожа, Березины, Немана. К югу и юго-западу от Припяти в это время преобладали славянские гидронимы[25]. В раннем железном веке более четко сформировался и антропологический облик населения на территории Белоруссии. Характерной антропологической чертой древнего населения на территории Белоруссии в этот период было широкое лицо. В центральной и северной части данная черта внешнего облика сочеталась с ярко выраженной долихокранией (длинная голова)[26]. В южной части, особенно к югу и юго-западу от Припяти, внешний облик древнего населения имел некоторое отличие. Длина головы была несколько меньшей, т.е. средней. Относительная широколицесть сочеталась здесь с мезокранией. В некоторых районах северной Белоруссии в европеоидном внешнем облике древнего населения имелась слабая монголоидная примесь, воспринятая, видимо, пришлым балтским населением от ассимилированных местных групп, финно-угорских по языку.

В раннем железном веке локальные культурные различия проявлялись больше всего в керамике и меньше – в типе поселений, жилищ. По типу поселений и жилищ устойчивый однородный культурный регион представляли собой северные и центральные районы территории Белоруссии. Основным типом поселений здесь были городища. Население проживало преимущественно в удлиненных наземных домах столбовой конструкции. По особенностям керамики этот регион подразделялся на две части – северную и центральную. В первой (днепро-двинской) преобладали гладкостенные сосуды баночных форм, слабопрофилированные горшки, во второй (средней) была распространена штрихованная керамика. Внешнюю, а иногда и внутреннюю сторону ребристых сосудов покрывали беспорядочными, чаще вертикальными, штрихами. Культура населения, проживавшего в раннем железном веке на территории южной Белоруссии, отличалась большим разнообразием. Здесь бытовало два типа поселений – городища и селища. Типичные поселения на востоке южной Белоруссии, в бассейне Днепра – городища; к западу от этого района, в бассейне Припяти – селища. Городища здесь использовали как убежища. На территории южной Белоруссии имелось два типа жилищ – наземные и полуземлянки. Наземные жилища южной Белоруссии отличались от жилищ северной Белоруссии меньшими размерами. Полуземлянки чаще встречались в бассейне Припяти, особенно в середине и во второй половине раннего железного века. Территория южной Белоруссии отличалась от центральной, а также и северной и своеобразием керамики. На востоке этого ареала длительное время (в первую половину раннего железного века) бытовала милоградская керамика. Большинство сосудов

имело шаровидное, округло-утолщенное или яйцевидное тулово и округлое днище. Самая распространенная форма керамики — яйцевидный горшок с невысокой шейкой и круглодонная миска.

В западной части южной Белоруссии в отличие от восточной в первой половине раннего железного века существовала еще лужицкая керамика, а затем (1У–II вв. до н.э.) распространилась подклошовая[27]. Составными элементами последней были большие лепные сосуды с бугристой поверхностью, которые в литературе называют клошами, а также небольшие округлобокие горшки и миски, кубки. Ряд глиняных изделий использовали в погребальном обряде. Горшки служили урной, куда помещали остаток погребального костра. Урну прикрывали миской, а затем клошом. Такой погребальный обряд в археологической литературе называют подклошовым.

В последних веках 1 тыс. до н.э., в частности в конце II в. до н.э., подклошовую и милоградскую керамику на территории южной Белоруссии сменила зарубинецкая[28]. Зарубинецкие сосуды были плоскодонными. Характерными составными частями этой керамики являются биконические горшки. Часть этих сосудов имела округлые бока.

Во второй половине раннего железного века (с сер. II в. н.э.) на территории южной Белоруссии на некоторое время поселилась часть германских племен (готов). Но они не оказали заметного влияния на местное население. В 1У в. н.э. их культура в этом регионе исчезла[29].

Новые изменения в этническом составе населения на территории Белоруссии произошли во второй половине 1 тыс. н.э., т.е. в позднем железном веке, который хронологически относится уже к раннему средневековью европейской истории.

3 глава

Этнические общности раннего средневековья

МАССОВОЕ РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯН НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ. ДРЕГОВИЧИ, ХАРАКТЕР ИХ КУЛЬТУРЫ. РАДИМИЧИ КРИВИЧИ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИХ НАЗВАНИЯ. УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ И ТИП ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ДРЕГОВИЧЕЙ, КРИВИЧЕЙ, РАДИМИЧЕЙ. ПРОТОГОРОДА, ПРОТОГОСУДАРСТВА, ПРОТОНАРОДНОСТИ.

К раннему средневековью относятся 6–10 века нашей эры. Это было время больших перемен в экономике, социальной структуре и типах этнических общностей населения на территории Белоруссии. В эту эпоху происходил процесс разложения общинно-родового строя и формирования раннеклассового общества. Он сопровождался массовыми перемещениями населения, смешением различных этнических групп, возникновением новых этнических общностей, отличавшихся от существовавших ранее прежде всего новыми чертами культуры. По степени развития этнических процессов, их характеру раннее средневековье на территории Белоруссии подразделяется на два основных этапа. Первый охватывает 6–8 века, второй – 9–10 века.

На первом этапе раннего средневековья, в 6–8 вв., на большей части территории Белоруссии (особенно северной и центральной) преобладало балтское население. В пределах балтского ареала на территории Белоруссии имелись некоторые различия в культуре, преимущественно в жилище и керамике. По особенностям культуры в нем выделяется две зоны. К первой относится Верхнее Поднепровье, включая верховья Сожа и Подвинье, где расположены археологические памятники типа Тушемли–Банцеровщины. Здесь преобладали наземные дома, редко встречались ребристые сосуды. Во вторую зону входит Гомельско-Могилевское поречье Днепра (археологические памятники типа Колочин). В ней господствовали полуземляночные жилища, а в ассортименте керамических изделий чаще встречались ребристые сосуды[1].

МАССОВОЕ РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯН НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Для этого исторического этапа характерны перемещения различных групп населения из одной области в другую. В этот период усилилось влияние славян на балтов на территории Белоруссии.

В У1–УП веках славяне проживали компактно, сплошным массивом только в самых южных районах современной территории Белоруссии, в бассейне реки Припяти, преимущественно к югу от нее. Славянскими являются относящиеся к этому времени археологические памятники Хотомель, Хильчицы, Семурадцы, Городище, Пинск, Петриков. Основным типом славянских поселений были селища (неукрепленные поселения). Чаще всего они располагались гнездообразно на протяжении 2–5 км. Преобладающий тип жилища – полуземлянка. Печь в жилищах славян находилась преимущественно в

одном из его углов, чаще всего противоположном от входа. Бытовали как прямоугольные глиняные печи, так и печи-каменки. В керамике преобладали горшки со слабо выраженными плечиками. Сосуды обычно были коричневого цвета без орнамента. У славян господствовал обряд трупосожжения. Умершего сжигали в стороне от места погребения. Пепел помещали в глиняные урны или накрывали горшком, перевернутым вверх дном, и хоронили в бескурганных могилах или в курганных насыпях, округлых в плане, невысоких и окруженных кольцевыми ровиками.

В У1–УП вв. н.э. началось проникновение славян в балтский ареал. На территории Белоруссии об этом свидетельствуют славянские культурные элементы, которые отчетливо фиксируются в древностях типа Колочин–Банцеровщина–Тушемля. В балтском ареале в это время появляются полуземлянки с типичным славянским интерьером. Так, полуземлянки с печами-каменками в одном из углов обнаружены в археологических памятниках Щатково в нижнем течении Березины, Тайманово в Могилевском Поднепровье, Городище, Дедиловичи, Ревячки на Минщине. У балтов очаг располагался в центре жилища. К славянским культурным элементам относятся и каменные жернова, найденные в археологических памятниках Городище, Дедиловичи. Балтское население пользовалось каменными зернотерками. Славянам принадлежали железные ножи с волотообразными завершениями рукоятей, обнаруженные в археологических памятниках Тайманово, Городище, Ревячки[2].

В УШ–1Х вв. н.э. происходит массовое расселение славян в балтском ареале на территории Белоруссии. Большими группами селятся они сначала в районах, расположенных севернее реки Припяти – в верховьях рек Случь и Оресса, на правом берегу Днепра, затем по Березине. Здесь находятся округлые курганы, в которых захоронены умершие посредством обряда трупосожжения. В курганах обнаружена славянская керамика. Заселение славянами районов севернее Припяти шло с южной части Припятского бассейна. Об этом свидетельствуют одинаковые водные названия правобережной и левобережной части Припятского Полесья и бассейне Березины: Случь, Гривка, Дубравка, Железница, Тростянец, Став. В УШ–1Х вв. н.э. славяне поселяются в Посожье. Этим временем (1Х в. н.э.) датируются славянские археологические памятники – круглые курганы с захоронениями по обряду трупосожжения. В 1Х в. н.э. славяне расселяются и в Подвинье. Именно им принадлежат археологические памятники этого века – круглые (полусферические) курганы. Они располагались скученно, находились недалеко друг от друга и часто сливались основаниями. Их насыпали из грунта, который брали возле места возведения насыпи. Вокруг курганов образовывались ровики. К 1Х–Х вв. славяне расселились также в Верхнем Понеманье. Славяне хоронили здесь умерших в округлых курганах.

Таким образом, в УШ–1Х вв. н.э. произошли существенные изменения в этническом составе и культуре населения на территории Белоруссии. Большие группы славян продвинулись и осели во всех ее регионах. Они вступили в тесные контакты с проживавшим здесь балтским населением, которые по-

родили интенсивные этнические процессы. Взаимодействие славян и балтов существенно изменило их культуру. Балтское население было ассимилировано. Прежняя культура типа Тушемли – Банцеровщины – Колочина в УШ в. исчезла. Вследствие славяно-балтского синтеза к IX–X вв. н.э. сформировались новые славянские этнические общности, которые неоднократно упоминаются в средневековых письменных источниках. Территорию Белоруссии занимали в это время дреговичи, радимичи и большая группа кривичей.

ДРЕГОВИЧИ, ХАРАКТЕР ИХ КУЛЬТУРЫ

Дреговичи проживали на большей части южной и значительной части средней Белоруссии. В "Повести временных лет" указывается, что они обитали между Припятью и Западной Двиной ("седоша межю Припятью и Двиною и нарекошася дреговичи"[3]). Как свидетельствуют археологические материалы, южная граница территории дреговичей проходила южнее Припяти. От соседней этнической общности древлян дреговичей отделяли здесь болотистые районы. Восточной границей территории дреговичей было поречье Днепра. Поселения дреговичей сосредоточивались преимущественно на правом берегу Днепра. Северо-восточная граница их проходила примерно по водоразделу рек Друти и Березины, а северная по линии, идущей через Борисов и Заславль. На западе дреговичи занимали верховья Неманского бассейна[4]. В их культуре преобладали славянские элементы. Язык их был славянский. Славянскими являлись такие элементы их культуры, как крупные металлические бусы, покрытые зернью, перстнеобразные височные кольца. Славянской была и дреговичская керамика, серпы, ножи, кресала, а также монетообразные привески. Славянские элементы характерны и для погребального обряда дреговичей. Умерших клали на костер обычно головой к западу. Особенно отчетливо славянские черты выражены в археологических памятниках дреговичей, расположенных в южной части их территории – в районах, находящихся южнее реки Припяти, а также в ее поречье. К элементам культуры дреговичей, воспринятым от балтов, относятся спиральные перстни, змеиноголовые браслеты, металлические спиральки (ими украшали одежду), подковообразные застежки, звездчатые пряжки. К балтским истокам восходит захоронение умерших в некоторых местностях территории дреговичей в деревянных домовинах – теремах. В таких погребальных сооружениях умерших мужчин клали головой к востоку, что характерно для погребального обряда балтов. Элементы культуры, воспринятые от балтов, обычно встречаются в северной части территории дреговичей – в районах, расположенных к северу от реки Припять, т.е. в том регионе, где прежде, до появления славян, жили балты.

Смешанное происхождение дреговичей как результат славяно-балтского синтеза отражает и название этой этнической общности. Корень названия, по-видимому, балтский. В литовском языке есть много слов с этим корнем

(drėgnas — сырой, влажный, drėgneti, drėgnuti — сыреть, пропитываться сыростью, влажнеть, увлажняться, drėgme — сырость, влага, влажность, drėgnumas — сырость[5]).Слова с этим корнем отражают одну из особенностей местности, в которой проживала большая группа дреговичей, а именно влажность, заболоченность земель в поречье Припяти. По этой особенности местности и называли ее жителей, которыми первоначально были балты. По аналогии с названием другой балтской этнической общности (Lietuva) известный советский лингвист Г.А. Хабургаев реконструирует первоначальное название рек dreguva[6]. Он обращает внимание на близость этой формы к той, которой зафиксирована несколько раз новая этническая общность в средневековом письменном памятнике "Повесть временных лет" (дреговичи, дреговиче). По всей вероятности, после смешения славян с балтами и ассимиляции последних в названии сформировавшейся новой этнической общности была сохранена прежняя основа, к которой было добавлено славянское — "ичи". Таким образом, термин „дреговичи" представляет славянизированное название прежней, дославянской формы, обозначавшей группу балтского населения по особенности территории, на которой оно проживало. Зафиксированное в прежнем названии своеобразие территории сохранилось и в наименовании сформировавшейся в этой местности новой славянской этнической общности. С географическим своеобразием территории дреговичей тесно связан и термин "дрыгва" в белорусском языке. Он обозначает топкое, низкое место, вязкое болото. Термин "дрыгва", по-видимому, также имеет балтские истоки. Он характерен преимущественно для белорусского языка. В более архаичной форме (дрегва) он иногда встречается у русских на Смоленщине, где в далеком прошлом жили балты, и в несколько измененной форме (драгва, драговина, дряговина) — также в украинском языке, где он мог распространиться в результате заимствования, диффузии. Таким образом, данные археологии и лингвистики позволяют утверждать, что дреговичи, обитавшие в южной части нынешней территории Белоруссии, были славянской этнической общностью, образовавшейся в результате смешения славян с балтами.

РАДИМИЧИ

К востоку от дреговичей на территории Белоруссии и в соседних с ней восточных районах проживали радимичи. По данным летописи "Повесть временных лет", они занимали земли между Днепром и Десной. Основной ареал их расселения — бассейн рек Сожа и Ипути. Больше всего памятников их культуры находят в Посожье. Как свидетельствуют археологические материалы, западная граница территории радимичей проходила в основном вдоль течения Днепра вплоть до впадения Березины. Далее она шла на юго-восток, пересекая Днепр и Сож несколько севернее впадения Сожа в Днепр, а затем продолжалась на восток до реки Снов. Здесь радимичи соседствовали с севе-

3. Зак. 5066.

рянами. Отсюда граница их территории проходила до реки Болвы, поворачивала на запад, пересекала реку Проню и подходила к Днепру южнее Старого Быхова. К северу от Болвы до Днепра соседями радимичей были кривичи. Радимичи так же,как и дреговичи, сформировались в результате смешения славянского и балтского населения, ассимиляции последнего. В культуре радимичей, как и дреговичей, преобладали славянские элементы. Их язык был славянским. В летописи "Повесть временных лет" неоднократно указывается на их родство с западными славянскими этническими общностями, в частности расположенными на территории Польши ("быша же радимичи от рода ляхов")[7]. Славянскими в культуре радимичей были семилучевые височные кольца, височные перстнеобразные колечки, бубенчики, ожерелья из бус. Славянской являлась и керамика. Славянские черты отчетливо выражены и в погребальном обряде. Умерших мужчин и женщин хоронили в вытянутом положении, на спине. В погребениях преобладала ориентировка головой к западу. Вместе с тем в археологических памятниках радимичей зафиксированы и балтские элементы. Широко были распространены шейные гривны с заходящими концами, с завершающимися розеткообразными бляхами. К балтским элементам в курганах радимичей относятся и браслеты со стилизованными змеиными головами на концах, бронзовые спиральки, костяные привески в виде уточек, звездообразные (лучистые) пряжки. Балтские элементы заметны и в погребальном обряде радимичей. Значительное количество погребений свидетельствует о сохранении у радимичей также балтской традиции расположения умерших мужчин головой к востоку[8]. Радимичская этническая общность, по всей вероятности, формировалась в том ареале, который указан в "Повести временных лет" как место их обитания. Так считает Б.А. Рыбаков[9]. О формировании радимичей в результате славяно-балтского синтеза на месте их проживания, вероятно, свидетельствует и их название. Летописная легенда о происхождении радимичей от мифической личности Радима, который якобы был их предком, прародителем, скорее отражает библейское мировоззрение автора этой легенды, чем действительный исторический процесс. И человечество, и этнос не происходят от одного человека. Их предками является группа людей, часто весьма значительная, а не один человек. Скорее существование определенного этноса порождает легенды о его предке, и название этого этноса также рождает легенды с целью объяснить его происхождение. Здесь мы встречаемся с типичным примером мифотворчества, этногенетическим мифом. Название радимичей (как и дреговичей), вероятно, славяно-балтское. Его основа — балтская, а окончание — славянское. Наибольшую близость термин "радимичи" обнаруживает с балтскими (литовскими) терминами radimas — нахождение, radimviete — местонахождение[10]. У них — общая основа (радим), различаются только окончания. Название этнической общности радимичей имеет славянское окончание — "ичи". Предположение о балтских истоках термина "радимичи" без анализа конкретного лексического материала было ранее высказано Г.А. Хабургаевым. В своем труде "Этнонимика "Повести времен-

ных лет" он отмечал древнюю традицию именовать терминами с окончаниями – "ичи" ассимилируемые славянами "инородческие" этнические группы. Генетическая связь летописных радимичей с давним балтским населением в Посожье не вызывает у него сомнений, что дало ему основание в общей форме предположить, что термин "радимичи" образован от исторически более раннего названия балтской этнической общности, которая была славянизирована к 9–10 векам.

Таким образом, в формировании радимичей, характере их культуры есть общие черты с дреговичами. В формировании и первых, и вторых приняло участие как славянское, так и балтское население. Но между ними имелись и некоторые различия. Балтских элементов в культуре радимичей было больше, чем в культуре дреговичей. Очевидно, в формировании радимичей принимала участие большая группа балтов. Балтский субстрат у радимичей выражен сильнее.

КРИВИЧИ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИХ НАЗВАНИЯ

К северу от радимичей и дреговичей проживали кривичи. Западная граница их на территории Белоруссии проходила вдоль Освейского озера, затем опускалась на юг, пересекала Западную Двину близ устья Дриссы. Отсюда она шла к бассейну Десны (левому притоку Западной Двины). Самым западным кривичским поселением в этом районе был Браслав. На севере и востоке граница кривичей проходила за пределами территории Белоруссии. Они занимали не только север Белоруссии, но и соседние районы Подвинья и Поднепровья (Псковщину и Смоленщину). В "Повести временных лет" указывается, что "кривичи иже седять на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра"[11]. Археологическими памятниками кривичей (как и дреговичей и радимичей) являются круглые (полусферические) курганы. Культура кривичей имела региональные различия. Их подразделяют на две большие группы – полоцко-смоленскую и псковскую. На территории Белоруссии (а также на Смоленщине) проживала полоцко-смоленская группа. Она отличалась от псковской своеобразными украшениями: браслетообразные височные кольца с завязанными концами. У псковской группы кривичей таких украшений не было. В этническом облике кривичей, в том числе, конечно, и полоцко-смоленских, преобладали славянские черты. Язык их был славянским. Славянским является и основной тип украшений полоцко-смоленских кривичей – браслетообразные височные кольца с завязанными концами. К славянским элементам культуры относятся также кривичские браслеты, большинство видов перстней (проволочные, гладкие, витые, пластинчатые, рубчатые, щитковые). Отчетливо славянские черты имеет керамика круглых кривичских курганов. Основную ее часть составляют горшки с коническим туловом, округлыми, слабо выраженными плечиками и слегка отогнутым венчиком. Цвет их желто-серый и красновато-желтый. Большинство горшков не орнаментировано. Славянские элементы прослеживаются и в погребальном обряде кри-

вичей. Для значительной части погребений характерна славянская ориентировка умерших (головой к западу). Вместе с тем в культуре полоцко-смоленских кривичей весьма заметны и балтские элементы. Немало их среди кривичских украшений. К балтским элементам в украшениях кривичей относятся, в частности, браслеты со змеиными головами, спиральные перстни, шейные гривны балтского типа, головной венок, состоящий из нескольких рядов спиралек, нанизанных на лыко и перемежающихся пластинчатыми бляхами, лучевые кольцеобразные пряжки, подковообразные застежки с коническими, многогранными, завернутыми концами. Балтские элементы зафиксированы и в погребальном обряде кривичей. Балтской традицией является наличие в погребении ритуальных кострищ, встречающаяся в некоторых погребениях ориентировка умерших головой к востоку[12]. Смешанное славяно-балтское происхождение кривичей, возможно, отражено и в названии данной этнической общности. Ряд исследователей указывает на близость этого наименования к балтской лексике и считает, что оно происходит от балтских терминов. Так, по мнению советского археолога П.Н. Третьякова, название "кривичи" имеет балтское происхождение (происходит от слова "Криве", которое якобы обозначает имя одного из персонажей литовской языческой мифологии)[13]. Советский историк Б.А. Рыбаков также полагает, что в названии кривичей сохранилось имя литовского верховного бога Криве-Кривейте. Как и П.Н. Третьяков, он утверждает, что кривичи образовались в результате смешения славян с балтами, ассимиляции последних, и называет кривичей "полулитовцами"[14]. Такие ученые, как Г. Миллер, Н. Карамзин, Т. Нарбут, А. Киркор вели происхождение названия "кривичи" от имени верховного жреца балтов Криве-Кривейте. Белорусский археолог Г.В. Штыхов считает, что название "кривичи", возможно, произошло от имени старейшины рода Криве. Он не исключает также этимологию термина "кривичи" от слов, обозначающих близких по крови (рус.– кровные, бел. – крэўныя)[15]. Известный русский историк С.М. Соловьев утверждал, что название "кривичи" связано с характером местности, которую они занимали, и вел наименование кривичей от балтского (литовского) слова kirba (топь, трясина). Летописец говорит: "Разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте". Стало быть, дреговичи и кривичи получили название свое от местности, ими занятой. Местность эта и теперь обильна топями, трясинами, а топь, трясина называется в Западной России "дрегва", "дрягва", по-литовски kirba[16]. Стремясь обнаружить связь кривичей с балтами в названии кривичской этнической общности, авторы этих гипотез допускают ряд неточностей, на которые необходимо обратить внимание, чтобы найти аргументированный ответ на этот вопрос. Не находит обоснования фактическим материалом гипотеза о том, что название кривичей происходит от имени одного из персонажей литовской языческой мифологии Криве, литовского верховного бога Криве-Кривейте. Более обстоятельное изучение балтской мифологии показывает, что такие образы не характерны для пантеона балтских богов. Более того, правильнее выводить названия мифических образов

из наименований реальных явлений, нежели делать наоборот. Не подтверждается фактическими данными также гипотеза о том, что это название происходит от имени верховного жреца балтов Криве-Кривейте. Реальная историческая личность, священник по имени Криве, влияние которого распространилось на земли Пруссии, Литвы, Куршии и Земгалии, жил в 14 веке, когда кривичей как этнической общности уже не было[17]. Его известность обусловлена борьбой балтов в это время с Тевтонским Орденом. Нельзя признать верной также гипотезу о происхождении кривичей от имени старейшины рода Криве. Во-первых, о нем нет свидетельств в письменных источниках. Его можно рассматривать как плод воображения тех, кто писал об этом. Во-вторых, ошибочно вести происхождение этнической общности от одного человека, а ее название от имени одного человека. Этот взгляд можно рассматривать как некритическое отношение к широко распространенной в прошлом библейской традиции, нашедшей отражение во взглядах летописцев, историков того времени. Весьма сомнительно также выводить название "кривичи" от слов, обозначающих кровное родство. Кровнородственные отношения характерны для сравнительно небольших групп людей, называемых родами. Их чаще всего называли по именам животных, птиц. Невозможно, чтобы представления о кровном родстве распространились на такую большую общность, как кривичи, территория которых в широтном направлении простиралась почти на тысячу километров. Заслуживает пристального внимания мысль видного русского историка С.М. Соловьева о том, что ряд названий этнических общностей, в частности дреговичей, кривичей, связан с характером местности, которую они занимали. Можно вполне согласиться с его утверждением, что особенности местности отражены в названии дреговичей. Такой же характер, по мнению С.М. Соловьева, имела и местность, занятая кривичами. Термину "кривичи" он придал такие же черты, как и названию "дреговичи". Согласно его гипотезе, термин "кривичи" происходит от балтского слова kirba, обозначающего болото. Это вызывает ряд серьезных возражений. Во-первых, болотистая местность составляла только часть территории кривичей. Значительно большая часть их этнической территории представляла собою холмистую местность. Холмистой была этническая территория кривичей на Минщине, Смоленщине. Во-вторых, маловероятно происхождение термина "кривичи" от балтского слова kirba. С лингвистической точки зрения такое объяснение представляется искусственным, необоснованным. Г.А. Хабургаев высказал предположение, что название кривичей отражает характер границы, идущей по кривой линии. Он указывает, что на территории будущей Псковщины славянские колонисты должны были столкнуться со своеобразным населением балто-финского пограничья (с кривой?), откуда произошли летописные кривичи. Вероятнее всего, название "кривичи" действительно отражает своеобразие той значительной части их территории на Минщине и Смоленщине, где много холмов, а местность как бы кривая: возвышенные места чередуются с более низкими. Такой характер местности особенно типичен для юга и востока их этнической территории.

В отличие от первоначальной болотистой местности дреговичей ее могли назвать кривой. Поэтому название "кривичи" происходит не от литовского слова kirba (болото), а от слов, обозначающих холмистую местность. Слова, которыми фиксируются холмистость, кривизна, в балтском и славянском языках близки по звучанию и по составу основы. Много слов со значением кривизны есть в литовском языке (kreivas – кривой, kreivinti – кривить, искривлять, kreivis, kreivumas – кривизна, kreivomis – косо, kreivuzas – кривая вещь[18]. К этим литовским словам близки по значению и звучанию, корневой основе белорусские слова "крывы" – выгнутый, неровный, непрямой, "крывіць" – делать кривым, выгнутым, неровным, непрямым, "крывець" – становиться кривым, выгнутым, неровным, "крывуля" – кривая вещь, кривое дерево, палка с загнутым верхним концом. Подобные слова есть в сербохорватском языке ("крив" – кривой, искривленный, "кривити" – сгибать, кривить, "кривина" – кривизна)[19].

Поскольку первоначально на территории славянской этнической общности кривичей жили не славяне, а балты, можно предположить, что термином с первоначальной основой крив (kreiv) здесь называлось балтское население. Г.А. Хабургаев реконструирует первоначальное название балтского населения этой местности в форме "kreiuva", "krieva". После смешения этого населения со славянским и формирования славянской этнической общности оно несколько изменилось, сохранив прежнюю основу, к которой было добавлено славянское – "ичи". Так появилось наименование новой этнической общности "кривичи". Следует отметить, что в балтских языках после этого по-прежнему сохранилась несколько измененная балтская форма наименования славянских соседей на востоке krievs, krievai. Она до настоящего времени сохранилась в латышском языке для обозначения русских (krievs – русский, Krievija – Россия). Таким образом, анализ названия "кривичи" дает основание утверждать, что, вероятнее всего, оно обозначало обширную группу людей, занимавших первоначально холмистую местность. Названия многих этнических общностей раннего средневековья по особенностям местности, на которой они проживали, – одна из закономерностей в формировании этнонимов того времени. Кроме наименований "кривичи", "дреговичи" к этой группе относятся названия "деревляне", "поляне", обозначавшие этнические общности, расположенные к югу и юго-востоку от дреговичей. Таковы также названия основных балтских этнических общностей ("аукштайты" – верхние и "жемайты" – нижние). Это просматривается и в названиях этнических общностей данного периода, расположенных в западноевропейском регионе[20].

Особенности языка каждой из этнических общностей – дреговичей, радимичей, кривичей – не отражены в письменных источниках. Их невозможно реконструировать также по материалам диалектов белорусского языка. Последние возникли довольно поздно, одновременно с формированием самого белорусского языка. Основой диалектов белорусского языка были пред-

шествующие им диалекты общевосточнославянского древнего русского языка, которые появились в результате трансформации языков дреговичей, радимичей, кривичей и других раннесредневековых восточнославянских этнических общностей, перегруппировки локальных особенностей местного населения. Диалекты древнерусского языка отражали не своеобразие речи дреговичей, радимичей, кривичей и родственных им этнических общностей, а новые территориальные отличия, лингвистические зоны, возникшие не ранее эпохи формирования древнерусского языка. Они отражали новую лингвистическую и этническую реальность. Таким образом, характер источников не позволяет определить особенности языка каждой отдельной раннесредневековой восточнославянской этнической общности, в частности дреговичей, радимичей, кривичей. Методом лингвистической реконструкции можно только установить наличие некоторых черт, элементов, появившихся в языках всех трех общностей под воздействием речи ассимилированного славянами балтского населения. Эти новые элементы, по всей вероятности, бытовали в лексике дреговичей, радимичей и кривичей. К ним можно отнести многие географические названия, особенно гидронимы, перешедшие в языки всех трех общностей из лексики балтского населения. Это – названия рек Ясельда, Оресса, Лосвида, Брожа, Реста, Полота и другие. Под воздействием балтов, видимо, сформировалась такая черта их речи, как полногласие. Г.А. Хабургаев считает, что это новообразование появилось в результате взаимодействия славянской и балтской речи, синтеза неполногласных сочетаний балтских и славянских слов с одним и тем же значением. Так, взаимодействие славянского (польск.) głowa и балтского (лит.) galva, вероятно, обусловило появление новой формы с полногласием (голова), синтез славянского (польск.) wrona и балтского (лит.) varna имело своим результатом новую форму этого слова (ворона). Впоследствии, в эпоху формирования общевосточнославянского древнего русского этноса, это новообразование распространилось по всей территории восточнославянского населения и стало характерной чертой древнерусского разговорного языка[21]. Полногласие не субстрат, а видоизменение славянской речи под воздействием балтской. Влияние балтов сказалось и на внешнем облике многих групп дреговичей, радимичей и полоцких кривичей. Их антропологический тип сформировался в результате смешения славян с балтами. Для него характерна длинноголовость, которая была присуща ранее балтскому населению, проживавшему на территории Белоруссии до расселения славян[22]. Таким образом, данные археологии, языкознания, антропологии свидетельствуют о том, что раннесредневековые этнические общности–дреговичи, радимичи и кривичи сформировались в результате синтеза славянских и балтских групп населения. В культуре и языке этих этнических общностей переплелись славянские и балтские элементы. Их культуры представляли новые целостности, качественные новообразования, в которых преобладали славянские черты. Поэтому новые этнические общности были славянскими, занимая среди славян-

ских этносов своеобразное положение. Они вобрали в свою культуру ряд балтских элементов, но отличались специфическими чертами славянской культуры, возникшими под воздействием балтов.

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ И ТИП ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ДРЕГОВИЧЕЙ, КРИВИЧЕЙ, РАДИМИЧЕЙ

Для характеристики дреговичей, радимичей, кривичей важное значение имеет определение типа этих этнических общностей. Он обусловлен уровнем их развития. У них была сравнительно высоко развита экономика. Основное хозяйственное занятие данных этнических общностей — земледелие. Им уже известно полевое пашенное земледелие. В земледельческом хозяйстве начали использовать более совершенные орудия труда, в частности — с железным наконечником. На территории дреговичей железные части пахотного орудия датируются временем не позднее 9 века, а в ареале кривичей — не позднее 10 века. Два железных наконечника, а также железное чересло для подрезания верхнего слоя земли во время пахоты найдены на селище у д. Хотомель (Столинский район). Широкие лопасти наральников, их плечики содействовали разрушению подрезаемого лопастью дерна и в некоторой степени оборачиванию самого пласта. Подошвенное рало с череслом вертикально отрезало пласт земли от невспаханного поля. Такое усовершенствованное рало можно считать предшественником плуга. Железные части пахотного орудия обнаружены на Минщине у д. Городище. Один из наконечников сохранился полностью. Он имеет широкий рабочий край, к концу закруглен. Подобной формы наконечники найдены также далеко на севере, в районе Старой Ладоги. Их прикрепляли к нижней деревянной части пахотного орудия или в горизонтальном положении к поверхности земли, или под небольшим уклоном. Возможно, пахотное орудие с таким наконечником было непосредственным предшественником получившей впоследствии широкое распространение в лесной зоне сохи. Значительно усовершенствованы были и орудия для уборки зерновых. В 8—9 вв. в лесной зоне появляются серпы нового типа, которые происходят от аналогичных римских орудий. Клинок серпа близок по форме к параболе или части эллипсической кривой. Черенок его отогнут наружу. Его вбивали в короткую деревянную ручку. Нос серпа слегка загибали внутрь. Эти новые орудия заменили прежние слабоизогнутые серпы с клинком, непосредственно переходящим в черенок, а также серповидные ножи. В 8—9 веках для переработки зерна на муку вместо зернотерок начали применять ручные жернова. Важным прогрессивным явлением в земледельческом хозяйстве было выращивание новой зерновой культуры — озимой ржи. Среди зерновых культур того времени (мягкой пшеницы, ячменя, овса и др.) она наименее прихотливая, хорошо противостоит сорнякам, а главное — наиболее морозоустойчива. Озимая рожь была лучше других зерновых культур приспособлена к местным усло-

виям, давала устойчивые урожаи. Начало выращивания озимой ржи на территории Белоруссии относится к 9 веку. Эта зерновая культура была известна кривичам. Многочисленные хорошо сохранившиеся зерна ее были обнаружены на городище у д. Свила на Витебщине. Эта важная находка датирована 9 веком[23].

Одним из условий прогрессивных изменений в земледелии, в частности усовершенствования земледельческих орудий труда, явилось стабильное развитие железоделательного производства, кузнечного ремесла. На территории Белоруссии имелась богатая сырьевая база для этого вида хозяйственной деятельности, накоплены большие запасы болотной руды, широко использовавшиеся для получения железа. В период формирования дреговичей, радимичей, кривичей и на ранних стадиях их развития появляются полуземлянки с расположенными в них глиняными шахтными сыродутными печами. Улучшение этих печей особенно заметно в 9–10 вв. Значительно увеличивается их диаметр, его протяженность достигает 1 м, становится большим их объем, он составляет 0,3–0,45 $м^3$. Сыродутные печи – прочные стационарные сооружения, рассчитанные на длительное использование. Их конструкция позволяла производить мощное искусственное дутье. Значительное усовершенствование этих печей вызвано постоянно возраставшими потребностями в металле, необходимом для изготовления земледельческих орудий. Совершенствуется и технология металлургического производства и кузнечного ремесла. Металлурги могли получать не только железо, но и сталь.При изготовлении серпов кузнецы широко применяли пакетирование сырья, а при изготовлении ножей стремились использовать некоторые элементы технологии сварного сложноузорчатого дамаска. В этот период начали наваривать стальные лезвия на железную основу изделий, чаще практиковать термообработку стальных изделий. Увеличивались размеры орудий труда. Металлических изделий всех видов производят значительно больше[24]. Дальнейшее развитие получило и гончарное производство. В X веке на территории Белоруссии появляются гончарный круг и необходимые в связи с этим специальные печи для обжига гончарных изделий. Применение в гончарном производстве гончарного круга и использование специальных печей для обжига глиняных изделий означало быстрый рост производительности труда в этом виде хозяйственной деятельности. Следствием этих изменений было значительное увеличение численности гончарных изделий. Совершенствование гончарного ремесла связано с прогрессом в земледелии, повышением эффективности земледельческого хозяйства.

Развитие ремесла, в частности кузнечного, гончарного, требовало определенной специализации. Обработка железа и глины постепенно становится профессиональными видами деятельности, особыми профессиями. Эти ремесленные занятия начинают отделяться от земледелия. Прогресс в земледелии делает возможным такое отделение. Начавшееся обособление ремесленного производства от земледельческого создает благоприятные условия для возникновения постоянной торговли. В IX–X вв. на территории Бело-

руссии появляется устойчивое денежное обращение. Об этом свидетельствуют находки многочисленных, относящихся к этому периоду кладов монет. Здесь обнаружено 40 кладов (включавших в свой состав 16 тысяч монет) и 54 находки отдельных монет. Особенно богатый клад (более 7500 монет) найден на территории кривичей у д. Козянки под Полоцком[25].

ПРОТОГОРОДА

В результате этих важных изменений в IX–X вв. на территории Белоруссии появляются протогорода (зарождающиеся города). В ареале кривичей в IX веке возникает Полоцк, а в X в. – Витебск. В земле дреговичей в X веке появляется Туров. Первое упоминание о Полоцке в письменных источниках ("Повесть временных лет") датируется 862 г. Он возник на правом берегу реки Полоты (притоке Западной Двины). От наименования этой реки он и получил свое название. Полоцк находился в зоне концентрации населения. На некотором расстоянии от него располагались поселения меньших размеров. Первоначально Полоцк был городищем. Его площадь составляла около 1 га. Поселение было укреплено. В "Повести временных лет" это поселение называется "градом" и прямо указывается, что первыми его жителями ("первии насельници") были кривичи[26]. В X веке на месте древнего городища был построен детинец, а небольшие поселения вокруг него, где проживало ремесленно-земледельческое население, постепенно превратились в посады. Детинец был резиденцией князя. В X в. в нем жил князь Рогволод, который защищал Полоцк от новгородского князя Владимира. Рогволод был убит, а его дочь Рогнеда стала женой Владимира. В конце X в. детинец перенесен в устье Полоты. Естественной защитой детинца являлась уже не только Полота, но и Западная Двина. Поселение разрасталось. Новый укрепленный центр Полоцка значительно превосходил по размерам прежний. Его площадь составляла около 10 га. Новый центр Полоцка впоследствии назвали Верхним Замком.

Витебск возник на холмистой местности, защищенной рекой Витьбой (от наименования этой реки получило свое название и поселение) и Западной Двиной. Первоначальным Витебском было городище, находившееся на высоком месте (горе). Затем в его округе появились другие поселения, а городище превратилось в укрепленный центр всей округи. Когда местные жители начали осваивать правый берег Витьбы, то на западной стороне для защиты поселения был выкопан большой ров. В X в. на месте древнего городища построен детинец, а окольные поселения превратились впоследствии в посады. Жители Витебска занимались ремеслом, торговлей, земледелием. На территории древнего Витебска обнаружены глиняные сосуды, изготовленные с помощью гончарного круга, обломки тиглей для плавки цветных металлов, каменная литейная форма для изготовления женских украшений, железный серп. Найдены также монеты IX–X вв.[27].

Если Полоцк и Витебск располагались на севере территории Белоруссии, в бассейне Западной Двины, то Туров находился на юге, в бассейне Припяти, где в IX–X вв. жили дреговичи. Это – наиболее крупное их поселение. Туров возник в районе средней Припяти, где много плодородной земли, что явилось важным условием концентрации на этой территории местного населения. Поселение находилось у места впадения р. Язды в протоку реки Припять – Струмень. С севера естественной защитой его являлись протоки Припяти, с запада – река Язда. С юга и востока поселение было защищено глубоким рвом, заполненным водой. С этой стороны поселение его укреплял также вал. Как Полоцк и Витебск, Туров первоначально был городищем, жители которого кроме земледелия в IX–X вв. стали заниматься ремеслом. На территории городища найдены глиняные изделия, подвергшиеся окончательной обработке на гончарном круге[28]. Происхождение названия Турова несколько отлично от происхождения названий Полоцка и Витебска. В местности, где расположено поселение, нет гидронима в форме или с основой "тур". Гипотеза о том, что так называлась в древности здешняя протока Припяти Струмень, не находит фактического подтверждения. Вероятнее всего, название Туров происходит от прозвища местных жителей (туры), которое они получили потому, что жили в лесном крае, где водились туры. Это прозвище могла получить и местная знать, местные князья. Ведь это прозвище было также образным названием, которое олицетворяло могучую силу, возможно, также ярость, смелость, храбрость, доблесть. Не случайно слово "тур" является поэтическим эпитетом князя Всеволода в "Слове о полку Игореве" ("буй тур"). Впоследствии прозвище стало фамилией, широко распространенной в Белоруссии. От этого антропонима ведут свое происхождение и названия ряда населенных пунктов (Туры, Турово, Туровка, Турин, Турино): Поэтому наименование Туров имело значение поселения, где живет определенная группа людей – туры. Использование формы – "ов" также свидетельствует в пользу гипотезы о происхождении названия поселка от антропонима. Таким именем в древнерусских письменных источниках названы князья, жившие в Турове.

Возникновение протогородов знаменовало собой разложение общинно-родового строя. Протогорода возникали на основе общественного разделения труда, изменения социальной структуры общества, появления в нем знати, которая своими функциями и положением отличалась от остальных жителей поселения. Изменение общественного строя отразилось и в погребальном обряде. Коллективные родовые усыпальницы предшествующей эпохи в IX–X вв. сменяются небольшими по размерам курганами с семейными (индивидуальными) захоронениями. В некоторых захоронениях, например в кургане около д. Борки на Полотчине, обнаружено около 2000 украшений, свыше 10 изящных костяных уточек-подвесок, 20 бронзовых трапециевидных подвесок, массивная шейная гривна[29].

ПРОТОГОСУДАРСТВА

Изменение социальной структуры обусловило преобразование системы управления. Родо-племенное управление сменилось политическим. Возникли протогосударства. В древнерусских письменных источниках они названы "княжениями". "Княжения" сформировались у полоцких кривичей, дреговичей. Во главе управления полоцких кривичей, дреговичей стояли должностные лица – князья, которые занимали эти должности по наследству. Древнерусские письменные источники называют даже имена этих князей (Рогволод – у полоцких кривичей, Тур – у дреговичей). В княжениях имелся аппарат сбора дани. Полоцкие кривичи, вероятно, сначала платили дань варягам. В "Повести временных лет" указывается, что наряду со словенами и чудью варягам давали дань и кривичи. У радимичей первоначально собирали дань мехом и монетой в пользу хазар. В княжениях постепенно была выработана единица стоимостной оценки движимой собственности (шеляг).

Таким образом, данные археологии и письменных источников свидетельствуют о том, что в IX–X вв. дреговичи, кривичи и радимичи находились на сравнительно высокой стадии развития. Они уже перешагнули рубеж общинно-родового строя и вступили в начальный этап раннеклассового общества. Это подтверждает и уровень развития их экономики, характеризующийся начавшимся общественным разделением труда, и возникновение на основе этого общественного разделения труда нового типа поселений – протогородов, и появление новой социальной структуры населения с дифференциацией его на знать (князей) и остальных жителей, и формирование новой системы управления, смена родоплеменного управления политическим, т.е. появление протогосударства.

ПРОТОНАРОДНОСТИ

Определение уровня развития дреговичей, кривичей, радимичей как начального этапа раннеклассового общества дает возможность обоснованно ответить на вопрос о типе их этнической общности в IX–X вв. Неправомерно называть их племенами, так как в их среде уже не было социального равенства, одинакового социального положения всех членов этнической общности, исчезло родоплеменное деление и управление. Вызывает ряд возражений и название этих этнических общностей "союзами племен". Во-первых, племен как типа этнической общности и социальной организации на территории Белоруссии в IX–X вв. уже не было, а следовательно, не было базы и для их союза. Во-вторых, союзом племен обычно называют, особенно в этнографической литературе, такие связи между племенами, которые можно охарактеризовать как дружбу, взаимопомощь, определенные совместные обязанности входящих в объединение единиц (например, совместная оборона от нападения). Союзы племен, как правило, основаны на договоре, имеющем

определенный срок действия. В союз могут объединяться и неродственные племена, различающиеся в значительной степени своей культурой, языком. Союз племен – это временное их объединение, устанавливающее определенные отношения между ними. Дреговичи, кривичи, радимичи были прежде всего культурными общностями, т.е. очень устойчивыми объединениями, возникшими не в результате договоренности, а сформировавшимися стихийно. Они – не племена и не союзы племен, а сформировавшиеся протонародности начального этапа раннеклассового общества. П.Н. Третьяков называл их "примитивными народностями", "народцами". Но они не сформировались в народности. Дальнейшее их развитие осуществлялось в новых экономических, политических и культурных условиях в связи с возникновением крупного экономического, политического и культурного центра в Среднем Поднепровье, ибо центр этнического сплочения переместился из внутренних районов дреговичей, кривичей, радимичей и других группировок в Среднее Поднепровье, где размещался город Киев. Дреговичи, кривичи, радимичи и другие этнические объединения были вовлечены в процесс формирования нового этнического образования – общевосточнославянской народности, этническая территория которой получила наименование Русь.

4
глава

Формирование Руси

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУСИ
В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ.
РУСЬ ПОВОЛХОВЬЯ.
ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ПОПРИПЯТЬЕ, ПОНЕМАНЬЕ,
ПОДВИНЬЕ И ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ
В КОНЦЕ 10В–11В–ПЕРВ.ПОЛ. 12В.
ВОЗНИКНОВЕНИЕ
НОВЫХ ГОРОДОВ.
ИЗМЕНЕНИЕ
ЭТНИЧЕСКОГО ОБЛИКА
ДРЕГОВИЧЕЙ, РАДИМИЧЕЙ,
КРИВИЧЕЙ.
ВОПРОС
ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ПОЛОЧАН.
ЧЕРТЫ ОБЩЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ
ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ**

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУСИ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Основным очагом формирования Руси, древней общевосточнославянской этнической общности, стало Среднее Поднепровье. Оно находится в лесостепной зоне, которая несколько отличается своими природными условиями как от расположенной к северу от нее лесной зоны, так и от соседней с ней на юге – степной. В отличие от значительной части лесной зоны в лесостепной были более благоприятные условия для развития земледельческого хозяйства. Здесь сосредоточено больше пригодной для земледелия земли. Она почти не нуждалась в расчистке от леса. Почвы были плодородными, так как содержали большее количество перегноя. Поэтому в лесостепной зоне прогресс в земледелии осуществлялся быстрее, чем в лесной. Здесь раньше стали применять рало с полозом, а затем созданный на его основе плуг. Значение термина "плуг", видимо, имеет связь со значением слова "полоз", которым обозначали наиболее важную и прогрессивную часть древнего пахотного орудия – рала. Совершенствованию пахотных орудий содействовало также то обстоятельство, что в лесостепной зоне в качестве тягловой силы наряду с лошадьми широко использовали и более сильных животных – волов. Это позволяло создавать и применять орудия, которыми можно было вспахивать тяжелую почву и производить глубокую вспашку. В лесостепной зоне раньше, чем в лесной, появилась более прогрессивная форма пашенного земледелия, в частности паровая система – по всей вероятности – двуполье, – которая начала заменять менее производительные формы – переложную и подсечно-огневую. При паровой системе в использовании земли нет длительных перерывов. Ее легче обрабатывать. Она позволяет постоянно сохранять и даже повышать плодородие почвы, успешнее бороться с сорняками. В Среднем Поднепровье выращивали разнообразные культуры: зерновые (пшеница, ячмень, рожь), зернобобовые (горох, бобы), технические (конопля). Полевое пашенное земледелие приобрело такое важное значение в экономике населения Среднего Поднепровья, что поля, нивы назывались "жизнью". Прогресс земледелия был благоприятным условием для развития ремесла. Поэтому в лесостепной зоне быстрее, чем в лесной, совершенствовали металлургию, кузнечное, гончарное дело и другие виды ремесла. В металлургии широко практиковалось производство стали. Выплавлялось несколько ее видов: сырцовая, сварочная, цементированная. Для производства стали (особенно двух последних ее видов) применялась сложная технология. В кузнечном ремесле совершенствовалась техника производства изделий, повышалось их качество, что достигалось в значительной степени применением для их изготовления не только железа, но и стали. Из железа и ста-

ли изготовляли большинство серпов. Стальные полосы наваривали на их лезвия, изгиб которых был значительно увеличен. Из стали уже в X в. вырабатывали напильники, служившие основным инструментом холодной обработки металла, как черного, так и цветного. В лесостепной зоне раньше, чем в лесной, было усовершенствовано гончарное ремесло. Гончарный круг здесь применяли уже в 9 веке. В 10–11 вв. в Среднем Поднепровье сформировались центры керамического производства. Раньше, чем в лесной зоне, возникло здесь и стеклоделие – в начале 11 века. Среднее Поднепровье стало одним из самых крупных центров производства стеклянных изделий.

Имея благоприятные условия для прогресса земледелия и ремесла, Среднее Поднепровье в то же время было регионом, весьма удобным для развития внутренней и внешней торговли. Почти все его районы связаны между собою сетью рек, речных путей. Северные и южные районы Среднего Поднепровья связывала самая большая река в этом регионе, самый крупный речной путь – Днепр, в который с востока впадали р. Десна, Трубеж, Супой, Сула, а с запада – Рось, Стугна, Ирпень, Тетерев, Припять. Эти реки вместе с Днепром соединяли восточные районы с западными, а также восточные и западные районы с северными и южными в единое целое. Через Среднее Поднепровье осуществлялась торговля между лесной и степной зонами, между севером (Скандинавия) и югом (Византия, Арабский Халифат). Отмечая своеобразное положение Среднего Поднепровья во второй половине I – начале II тыс. н.э. в Восточной Европе, нельзя не отметить еще одну особенность этого региона. На юге он соприкасался со степью, где в этот период обитало воинственное кочевое население, совершавшее постоянные набеги на земледельческое население лесостепной зоны. Эти воинственные кочевники создали политические объединения, постоянные военные отряды. Они стремились подчинить себе жителей лесостепной и лесной зоны. Среднее Поднепровье явилось своеобразным форпостом в борьбе со степными внешними врагами: хазарами, печенегами, половцами, татаро-монголами. Поляне и северяне вместе с радимичами и вятичами платили хазарам дань.

Население Среднего Поднепровья поняло необходимость объединения, сплочения, чтобы защитить свои земли. Все это обусловило коренные изменения в укладе жизни, социальной структуре, характере поселений жителей Среднего Поднепровья, стало причиной того, что здесь в 9–10 веках возникло самое большое количество городов. В Среднем Поднепровье началось формирование новой этнической общности – общевосточнославянского этноса. Выдающуюся роль в этом процессе сыграл город Киев. Он расположен в центре региона на правом берегу Днепра. Место это было весьма удобно и для возникновения торгового центра, и для строительства крепости в целях обороны, и для управления населением округи и всего региона. Город Киев контролировал водные пути, которые шли с Верхнего Днепра, Березины, Припяти, Сожа, Десны. Это обеспечивало ему преимущество в лесостепной и лесной зоне и выдвинуло его на первое место среди других городов в уста-

новлении связей (торговых, культурных, политических) с южными странами, прежде всего с Византией. Особенно быстро развивается Киев во второй половине 10 – начале 11 в. Он становится крупнейшим центром ремесла и торговли лесостепной (и лесной) зоны. Высокого уровня достигают кузнечное ремесло, ювелирное дело (чеканка и тиснение, перегородчатая эмаль, скань, зернь), стеклоделие. Широкий размах получает строительство. Площадь города увеличивается. Расширяется его укрепленная часть. О бурном развитии города свидетельствует интенсивное строительство каменных храмов. К началу 12 в. в Киеве их было построено около двух десятков, почти столько же, сколько во всех остальных, вместе взятых, городах лесостепной и лесной зоны[1]. Киев являлся самым крупным городом Среднего Поднепровья. После Киева наиболее важными городами этого региона были Чернигов и Переяславль. Чернигов находился на севере Среднего Поднепровья, а Переяславль – на юге. В 9–10 вв. в Среднем Поднепровье имелось уже около десяти городских поселений[2]. Городские поселения отличались от сельских не только тем, что были сосредоточием ремесленного производства, торговли и местными центрами обороны. Это – также административные центры. Административный аппарат управлял не только населением города, но и всей округи. Город и округа, или, как ее иначе называли, волость, были тесно связаны между собой как экономически торговлей, так и политически обороной и управлением. Городские поселения отличались от сельских и социальным составом населения. Тут проживали группы ремесленников. В городских поселениях проживала также группа людей, не занятых физическим трудом. Они занимались торговлей, управлением, отвечали за оборону, организовывали ее. Эта часть городского населения занимала господствующее положение. К ней относились князья, бояре, купцы, священники. Важной составной частью городского населения были дружинники – профессиональные воины. Они также помогали князю в управлении округой.

Самой сильной, могущественной в Среднем Поднепровье была знать города Киева. Киевские князья и бояре, опираясь на экономическое и военное превосходство своего города, большую дружину, подчинили себе знать других городов Среднего Поднепровья. Этому способствовала и усилившаяся внешняя опасность со стороны воинственных степных орд. Киев выступил в роли собирателя и защитника земель Среднего Поднепровья, его городов. Он стал центром формирующегося государства, объединившего прежде всего города и округа этого региона, составившие первоначальную территорию возникшего здесь государства. Их объединяло общее управление во главе с киевскими князьями, совместная оборона территории, дань, которую собирали с местного населения для содержания дружины, аппарата управления, церкви, а также для строительства крепостей. Первоначальную территорию государства составляли земли, с которых постоянно взымали дань. Вначале это было Среднее Поднепровье с его городами (включая Чернигов и Переяславль). Их возглавил Киев.

Существенные экономические, социальные и политические перемены

обусловили изменение этнического облика населения Среднего Поднепровья. Первоначально (в 8–9 вв.) оно делилось на две этнические общности – полян и северян. Первые проживали преимущественно на высоком правобережье Днепра ("особе по горам своим"), а вторые – на более низком его левобережье. Они были жителями как сельских, так и возникавших в этих районах первых городских поселений. На землях полян возникли Киев, Вышгород, Белгород, Васильев. "Повесть временных лет" отмечает, что в Киеве вначале жили поляне ("мужи мудри и смыслени")[3]. На пограничных с ними землях западных северян появились города Чернигов, Переяславль. С ростом, развитием городов (особенно в 9 и 10 веках) этнический состав их населения быстро изменялся. Города притягивали и включали в свою среду людей разной этнической принадлежности, прежде всего выходцев из этнических общностей, проживавших по соседству. Поляне и западные северяне были тесно связаны водными и сухопутными путями, имели интенсивные экономические и политические контакты. Немало общих элементов также в их языке и культуре. Это обусловлено тем, что они сформировались преимущественно на основе синтеза, смешения славянского и иранского населения. Поэтому общими элементами их культуры были не только славянские, но и иранские. Иранский субстрат характерен как для полян, так и для северян[4]. Культурная и языковая близость способствовала смешению полян и северян в городских поселениях. Сплочению городского и сельского населения содействовало его проживание по соседству с воинственными кочевниками, необходимость постоянных совместных усилий для защиты, обороны своих земель. У полян и западных северян формировались, таким образом, общие интересы, общие черты языка и культуры. Помимо полян и западных северян в городах, особенно южных, порубежных, возникавших сначала как крепости, в целях их защиты поселяли выходцев из других этнических общностей. Летопись сообщает, что киевский князь Владимир поселил во вновь построенных городах на берегах Десны, Трубежа, Сулы, Стугны людей ("муже лучшие"), которые по этнической принадлежности являлись кривичами, словенами, вятичами. Часть "новых" жителей – выходцы из финноязычной чуди. В составе военной дружины киевских князей в 9–10 вв. кроме воинов, принадлежавших к славянским этническим группировкам (полянам, северянам и др.), служили также выходцы из финноязычной чуди и германоязычных скандинавских "варягов". Германоязычного скандинавского "варяжского" происхождения был Свенельд (воевода киевских князей Игоря, Ольги, Святослава и Ярополка), Асмуд (кормилец Святослава), сын Свенельда Мстиша (Мстислав) Лют[5]. Скандинавские "варяжские" элементы культуры обнаружены в дружинных курганах в 9–10 веках в окрестностях Чернигова (у села Шестовицы). Здесь найден скандинавский меч, однолезвийные боевые ножи, наборы фибул. Пришлая скандинавская "варяжская" и финноязычная группа людей была немногочисленной и очень скоро, к началу 11 в., ославянилась, оставив свой след преимущественно в ономастике, т.е. именах жителей Среднего Поднепровья (Олег, Игорь, Ольга и

др.)[6]. В результате смешения полян, западных северян, отдельных групп словен, вятичей, кривичей и немногочисленных ославяненных "варягов" и "чуди" в Среднем Поднепровье в 9–10 веках формировалась новая восточнославянская этническая общность. Формированию новой культуры, нового языка в значительной степени способствовали возникшие и быстро развивавшиеся в Среднем Поднепровье города с их сходной материальной, социальной и духовной культурой, наличием тесных хозяйственных и политических связей между ними. К концу второй половины 10 в. в Среднем Поднепровье, как в его правобережной, так и левобережной части (вплоть до устья Сейма), сформировалось единое в этническом, культурном отношении население[7]. Во второй половине 10 века утвердилось и общее название этой области, а также ее жителей. Среднее Поднепровье получило наименование Русской земли, Руси, а ее жители – русов, росов, их язык – русского. В 10 веке основные города Среднего Поднепровья – Киев, Чернигов и Переяславль – названы уже русскими городами ("рускыа грады"). В это время Среднее Поднепровье именуется уже Русской землей, а киевский князь – русским князем. Названия "Русская земля", "русский князь" есть, в частности, в договоре Игоря с греками (944 г.), в котором он величается "великим русским князем". Группа людей, заключавшая договор с греками, называет себя русскими ("мы от рода рускаго"), представителями не только великого князя русского, но и "всякоя княжья", "всехъ людий Русския земля". О названии "Русь" в 10 веке большой массы населения Среднего Поднепровья свидетельствует и тот факт, что этноним "русь" в эту эпоху вытеснил этноним "поляне". Последний раз упомянуты поляне в письменных источниках под 944 г. С этого времени, а возможно, и несколько раньше, их стали называть русью ("поляне, яже ныне зовомая Русь")[8]. Таким образом, можно утверждать, что во второй половине 10 в. население Среднего Поднепровья изменило прежние этнические названия на общее новое, обозначавшее возникшее к этому времени здесь этническое образование.

Новый этноним, новое наименование жителей Среднего Поднепровья в письменных источниках имеет две формы. В византийских (греческих) письменных памятниках людей этой этнической общности называют росами, в арабских – русами. В западноевропейских источниках преобладает название "русы", хотя изредка встречается и термин "росы". В древних восточнославянских (русских) письменных памятниках господствует форма "русь" и производная от нее – "русьский". Производная форма от термина "росы" "росьский" в древнерусских источниках встречается лишь изредка ("Правда Росьская").

Происхождение формы "росы", вероятно, связано с южной частью Среднего Поднепровья. По-видимому, первоначально так стали называть людей новой этнической общности, находившихся в южном порубежье этого края, защищавших его южные границы. Возможно, этот термин местного происхождения: от названия местных рек – Роси, Росавы. Затем в византийских источниках он был распространен на все население Среднего Поднепровья.

Если форма "росы" – южная, ее можно считать греческой, византийской, именно так называется население Среднего Поднепровья в византийских (греческих) источниках, то вторая форма – "русь", "русы", "русские", преобладающая в западноевропейских и, что особенно важно, в древних общевосточнославянских письменных памятниках, вероятнее всего, северная. Она воспринята населением Среднего Поднепровья от первоначального наименования небольшой по численности, к тому же быстро славянизированной части знати этого края, которая вначале отличалась от остальной среднеднепровской знати тем, что была северного происхождения. Термин "русь", вероятно, есть славянизированная форма финноязычного наименования ruotsi, которым финноязычное население именовало своих западных соседей – чаще всего восточных скандинавов. Карелы сходным термином (ruočči) называли финнов. Финноязычное наименование было заимствовано славянским населением, перешло в славянскую речь, подвергалось славянской переработке, подобно другим финноязычным этнонимам, например, vepsi (вепсы) – весь, suomi (суоми) – сумь. Точно так финноязычное ruotsi (руотси) преобразовано славянским населением в форму "русь". То, что такая переработка славянами финноязычных наименований типична, закономерна, подтверждается и другими славянизированными формами финноязычных названий – чудь, пермь, ямь[9].

Будучи первоначально наименованием только небольшой части знати, а именно той ее части, которая была северного происхождения, ославяненной, термин "русь" затем стал применяться для названия всей среднеднепровской знати, как северного, включавшего скандинавские и финские элементы, так и местного (южного) происхождения, преимущественно полянской и северянской первоначальной этнической принадлежности, относившихся к местным славянским этническим группировкам. Термин "русь", таким образом, стал обозначать консолидировавшуюся не только социально, политически, но и этнически, среднеднепровскую знать[10]. Затем он стал применяться для наименования политической организации, государства, что вполне понятно, ибо именно знать и составляла первоначальный аппарат управления, т.е. государство. А наименование аппарата управления, государства стало одновременно и названием его территории, т.е. приобрело значение государственной территории. Название же государственной территории перешло на наименование ее жителей. Термин "русь" стал обозначать не только государственную территорию, но превратился также в этническое название, поскольку у всего населения этого государства, края сформировались единый "русский" язык ("Повесть временных лет". Т.1. С. 23), общие черты культуры, общее этническое самосознание. Все они были связаны общей исторической судьбой, интересами защиты своего края. Термин "русь", "Русская земля", таким образом, приобрел также значение этнической территории (Ловмяньский Х. Русь и норманны... С. 262, 263). Язык ее населения стал называться русским. Термин "русь", таким образом, стал многозначным.

В отличие от формы "росы", которую можно рассматривать главным образом как внешнее название, характерное преимущественно для византийских источников, вторая форма – "русь", "русы", "русские" служила самоназванием местного населения (как знати, так и остальной его части) и территории. Поэтому форма "русь", "русская земля" в отечественных, собственно русских письменных памятниках преобладает[11].

Следует отметить, что термин "русь" входит в постоянное употребление в 9–10 веках, начале 11 в., т.е. с того периода, когда в Среднем Поднепровье изменяется этнический облик населения. Отечественные письменные источники зафиксировали славянский характер новой этнической общности, назвавшей себя "русью", "русами", "русскими". В "Повести временных лет" указывается, в частности, что язык этой новой этнической общности – русский язык – является славянским ("А словеньскый язык и рускый одно есть")[12].

Формирование в Среднем Поднепровье новой этнической общности и сильного государства изменило внешнеполитическое положение его населения. Если прежнее население этого края, не объединенное этнически, не имевшее прочной политической связи (поляне, северяне), как и другие восточнославянские этнические группировки (вятичи, радимичи), было зависимо от соседнего кочевого населения, платило дань хазарам, то сформировавшаяся новая этническая общность стала более сильной, сумела освободиться от этой зависимости. Более того, политическая организация нового этноса настолько усилилась, что смогла подчинить соседние восточнославянские этнические общности, например вятичей, обложить их данью. Военная дружина русского князя стала грозной силой не только для соседней Хазарии (хазарское государство в конце 10 в. было разгромлено русскими дружинами), но и для далекой Византии.

Среднее Поднепровье было первым, главным очагом формирования общевосточнославянской народности.

РУСЬ ПОВОЛХОВЬЯ

Второй очаг формирования общевосточнославянской народности находился в северной зоне расселения восточнославянских этнических общностей, расположенной в основном к северу от верховьев Днепра, Западной Двины и Волги до Финского залива и Ладожского озера. Северная область расселения восточных славян входила в лесную географическую зону. Как и Среднее Поднепровье, она покрыта густой сетью рек, как больших, так и малых, находящихся недалеко друг от друга. Для перемещения от одной реки к другой не было существенных препятствий. Их можно было легко преодолеть через небольшие волоки. Край этот был удобен для занятий земледелием, ремеслами. И что особенно важно, он был удобен для ведения торговли внутри самой области и с другими землями, не только восточнославянскими, расположенными по Волге, Двине, Днепру, но и с соседними

неславянскими – финскими, балтийскими и скандинавскими. Это обусловило раннее появление здесь городов. Одним из древних городов в северной области расселения восточных славян была Ладога. Она возникла почти на границе восточных славян с соседним неславянским населением. Город был построен в устье реки Волхов, преимущественно на ее правом берегу. Уже в 8–9 вв. население Ладоги занималось бронзолитейным, кузнечным, косторезным ремеслами. В 10 в. были возведены каменные укрепления (каменная оборонительная линия). В 11 и 12 вв. город продолжает развиваться. К концу 12 в. построено 6 каменных церквей[13]. Важное значение Ладоги было обусловлено его стратегическим положением. С одной стороны, он связывал восточных славян с Балтикой (через соседнее Ладожское озеро, в которое впадала река Волхов, а Ладожское озеро рекой Невой было соединено с Балтийским морем), с другой – речной путь от Ладоги вел на юг, к Днепру, Волге, а через них – к Черному и Каспийскому морям, Византии и Персии и далее к арабскому Востоку. До середины 9 века Ладога была самым крупным городом в северной зоне восточных славян.

Со второй половины 9 в. по экономическому, торговому и политическому значению Ладогу превзошел Новгород, постепенно подчинил ее себе, сделал своим форпостом. Новгород располагался на двух берегах р. Волхов, недалеко от ее истока из озера Ильмень, т.е. в противоположном конце реки[14]. Он занимал ключевое положение в системе торговых путей в северной зоне расселения восточных славян. Находился на перекрестке Балтийско-Волжской и Волховско-Днепровской водных коммуникаций. Не случайно здесь обнаружено много кладов. Почти половина всех кладов 8–10 вв., найденных в ильменско-волховском бассейне (их известно около 20), сосредоточена в Новгороде и его окрестностях. Три из них относятся к 9 веку[15].

Усилившийся Новгород подчинил себе не только Ладогу, но и другие города, появившиеся в западных районах северной восточнославянской зоны, в частности Псков, основанный на берегу р. Великой при впадении в нее р. Пскова, от наименования которой и получил свое название.

В начале 10 в. он уже упоминается в письменных источниках[16]. В первоначальный период Псков был тесно связан с Новгородом, являлся его союзником. Новгород направлял в Псков своих посадников. В самом западном районе северной зоны восточных славян, в южном прибережье Псковского озера (к западу от Пскова) располагался город Изборск. Наименование этого города означает место, избранное для поселения. Изборск возник на берегу Городишенского озера, связанного системой рек и озер с Балтийским морем. Он был не только местным торгово-ремесленным центром, но и важной пограничной крепостью на подступах к Пскову.

Псков и Изборск появились в земле кривичей. Ладога и Новгород возникли в земле словен. В Ипатьевской летописи указывается, что Рюрик вместе с другими варягами пришел к словенам и построил ("срубиша") город Ладогу[17]. В "Повести временных лет" отмечается, что первоначальными жителями Новгорода были словене ("перьвии насельници в Новгороде сло-

вене"), что новгородцы прежде назывались словенами ("прежде бо беша словени")[18]. В городах северной зоны восточных славян так же, как и в городах среднеднепровской зоны, происходило смешение населения, ранее принадлежавшего к разным этническим общностям. На этой основе формировались новый восточнославянский язык, новая восточнославянская культура. Этнический состав населения первоначальной Ладоги был смешанным. Кроме славянского компонента в культуре местного городского населения зафиксированы также финский (в частности, некоторые типы украшений, т.н. шумящие) и скандинавский. Наряду со славянскими квадратными срубами стояли и "большие дома" скандинавского типа. Одновременно со славянской посудой и орудиями труда, некоторыми видами украшений в Ладоге бытовали скандинавские ремесленные инструменты и вооружение. О проживании скандинавов в Ладоге свидетельствует также руническая надпись на деревянном стержне, найденная в Ладоге и датируемая первой половиной 9 в. Взаимодействие славянской и неславянской (в частности, скандинавской) культуры в Ладоге продолжалось длительное время – с середины 8 и до конца 11 в., когда скандинавские элементы культуры слились со славянскими и финскими. В результате синтеза прежних разноэтнических элементов возникли новые, древнерусские формы[19]. Смешанным составом вначале отмечалось и население Новгорода. Кроме словен в нем проживала финноязычная группа людей. Возможно, в Новгороде жила также группа кривичей[20]. Часть населения Новгорода была скандинавской по происхождению и культуре. Об этом свидетельствуют обнаруженные во время раскопок рунические надписи, сделанные на коровьих и свиных костях. Обе находки датируются первой половиной 11 в. Кроме рунических надписей найдены также шейная гривна, скорлупообразная фибула и другие скандинавские вещи, находившиеся в ранних отложениях культурного слоя древнего Новгорода. Время бытования скандинавских вещей определяется 10–11 вв. Скандинавы входили в состав новгородской знати: купечества, дружины. Однако удельный вес их в местном населении невелик. Он значительно уступал славянским группам , возможно, и финноязычной, первоначально жившей в отдельных частях древнего города – поселках, называвшихся "концами". Удельный вес скандинавов в составе населения древнего Новгорода был даже меньше, чем в составе населения Ладоги. Эта первоначальная немногочисленная скандинавская часть новгородской знати довольно быстро (возможно, к концу 9 – началу 10 вв.) ославянилась, слилась с другими ее частями, сохранив лишь ряд скандинавских имен, передав консолидировавшейся новгородской знати свое общее название (русь). Скандинавы входили также в состав местного населения Пскова и Изборска. Но их удельный вес в общей массе жителей этих городов еще меньше, чем в Новгороде. Следы их проживания в Пскове и Изборске незначительны. В Пскове зафиксировано несколько погребений по скандинавскому обряду. В одном из них обнаружены скорлупообразные фибулы. В Изборске археологами найдены некоторые скандинавские вещи (шпо-

ры "викингского типа", серебряные фибулы). Скандинавы на Псковщине также ославянились, оставив свой след преимущественно в топонимике этого края[21]. Одновременно со славянизацией скандинавов в Новгородском и Псковском краях утрачивали прежние этнические свойства те группы финноязычного населения (води и веси), которые в это время проживали среди восточнославянского населения[22].

В период возникновения и развития городов, ремесла, торговли в Новгородском и Псковском краях сплачивались не только скандинавские и финноязычные группы населения с восточнославянским (словенским и кривичским). Наиболее значительным изменением в этническом облике местного населения было сплочение, а затем и слияние здешних восточнославянских этнических группировок – словенской и кривичской ее части, проживавшей на Псковщине и Новгородчине. В результате консолидации словен и псковских кривичей эти названия постепенно вышли из употребления. Словене новгородские последний раз упомянуты в письменных источниках 1036 годом, кривичи – 1162 годом. После этого термин "кривичи", обозначавший также раннесредневековое восточнославянское население Полоцкого и Смоленского края, в письменных источниках больше не встречается. Он исчезает, выходит из употребления. Его исчезновение, как и исчезновение термина "словене", объясняется тем, что эти этнические общности утратили прежние этнические свойства, прежние названия и вошли в состав формирующейся новой этнической общности, получившей другое наименование – "русь". Этот процесс слияния различных этнических групп, исчезновения многих прежних названий, распространения одного общего этнического наименования, совпадающего с наименованием консолидировавшейся этнически и социально местной знати, зафиксирован в "Повести временных лет". В ней сообщается, что в эпоху правления северовосточнославянского князя Олега, т.е. уже в последней четверти 9 в., местное население стали называть русью ("И беша у него словени и варязи и прочии прозвашася русью"). В той же летописи Новгородский край, земля новгородцев названа Русской землей ("И от тех варяг прозвася Руская земля", "Ноугородьци ти суть людье от рода Варяжска прежде бо беша Словени")[23]. Русью называет Новгородский край и византийский император Константин Багрянородный. Он употребил этот термин для обозначения Поволховья в 10 в. Так же называет он и Среднее Поднепровье, отмечая в то же время различие в их географическом расположении. Поволховье он именует внешней Русью[24]. В научной литературе принято именовать эти два основных первоначальных очага и региона древней Руси соответственно "Нижняя Русь" и "Верхняя Русь", "Южная Русь" и "Северная Русь", "Среднеднепровская Русь" и "Поволховская Русь". Новое название Новгородского края, возможно, связано и с местной топонимикой. Здесь зафиксировано немало таких названий с корнем "рус" (Руса на Волхове, Руса, Порусье, Околорусье – в южном Приильменье, Рускиево – в Приладожье[25]. В Новгородском и Псковском краях, как и в Среднем Поднепровье, происходил синтез различных этнических групп,

славянских (словен и кривичей) и неславянских (финских и скандинавских), причем удельный вес неславянских элементов был даже несколько больше, чем в Среднем Поднепровье. В северной зоне восточных славян этническая консолидация осуществилась по тому же типу, что и в среднеднепровской зоне. Однотипный этнический процесс имел своим следствием и появление в двух зонах одного и того же нового общего наименования – Русь. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что с возникновением и развитием городов в Поволховье и Среднем Поднепровье между ними рано установились постоянные экономические и политические связи, обусловленные тем, что города данных территорий были связаны общим Волховско-Днепровским торговым водным путем и нуждались во взаимной поддержке, совместных усилиях для охраны этого пути и для защиты своих земель от внешних врагов.

Политические связи Верхней Руси со Среднеднепровской установились довольно рано. Уже в последней четверти 9 в. из северных восточнославянских городов (Новгорода, Ладоги) некоторые князья (в частности, Олег) перешли в Киев, возглавив там местную знать, но сохранив свое главенство в Верхней Руси[26]. Соединение Верхней и Нижней Руси одним общим управлением свидетельствовало о появлении единой политической организации, нового государства, названного также термином "Русь". В его рамках и с его помощью продолжалось формирование новой восточнославянской этнической общности, получившей в научной литературе название "древней русской народности", и ее этнической территории, названной термином "Русь", "Русская земля".

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПОПРИПЯТЬЕ, ПОНЕМАНЬЕ, ПОДВИНЬЕ И ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ В КОНЦЕ 10–11 вв. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 12 в.

Новое государство – Русь сыграло важную роль в собирании восточнославянских земель. Уже в 9 в. в его состав были включены земли дреговичей, кривичей, радимичей. В 10 в. они были окончательно закреплены как неотъемлемые составные части территории этой политической организации. Их население оказалось под защитой Руси, избавилось от разорительных набегов внешнего врага, от уплаты ему дани. Радимичи перестали платить дань хазарам, а несколько позже кривичи – варягам[27]. Дань, которую они стали платить русским князьям, использовалась не только на содержание князей, но и на строительство оборонительных укреплений, на содержание русских дружин. Возникшее государство обеспечило благоприятные внешние политические условия для развития восточнославянских земель, в том числе и западных. Оно улучшило также и внутренние политические условия, содействуя возникновению новых городских поселений.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ ГОРОДОВ

В конце 10–11 вв. – начале 12 в. в западных восточнославянских землях появилось большинство городских поселений, упомянутых в древних русских летописях. В конце 10 – начале 11 вв. в центральном районе западных восточнославянских земель основан город Заславль. Его построили в верхней части бассейна р. Свислочь. Он расположился недалеко от этой реки, которая вместе со своими притоками служила ему естественной защитой. Свислочь связывала город с бассейном Березины, а через последнюю – с бассейном Днепра. На возвышенном месте были возведены укрепления. Часть жителей города занималась гончарным промыслом. В этом ремесле применялся гончарный круг.Часть ремесленников занималась железоделательным и железообрабатывающим производством. Кузнецы изготавливали топоры, замки, кресла и другие необходимые в хозяйстве и быту предметы. Среди ремесленников были ювелиры, косторезы. Составной частью населения города были дружинники – воины-профессионалы. О наличии знати в составе городского населения свидетельствуют находки дорогих предметов – амфор[28].

В южном районе западных восточнославянских земель в конце 10 – начале 11 вв. появляются города Волковыск и Берестье. Первый возник в бассейне среднего течения р. Росси, притока р. Неман. В 11 в. – начале 12 в. значительное развитие в нем получило ремесло. Его жители выплавляли железо (около детинца Волковыска обнаружены остатки домниц, металлические шлаки). Ремесленники изготовляли орудия труда, бытовые предметы, оружие, обрабатывали также цветные и благородные металлы. Здесь найдены образцы серебра, меди, литейные формочки, льячки для изготовления изделий из этих металлов. Занимались в Волковыске также гончарным, косторезным ремеслом, обрабатывали янтарь. Пользовались и привозными предметами, в частности амфорами[29]. Берестье построено на самом крайнем юго-западе западных восточнославянских земель. Первоначально город выполнял оборонительную военную функцию. Сначала была воздвигнута крепость. Укрепленная часть города (детинец) занимала очень выгодное географическое положение, усиливавшее его защитные свойства. Детинец Берестья располагался на мысу, образованном правым берегом Западного Буга и левым берегом левого рукава р.Мухавец. Водные преграды защищали его с западной и северной стороны. Восточная и южная стороны были закреплены искусственными оборонительными сооружениями – земляным валом и дугообразным рвом с частоколом по внутреннему склону. Благодаря этому Берестье, его детинец являлись сильной крепостью. О первоначальном военном характере Берестья свидетельствуют находки в наиболее ранних его слоях фрагментов кольчуги, шпор. Вскоре, однако, Берестье становится одним из центров ремесла и торговли, связывая не только поселения местной округи, но всю Берестейскую землю с другими восточнославянскими землями, расположенными на востоке, севере и на юге Руси[30].

В северном районе западных восточнославянских земель в конце 10 –

начале 11 вв. возник город Лукомль. Вначале городское поселение находилось только на правом берегу р. Лукомки. Но уже в 11 в. начал формироваться посад и на левом берегу этой реки. Водными путями Лукомль был связан с другими городскими поселениями древней Руси. Река Лукомка сливалась с р. Усвейкой и впадала в р. Уллу – приток Западной Двины, на берегу которой был расположен город Витебск. Верховья связанной с Лукомкой реки Усвейки находятся неподалеку от верховья р. Друти, впадающей в Днепр. На Днепре в 11 в. возникли города Орша, Копысь, Рогачев. Орша построена на мысу при впадении в Днепр р. Оршицы, по имени которой и названо городское поселение. Здесь расположился детинец. С востока его ограждал ров. Вначале Орша была крепостью. Такое же значение имела и Копысь. Ее укрепленная часть находилась на левом холмистом берегу Днепра. Оборонительные свойства поселения усиливали два протока р. Сморковки. Ров и вал защищал не только центральную часть, но и расположенный рядом посад. Сходное с Оршей и Копысью положение имел и возникший в это время город Рогачев. Он воздвигнут на мысу у впадения в Днепр р. Друти, с северной стороны защищен рвом. На берегу р. Друти, в верхней части ее бассейна, в 11 в. основан город Друцк. Скоро он стал не только военным, но и ремесленным центром ближайшей округи. Около детинца жили ремесленники, занимавшиеся кузнечным, ювелирным, плотницким, косторезным делом. В конце 11 – начале 12 вв. вокруг детинца сформировался окольный город. В 11 в. в Друцке возводится деревянная церковь, о которой упоминается в письменных источниках. Все это свидетельствует о том, что Друцк становится значительным городским поселением[31]. Во второй половине 11 в. на берегу р. Свислочь, в верхней части ее бассейна при впадении в нее небольшой р. Немиги, был основан Минск. Первоначальное его значение – мощная военная крепость. Значительную часть ее населения составляли воины. В древнем Минске найдено оружие ближнего и дальнего боя, предметы снаряжения конного воина и конская упряжь. Минск охранял пути (торговые и военные), ведущие с юга на север. Значительная доля дружинников среди городского населения требовала обеспечения их необходимыми средствами для выполнения основных функций. Поэтому Минск скоро превращается и в ремесленный центр. Его жители стали заниматься железообрабатывающим, оружейным, ювелирным, деревообрабатывающим производством. Уже в ранний период истории города начали строить каменную церковь. Постепенно Минск превратился в значительное городское поселение, стал торгово-ремесленным и административным центром местной округи[32]. В северном районе западных восточнославянских земель в 11 в. возникли также города Логойск, Браслав, а в южном – Слуцк, Клецк, Пинск.

Среди городов южного района размахом ремесленной и торговой деятельности выделялись прежде всего Пинск и Слуцк. Город Пинск строится на левом возвышенном берегу р. Пины, впадающей в р. Припять, которая связывала город с Волынью и Киевщиной. Путь на Волынь шел вверх по При-

пяти, а на Киевщину — вниз. Жители Пинска занимались кузнечным, ювелирным, косторезным, сапожным, гончарным ремеслами, обработкой дерева, торговали с городами Киевщины и Волыни[33]. Благоприятное положение для развития ремесленной деятельности и обороны занимал город Слуцк. Вокруг него располагались плодородные земли. В округе проживало значительное количество населения. Город возник на правом берегу р. Случи, у места впадения в нее р. Бычок. С юга город был защищен рекой Случь, с запада — речкой Бычок, а с севера и востока — рвом. Детинец Слуцка находился на возвышенном месте и был защищен дополнительным рвом (между детинцем и окольным городом). В городе занимались не только деревообрабатывающим, гончарным, косторезным, но и железообрабатывающим ремеслом. Слуцк являлся местным ремесленным центром, обеспечивающим население округи необходимыми для хозяйства и быта предметами. Через р. Случь, впадающую в Припять, и через Припять Слуцк был связан водными путями с Туровом и Пинском, а также с городами Волыни. Водные пути связывали с этими городами и Клецк. Он возник на берегу реки Лань, которая, как и Случь, является притоком Припяти.

Город Гродно основан в Понеманье. Он построен на берегу р. Неман в том месте, где в нее впадала р. Городничанка. Гродно располагался в западном пограничье восточнославянских земель и первоначально представлял собой крепость. Самая древняя часть города возведена на возвышенном месте, на мысу, защищенном мощной р. Неман и ее притоком Городничанкой. Очень скоро Гродно превращается и в ремесленный центр. Поселение разрасталось. В нем оформился посад, воздвигнута церковь[34].

Таким образом на территории современной Белоруссии в конце 10—11 вв. — начале 12 в. сформировалась сеть городов, тесно связанных с городами как Нижней (Южной), так и Верхней (Северной) Руси[35].

ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ОБЛИКА ДРЕГОВИЧЕЙ, РАДИМИЧЕЙ, КРИВИЧЕЙ

Возникновение и развитие большой сети городов в бассейнах Припяти, Немана, Западной Двины и Верхнего Днепра явилось основной причиной глубоких изменений в этническом облике населения этого края. Здесь, сначала в городах, а затем и в сельских населенных пунктах, произошло смешение прежних этнических общностей дреговичей, радимичей, кривичей и отдельных групп балтов, которые не были ассимилированы славянами в предшествующий период, когда формировались кривичи, радимичи и дреговичи. Эти отдельные группы балтоязычного населения в конце 10—11 вв. небольшими островками располагались в ареале кривичей, радимичей. В отличие от северного и южного регионов Руси в бассейнах Припяти, Немана, Западной Двины и Верхнего Днепра смешение различных этнических групп, их консолидация в новую этническую общность происходила несколько позднее, в основном в конце 10—11 — начале 12 вв., когда на юге и севере

уже завершилось формирование нового этнического облика населения. К этому времени в тех регионах оно уже стало русским. Это оказало сильное влияние на направление и характер этнических процессов на территории современной Белоруссии в конце первого – начале второго тысячелетий нашей эры. Второе существенное обстоятельство, повлиявшее на направление и характер изменений в этническом облике местного населения,– включение этого края в состав древнего русского государства, в состав Руси, а также реформа управления его землями, осуществленная в конце 10 в. киевским князем Владимиром. Суть ее состояла в том, что отменялся старый порядок, когда князьями, правителями отдельных областей или княжеств становились иногда представители местной, дорусской знати. С этого времени великими и местными князьями могли быть только представители великокняжеского рода – сыновья великого киевского князя и другие его родственники[36]. Таким образом, князьями древних областей на территории современной Белоруссии стали родственники великого киевского князя – представители русской знати. Новые князья имели русские дружины. В их состав первоначально входили и варяги, которые затем были ассимилированы, ославянены и слились с древней русской знатью. О том, что в составе дружин местных русских князей вначале были и варяги, свидетельствуют найденные в древних городских поселениях на территории Белоруссии (в частности, северной) военные предметы скандинавского происхождения (меч, втульчатые наконечники копий и др). Их датируют 10–11 вв.[37]. Дружины местных русских князей оказывали существенное этническое влияние на остальную знать городских и сельских поселений, способствуя трансформации ее в знать русскую. Кроме того, сами князья и их дружины выполняли важную коммуникативную функцию как в пределах своих княжеств, так и в рамках всей Руси, связывая население прежде обособленных областей (дреговичей, радимичей, кривичей) не только политически, но и этнически, способствуя выработке общих черт в разговорной речи, духовной культуре. Местные князья и их дружины первыми приняли христианскую религию, распространение которой усиливало общие черты в религиозном комплексе верований и обрядов, а также в других сферах жизни (особенно общественной, семейной и в появившемся профессиональном искусстве). Христианином был полоцкий князь Изяслав Владимирович. В середине 11 в. в Полоцке возводится Софийский собор, весьма сходный с одноименными соборами в Новгороде и Киеве. Многие черты профессиональной архитектуры Киевщины характерны и для Великого собора Бельчицкого монастыря под Полоцком (он воздвигнут в первой половине 12 века). В это же время христианские храмы сооружаются в Витебске и Гродно. Последний также имеет большое сходство с церковными постройками Киевщины[38]. Христианство приняла и минская знать. Эту религию исповедовал минский князь Глеб. Уже в 11 в. в Минске было начато строительство каменной церкви[39]. В середине 12 в. была построена христианская церковь в Турове. Под влиянием христианской религии видоизме-

нился погребальный обряд местного населения. Сначала в Полесье, а затем и на Полотчине обряд кремации заменяется обрядом трупоположения. Постепенно выходят из употребления названия прежних этнических общностей – кривичей, радимичей, дреговичей. Последнее упоминание о дреговичах как этнической общности относится к 1149 г., о кривичах – к 1162, о радимичах – к 1169 г.[40]. Эти названия заменяются одним общим – русские, русичи, русы, а земли – кривичская, радимичская и дреговичская, так же, как и земли Среднего Поднепровья, Новгородчины и Псковщины, – Русской землей, Русью. В "Повести временных лет" (первая половина 12 в.) Полоцк назван уже русским городом, так же, как и Переяславль, Киев, Чернигов. Все они определяются как "руськыи грады". В описании битвы дружины Полоцкого князя Всеслава с дружинами киевского князя Изяслава, переяславского князя Святослава и Черниговского князя Всеволода во второй половине 11 века (1067) под Минском (на берегах реки Немиги), в которой погибло большое число полоцких дружинников (полоцкий князь потерпел поражение), автор "Слова о полку Игореве" называет погибших в этой битве "русскими сынами":

"На Немиге снопы стелют головами,
Молотят цепами булатными.
На току жизнь кладут,
Веют душу от тела.
Немиги кровавые берега
Не добром были посеяны,
Посеяны костьми русских сынов".

В скандинавской саге первой половины XIII в. отмечается, что город Полоцк находится на Руси, так же, как и Смоленск и Новгород и Киев[41]. Повествуется о том, что скандинавские князья (конунги) три месяца осаждали Полоцк, имевший крепкую каменную стену, большие башни и широкие глубокие рвы. Жители Полоцка, мужественно защищавшие свой город, называются в этой саге русскими. В договоре полочан с рижанами в первой половине 14 в. (1338–1341) Полотчина также названа Русской землей[42]. Не случайно и встречающееся в поздних летописях наименование полоцких князей и бояр "русскими" ("и князи руськыи и бояре"), а Полоцкого княжества – Русским. Этим наименованием определялось их этническое отличие от литовцев, а Полотчины от этнической Литвы. Русской землей, Русью называлась не только Полотчина, но и территория Поприпятья, в том числе левобережного, с городами Пинском, Туровом. Об этом также свидетельствуют письменные источники. Когда великий князь литовский Шварн в 60-х годах 13 в. взял города Пинск и Туров и уничтожил многих жителей, летописец пишет: "И въскричала Русь великим голосом и с плачем, иж так окрутне вси суть побиты от безверное литвы". Литва в то время еще не приняла христианства, исповедывала языческую религию. Поэтому летописец называет литовцев

безверными, т.е. нехристианами. Письменные источники указывают также, что Русью именовалась не только Полотчина и Туровщина, но и Витебщина и Оршанщина[43]. В летописи сообщается, в частности, что Витебск и Орша (Рша) находятся на Руси. Первоначальным определением городов Туровщины, Полотчины, Витебщины, Оршанщины как русских, видимо, объясняется и включение в составленный позже список русских городов ("А се имена градом всем Рускымъ, дальним и ближним") Турова, Пинска, Берестья, Слуцка, Клецка, Рогачева, Минска, Друцка, Лукомля, Полоцка, Витебска, Орши[44]. Именование населения Туровщины и Полотчины русским, а этой территории Русью, Русской землей, оказало влияние и на название государства, в которое это население было включено в 13–14 вв. Это государство стало называться Великим княжением (княжеством) Литовским, Русским и Жемойтским. Правители его соответственно имели титул великих князей Литовских, Русских и Жемойтских. Такой титул, в частности, был у Гедимина (1316–1341) и Ольгерда (1345–1371), правивших в 14 веке[45]. Наименование этого политического объединения Великим Княжеством Литовским, Русским и Жемойтским отражало своеобразие этнического состава его населения. По этническим признакам оно подразделялось на литовцев (или аукштайтов), русских и жемойтов.

ВОПРОС ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОЛОЧАН

Наряду с общим термином – "русские" – существовали, конечно, и местные названия отдельных групп общевосточнославянского древнего русского населения. Среди них особое внимание исследователей привлекает термин "полочане". Его значение объясняют по-разному. П.В. Голубовский считал полочан древнейшим восточнославянским населением Полотчины и полагал, что от них произошли кривичи[46]. М.В. Довнар-Запольский и В.Е. Данилевич считали полочан ветвью кривичей[47]. Современный белорусский филолог и историк Н.И. Ермолович считает полочан особым этническим образованием, возникшим в результате смешения кривичей, дреговичей и балтов, и утверждает, что "они фактически явились первой по времени моделью белорусов"[48].

Путаница в определении значения термина "полочане" содержится уже в "Повести временных лет". С одной стороны, полочане в ней ставятся в один ряд с этническими общностями полян, древлян, дреговичей, словен, с другой, в той же летописи утверждается, что первыми жителями города Полоцка были кривичи. В сообщениях о более поздних событиях – походе Олега на Киев и в Византию, походе Игоря на Царьград – обычно упоминаются кривичи и не упоминаются полочане. Однако в некоторых походах, в частности походе Олега в Византию в 907 г., жители Полоцка, вероятно, участвовали, потому что в договоре Олега с греками (907 г.) указывается, что последние

должны были платить дань не только Киеву, Переяславлю, Чернигову, но и Полоцку[49]. Противоречивые сведения "Повести временных лет" о полочанах обусловлены тем, что со второй половины 11 в., когда усиливалось Полоцкое княжество и его соперничество с Киевским, в древние летописные своды, а затем и в "Повесть временных лет" внесены ложные утверждения о большей древности полочан, чтобы обосновать таким образом большую древность Полоцкого княжества и даже его старшинство по отношению к другим восточнославянским землям[50]. Наименование "полочане" появилось после названий "кривичи", "дреговичи". В. Татищев отмечает, что в одном из летописных вариантов указывается, что "инии сели меж Припятью и Двиною, нарекшися кривичи и дреговичи, а потом и назвалися полочане от реки, текусчей в Двину Полоты"[51]. В этом сообщении ценно то, что оно свидетельствует о более позднем появлении термина "полочане" по сравнению с "кривичами", "дреговичами". Полочане жили в более позднюю историческую эпоху, а кривичи и дреговичи – их предшественники по времени существования. Ошибочным является утверждение о большей древности полочан, о том, что в то время они представляли собой этническую общность, аналогичную дреговичам. Ошибочно также и выдвинутое Н.И. Ермоловичем положение, что полочане – особое этническое образование в более позднее время (после исчезновения кривичей и дреговичей). Утверждение Н.И. Ермоловича не подтверждается фактическим материалом. "Полочане" не имели особого языка. По языку они заметно не отличались от соседних смолян. Речь полочан и смолян была сходной. Они разговаривали на одном диалекте, проживали в одной диалектной зоне[52]. Не было заметных отличий и в материальной культуре жителей Полоцкого и Смоленского края. В.В. Седов отмечает, что "какого-либо этнографического рубежа между Смоленской и Полоцкой землями Х1–Х1У вв. не обнаруживается". Погребальный обряд жителей Полоцкого края не отличается от погребального обряда жителей Смоленского края. Сходными были и украшения[53]. Термин "полочане" имел не этническое, а только территориальное или территориально-политическое значение. Он появился в письменных источниках не ранее возникновения города Полоцка, не ранее формирования его нового населения и распространился, утвердился в период развития города, особенно в то время, когда сформировалось и усилилось Полоцкое княжество, – во второй половине 11 века – первой половине 12 века. В эту эпоху термин "полочане", видимо, употреблялся не только в значении названия жителей столичного города Полоцкого княжества, но также и жителей его округи, а иногда и всего княжества. Во всех этих случаях значение термина "полочане" не выходило за рамки территориально-политического и этническим не являлось. В этническом отношении полочане вместе со смолянами, новгородцами, суздальцами, туровцами, черниговцами, переяславцами, киянами и другими аналогичными группами населения составляли общевосточнославянский древний русский этнос, характеризовавшийся общим своеобразием языка, культуры, общим этническим самосознанием (русские), общей этнической территорией (Русь, Русская земля).

Автор "Повести временных лет" отмечает, что у полочан и новгородцев один язык ("словеньск язык"). Затем в той же "Повести временных лет" указывается, что "а словеньский язык и русский одно есть"[54]. В этой летописи указывается также, что и полочане и новгородцы живут на Руси. Косвенным подтверждением того, что термин "полочане" был только территориальным, а не этническим, служит и наличие аналогичных названий ("кияне", "переяславцы", "черниговцы") в Среднем Поднепровье. В это время оно уже называлось Русью, а ее население – "русами", "русскими". Аналогичные территориальные термины ("новгородцы", "ладожане", "псковичи") употреблялись и в Новгородском крае, который также назывался "Русью", "русской" землей, а его жители в этническом отношении были уже русскими людьми, "русами". Такое же значение, как термины "переяславцы", "кияне", "черниговцы", имели и другие аналогичные названия – "туровцы", "полочане", "дручане", "меняне" и т.п. Два последних особенно подчеркивают территориальное, территориально-политическое значение такой группы терминов, ибо никто из исследователей не считал и не считает "дручан" (жителей города Друцка и округи) и "менян" (жителей города Минска и его округи) этническими образованиями. Все эти территориальные, территориально-политические группы в этническом отношении принадлежали к общевосточнославянскому древнему русскому этносу. Для них характерны основные черты этой этнической общности – ее языка, материальной и духовной культуры, этнического самосознания, этнической территории.

ЧЕРТЫ ОБЩЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Общий восточнославянский язык отличался от других славянских языков рядом особенностей, свойственных речи всего восточнославянского населения. Такие особенности имелись в лексике общевосточнославянского древнего русского языка. В нем сохранились некоторые древние слова, не перешедшие в другие славянские языки. Такой лексемой в древнем русском языке, например, является слово "куст". Некоторые древние славянские слова в общевосточнославянском древнем русском языке несколько изменили свое прежнее значение. Так, слово "село", означавшее прежде поле, стало употребляться в значении населенного пункта. Слово "пиво", которым называли напиток вообще, стало означать только хмельной напиток. Специфику древнему русскому языку придавали не только сохранившиеся в его лексике древние слова или слова с несколько изменившимся значением, но также и новообразования, возникшие у восточнославянского населения в период их общей исторической жизни. К ним относятся, например, "радуга", "лог", "осока", "груздь", "белка", "утка", "семь". В лексике общевосточнославянского языка появились и заимствованные из неславянских языков слова, которые не проникли в другие славянские языки. Это – "ирий" – теп-

лая страна (из иранских), "сапог" – предмет кожаной обуви с голенищем (из тюркских), "корогод" – танцы (из финно-угорских), "деготь" – смолистый жидкий продукт (из балтских). Общие черты сформировались и в морфологии общевосточнославянского древнего русского языка. Наиболее яркой ее чертой стало полногласие. В период формирования древнего русского этноса оно с западного ареала восточнославянского населения распространилось по всей древнерусской этнической территории, стало характерной чертой речи всего восточнославянского населения[55]. Общевосточнославянское распространение получила форма слов "болото", "дерево", "береза", "ворона", "солома", "молоко", "город", "волос" и др. Ряд новых явлений появился в фонетике восточнославянской речи. В некоторых словах начальный звук "е" был заменен звуком "о" (есень – осень, езеро – озеро). Зубные согласные "т" и "д" перед "J" заменены шипящими согласными "ч" и "ж" (swetja – свеча, medja – межа). В разговорной речи были утрачены носовые согласные. К первой половине 12 века общевосточнославянский древний русский язык не только оформился как новая, ранее (по крайней мере, до 9 века) не существовавшая, целостная лингвистическая система, но и достиг высокой стадии развития, о чем свидетельствуют созданные на основе этого языка выдающиеся письменные памятники – "Слово о полку Игореве" и "Повесть временных лет". Общевосточнославянский древний русский язык становится письменным уже в 10–11 вв.[56].

Ряд общих черт характеризует одежду и обувь древнего русского населения. Общераспространенным предметом женского и мужского костюма была рубаха со стоячим воротником[57]. Она называлась также термином сорочица (сорочка). Разрез на ней делали "прямой" и "косой". Мужская рубаха была обычно до колен. Женскую делали более длинной (до ступней, до полу, поэтому край одежды назывался подолом). Женскую и мужскую сорочки, особенно праздничные, украшали вышивкой (ворот, края рукавов и подол). Мужскую рубаху носили навыпуск поверх нешироких штанов, подпоясывая ее узким ремнем с металлической пряжкой или тканым шнурком. Женскую подпоясывали только тканым шнурком, иногда использовали шерстяной вязаный пояс. Ременных поясов женщины не носили. У замужних женщин рубаху дополняла набедренная одежда – кусок клетчатой полушерстяной ткани. Ее повязывали так, что края расходились спереди, оставляя открытым подол. Первоначальное название этого предмета не установлено. Позднее он стал известен как понева[58].

Широко распространенным женским головным убором являлся повой. Иногда его называли "убрус". Это длинная полотенчатая ткань, которую оборачивали вокруг головы, закрывая волосы, а концы ее свисали на плечи или грудь. По обычаю, волосы женщины должны были быть закрытыми. Если кто-либо срывал с женщины повой, его наказывали штрафом. Головной убор девушек был значительно проще. Они носили волосы открытыми, распущенными по плечам или заплетенными в косы. Головным убором служила узкая полоска яркой ткани, охватывающая голову и завязыва-

ющаяся на затылке. Головной убор назывался венчиком. Более нарядный венчик называли "коруна". Его носили богатые городские девушки. Мужским головным убором служила плетеная, валяная или меховая шапка. Меховая шапка являлась составной частью костюма знати, в частности князей.

Наиболее распространенный тип обуви крестьян – лапти (лычаки, лыченицы). Обычно их плели из лыка, иногда из бересты. Кожаная обувь в сельской местности была распространена в меньшей степени. Характерным типом кожаной обуви сельских жителей являлись поршни (постолы), которые изготовляли из прямоугольного куска сыромятной кожи. По форме они близки к лаптям. В городе такую обувь носили лишь бедные. Типичная кожаная обувь горожан, особенно состоятельных,– сапоги. Крестьяне их почти не носили. Сапоги упоминаются в письменных источниках с 10 в. [59]. Их шили из нескольких кусков мягкой тонкой кожи. В отличие от поршней сапоги имели также голенища, закрывающие голень. Верхний край голенища срезали косо, так что спереди он был несколько выше, чем сзади. Разновидность кожаной обуви – черевики (от слова "черевие" – кожа). Как и сапоги, их шили из нескольких кусков кожи. Но в отличие от сапог края черевик были несколько ниже. Они закрывали ногу только чуть выше щиколотки. В большей степени это – женская обувь, особенно девичья. Черевики по форме близки к сапогам. Поэтому их иногда называли одним термином – или сапоги, или черевики [60]. И те, и другие носили преимущественно горожане и гораздо реже крестьяне, притом только состоятельные и в селах, расположенных неподалеку от городов. Черевики и сапоги обычно шили специалисты – ремесленники.

Устойчивый комплекс мужского и женского костюма включал также предметы верхней одежды. Как правило, их не разделяли на мужские и женские. Широкое распространение получила свита (от слова "свивать" – одевать, кутать). Ее шили из суконной ткани – вотолы. Этим термином иногда именовали и толстую льняную ткань. Свита была длинной. Иногда она имела отложной воротник, обшлага. Ее полы украшали вышивкой. Свита плотно облегала стан, хорошо сохраняла тепло. Чаще всего ее использовали весной, осенью, а также зимой при умеренном морозе. Как предмет верхней одежды свита упоминается в письменных источниках с 11 в. [61]. Зимней верхней одеждой служил кожух (от слова "кожа"). Его шили из шкур домашних животных (больше всего из овчины), реже из шкур диких животных. Кожух – очень теплая одежда. Этот предмет верхней одежды мехом повернут внутрь, а кожей наружу. Простые люди носили нагольные овчинные кожухи, не имевшие украшений. Кожухи знати обшивали кружевами, золотой материей, украшали каменьями. Кожухи считали ценным предметом. Они упоминаются в древнерусских письменных памятниках, в частности в "Слове о полку Игореве".

У древнего русского населения отмечено два типа жилища – наземное и полуземлянка. В течение древнерусского периода первые постепенно вытес-

няли вторые. Крыша была преимущественно двухскатная, реже – четырехскатная. С 12 в. в жилище появляется окно. Наряду с однокамерными бытовали двухкамерные и даже трехкамерные жилища, но чаще двухкамерные. В древнерусский период встречались полы дощатые и глиняные, печи-каменки и круглые глинобитные[62]. Последние постепенно вытеснили печи-каменки. Изменилось расположение печи в жилище. Прежде она находилась в заднем углу, а в 10–11 вв. ее начали ставить рядом с входом[63]. Это создавало тепловой барьер, тепло в жилище распределялось более равномерно. Кроме того, жилище становилось более гигиеничным, особенно пространство в глубине помещения. Жилище богатых имело дымоход.

В этот период отмечены общие черты в прикладном искусстве. Если в предыдущую эпоху господствовали геометрические формы, то в 11–12 вв. преобладают изображения животных – коней, гусей, уток. Были распространены и фантастические образы человека-коня, человека-птицы. Сохранились, однако, серповидные и звездчатые формы украшений, геометрический орнамент[64]. В древнерусскую эпоху общие черты приобретал и восточнославянский фольклор. Широкое распространение на Руси среди восточнославянского населения получили такие произведения, как былины (от слова "быль" – повествование о событиях) – народные эпические песни с героическими мотивами. Главные герои былин – богатыри. Они наделены необычайной силой, смелостью, мужеством и олицетворяют мощь общевосточнославянского древнего русского народа. Многие былины сложены в 10–12 веках. Среди древнерусского населения особенно популярными были былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Садко, Василии Буслаеве, Вольге, Микуле[65].

Общие черты имелись и в религии древнерусского населения. От предшествующего периода в обыденном религиозном сознании сохранились представления о Перуне, Велесе. Перуна считали божеством молнии, грома, грозы. В древности он олицетворял грозовую тучу, дающую дождь, который оплодотворял землю, способствовал урожаю. Древний миф повествует о том, как Перун сражался со змееподобным существом, которое задерживало воду, притаясь под деревом. Перун поражал существо стрелами и освобождал воду. После этого шел дождь. В ранний период древнерусской эпохи Перуна считали также покровителем княжеской дружины. Его именем клялись дружинники князя. Перуну приносили жертвы. В ряде древнерусских городов (в Киеве, Новгороде) были воздвигнуты статуи Перуна. Голова деревянного идола в Киеве была серебряной, а усы золотыми. После введения христианства идол Перуна в Новгороде был разрушен, а киевский идол этого божества в сопровождении 12 дружинников был сплавлен вниз по реке и за днепровскими порогами выброшен на берег. Но представление о Перуне как божестве молнии, грома, грозы продолжало бытовать среди сельского населения. От предшествующего периода в обыденном религиозном сознании древнерусских людей сохранилось также представление о божестве Велесе (Волосе). Его считали покровителем скота, а также торговли, богатства, рус-

ских купцов, дружинников. Имя его упоминается в договорах Руси с Византией (в том числе и торговых). Велесом клялись купцы и княжеские дружинники. Идолы его были воздвигнуты во многих городах Руси. В Киеве идол Велеса стоял у торговых пристаней реки Почайны, а после введения христианства был сброшен в эту реку. Разрушены идолы Велеса в других городах. Но представление о нем как покровителе скота не исчезло полностью из обыденного сознания сельского населения. Кроме Перуна и Велеса на Руси в ранний период поклонялись Хорсу (божество солнечного светила), Симарглу (божество семян и растений), Дажьбогу (божество сезонного солнечного тепла времени созревания урожая). Идолы их были воздвигнуты в Киеве на холме, за теремным двором князя. После введения христианства они также подверглись разрушению. С конца 10 в. общих черт в религиозных представлениях восточнославянского населения Руси становится больше. С этого времени на Руси распространяется христианство. В религиозное сознание древнего русского населения вошли образы христианской мифологии — Христа, богородицы Марии, святых Ильи, Власия, Георгия и др., представления об ангелах. Наряду с христианской мифологией на Руси постепенно утверждался христианский культ, внедрялись в быт христианские обряды и празднества. Под влиянием христианской религии изменился погребальный обряд восточнославянского населения Руси. Трупосожжение было заменено трупоположением. Новые общие черты религии распространялись прежде всего среди восточнославянской знати, затем — простого люда. В быт городского населения новая религия проникала быстрее, чем в быт сельского. Христианские храмы первоначально строятся в городах. Среди городских жителей на западных землях Руси христианство распространилось уже к середине 12 века. Христианские церкви воздвигнуты в Полоцке, Витебске, Волковыске, Турове[66]. В быту сельского населения эта религия утверждалась медленнее. Здесь в большей степени сохранялись элементы прежней языческой религии (представления о Перуне, Велесе). Обыденное сознание сельских жителей наделяло образы христианских святых отдельными чертами персонажей прежней мифологии. Так, на христианского святого Илью перенесены некоторые элементы образа Перуна, на святого Власия — отдельные черты Велеса. Религиозные представления обыденного сознания общевосточнославянского древнего русского этноса в 11—12 и последующих веках в отличие от религии предшествующих ему этносов были синкретическими. В этих представлениях были переплетены христианские и нехристианские (так называемые языческие) элементы[67]. Синкретизм религиозных верований восточнославянского населения Руси формировался и распространялся вместе с утверждением христианства. На западных землях Руси этот процесс интенсивно осуществлялся с 12 в., когда были созданы епархии в Полоцке и Турове[68].

Таким образом, в конце 10—11 вв. — первой половине 12 в. в Подвинье, Верхнем Поднепровье, Понеманье и Поприпятье под воздействием развития городов, установления связей между ними, а также связей с городами сосед-

них земель (Среднеднепровской и Поволховской) изменился этнический облик местного населения, исчезли прежние этнические общности кривичей, радимичей и дреговичей. Вместе с населением соседних северных, восточных и южных земель они консолидировались в новую (общевосточнославянскую) этническую общность, получившую название русской. Для этой этнической общности характерны общевосточнославянская речь, общевосточнославянская материальная и духовная культура, общая этническая территория (Русь, Русская земля), общее этническое самосознание (население называло себя русами, русичами, русинами, русскими).

5
глава

Локальные различия в языке и культуре восточнославянского населения западной Руси

**ЮЖНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЗОНЫ
ЗАПАДНОЙ РУСИ
В 11В–ПЕРВ.ПОЛ.12В.
ПОПРИПЯТЬЕ И ПОДВИНЬЕ
В ПОЗДНИЙ ОБЩЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ
ПЕРИОД,
ПОЯВЛЕНИЕ НАЗВАНИЙ
"ПОЛЕСЬЕ" и "БЕЛАЯ РУСЬ"**

Традиционная культура и разговорная речь общевосточнославянской общности имели локальные особенности, локальные варианты, которые были обусловлены местными природными условиями, интенсивностью территориальных экономических, политических, культурных и исторических связей, их направленностью. Без рассмотрения этих особенностей общевосточнославянской культуры и разговорной речи невозможно исследовать формирование новых восточнославянских этнических общностей – белорусской, великорусской и украинской, возникновение Белоруссии, Великороссии и Украины.

ЮЖНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ РУСИ В 11 В. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 12 В.

Появление и накопление локальных особенностей в языке и культуре общевосточнославянской общности происходило одновременно с формированием и развитием общевосточнославянского этноса. Такие особенности возникали в новых экономических, политических, исторических условиях и поэтому не совпадали с территориями прежних этнических общностей, существовавших до консолидации их в общевосточнославянский этнос. Формирование локальных особенностей языка и культуры общевосточнославянского этноса в ранний период этнической истории Руси было обусловлено прежде всего появлением двух наиболее важных экономических, политических и культурных районов Руси – Среднеднепровского и Поволховского, которые составили Нижнюю (Южную) и Верхнюю (Северную) Русь. Это дало начало двум первоначальным древнерусским диалектно-этнографическим зонам – южной и северной. К южной относилась территория Среднего Поднепровья, а также тяготеющие к нему экономически, политически и культурно Поприпятье, Волынь и древнерусские земли, расположенные к югу от Среднего Поднепровья и Волыни. К северной зоне относилась территория Поволховья, Псковщины, Верхнего Поднепровья, Подвинья и древнерусские земли, расположенные к северу и востоку от этого района.

Южная диалектно-этнографическая зона отличалась от северной особенностями общевосточнославянского языка. Они были в его лексике.

Лексика, характеризующая разговорную речь древнего русского населения южной зоны, отличалась от лексики разговорной речи древнего русского

населения северной зоны такими словами, как "пуща", "гай", "лимень", "жито" (в значении рожь), "волна" (шерсть), "постолы", "черевики", "лагодити" (делать приятным), "жадати" (желать). В разговорной речи населения северной зоны этих слов не было. Лексика разговорной речи населения северной зоны имела такие слова, как "наволок" (заливной луг), "пожня" (сенокосный участок), "блицы" (грибы), "жито" (в значении ячмень), "поршни" (вид обуви) и др. Таких различий в лексике северной и южной зон было довольно много. Исследователь древней русской лексики Ф.П. Филин обнаружил более ста лексических особенностей, отличающих северную зону от южной[1]. Имелись также локальные особенности в синтаксисе древнерусской речи. В южной зоне в речи использовали союз "та", который не был характерен для северной зоны. Союз "а" южане употребляли только в соединительном значении. Различия в лексике и синтаксисе двух диалектных зон дополнялись некоторыми особенностями фонетики. В южной зоне звук "г" был фрикативным, в северной – взрывным. В южной зоне звуки "ц" и "ч" четко различались. В северной зоне эти аффрикаты не различались, совпадали. Вместо звука "ч" часто употребляли звук "ц". Эта фонетическая особенность северной зоны названа "цоканьем". Например, произносилось и писалось "веце" вместо "вече", "полоцянин" вместо "полочанин", "цьто" – вместо "чьто" и др.[2].

Северная зона отличалась от южной и некоторыми особенностями одежды, обуви. В первой распространены рубахи с "косым" разрезом ворота, в южной зоне – с "прямым". В северной зоне бытовали лапти косого плетения (косая клетка), в южной господствовали лапти прямого плетения[3]. Отличались эти зоны и некоторыми особенностями жилища. В северной зоне во второй половине 10 в. и в 11 в. господствовали наземные жилища, а в южной зоне преобладали полуземляночные. В северной зоне клали печи-каменки, а в южной – круглые глинобитные печи[4]. В прикладном искусстве в ранний древнерусский период для северной зоны были характерны бронзовые подвески в виде коньков (особенно в Новгородском, Псковском, Смоленском краях). В южной зоне они встречались крайне редко[5]. В южной зоне создаются былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче (так называемый киевский цикл), в северной зоне – былины о Садко, Василии Буслаеве (новгородский цикл). В былинах северной зоны повествуется о Новгороде, торговых рядах, купечестве, богатстве, о пирах-братчинах, кулачных боях на мосту, поездках в другие страны. В былинах южного происхождения рассказывается о Киеве и его окрестностях, о пограничных заставах , о сражениях богатырей с врагами Русской земли[6]. Подразделение ранней Руси на северную и южную зоны в некоторой мере прослеживается и по своеобразию религиозного культа. В северной зоне в большей степени, чем в южной, почитали Велеса (Волоса) – божество, считавшееся покровителем скота, богатства, торговли, купцов. Это, видимо, обусловлено тем, что в северной зоне скотоводство имело больший удельный вес, а в экономике городов исключительное значение придавалось торговле.

Культ Велеса был широко распространен в Новгороде. Одна из улиц этого города называлась Волосовой. Велеса очень почитали в Пскове, Ростове, Владимире на Клязьме. После утверждения христианства в северной зоне одним из наиболее почитаемых стал Власий, на которого были перенесены многие черты Велеса. В городах северной зоны возведено много храмов, посвященных Власию[7]. В южной зоне особенно чтили Хорса и Семаргла[8]. Они в большей степени были связаны с земледелием, чем со скотоводством и торговлей. Хорс был божеством солнечного света, а Семаргл – семян и растений.

Таким образом, многие факты свидетельствуют о том, что в ранний период Руси, завершающийся серединой 12 века, ее западная территория по особенностям языка и культуры восточнославянского населения подразделялась на южную и северную зоны. Это было характерно и для территории, относящейся ныне к Белоруссии. Ее северный регион, включавший Верхнее Подвинье (Витебщина и Полотчина), являлся частью северной зоны. К ней относились и некоторые районы, расположенные к югу от Полотчины и Витебщины, районы, в которых находились города Заславль, Минск, Борисов, Друцк. Ареал северной зоны на юге, возможно, доходил до бассейна верхнего Немана. Остальные районы территории, относящейся ныне к Белоруссии, расположенные к югу от верхнего Немана, по своеобразию языка и культуры восточнославянского населения являлись частью южной зоны Руси в ранний период ее истории[9]. В этих районах находились города Рогачев, Слуцк, Клецк, Новогрудок, Гродно, Волковыск, Берестье, Пинск, Туров.

ПОПРИПЯТЬЕ И ПОДВИНЬЕ В ПОЗДНИЙ ОБЩЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ПЕРИОД

В поздний период этнической истории Руси, который начинается с середины 12 в., продолжается весь 13 в. и заканчивается примерно серединой или второй половиной 14 в.[10], локальные черты, территориальное своеобразие приобретают многие новые элементы материальной, социальной, духовной культуры и языка общевосточнославянского этноса. В лесной полосе западной Руси наиболее распространено земледельческое орудие для взрыхления земли – соха. В южной части лесной зоны, к которой относилось Поприпятье, т.е. территория, расположенная по обе стороны р. Припять, включающая районы современного Украинского и Белорусского Полесья в бассейне этой реки, а также примыкающие к Поприпятью районы современного Белорусского Понеманья, соха была более массивной и часто предназначалась для парной воловьей упряжки. Главное ее своеобразие состояло в том, что левый сошник был поставлен под тупым углом к правому. Они соединялись так, чтобы пласт земли отваливался вправо, как при вспашке плугом. Эта соха получила название "полесской". В Подвинье и Верхнем Поднепровье, а

также в некоторых районах, расположенных к северу от этой территории (в Псковском и Тверском краях), соха была не такой громоздкой и в основном предназначалась для одноконной упряжки. В ней сошники были поставлены параллельно друг другу и на одном уровне. Для отвала земли возле них прикрепляли лопатку. На западе этого ареала, в частности в Подвинье, во время пахоты лопатку при повороте перекладывали от одного сошника к другому. Эта лопатка называлась "полицей", "перекладной полицей" или "перекладкой". Поэтому этот тип сохи в научной литературе условно именуют иногда сохой с перекладной полицей или перекладкой. Однако на востоке этого ареала, т.е. в Верхнем Поднепровье, в частности на Могилевщине и Смоленщине, полицу во время пахоты не перекладывали. Она была закреплена у левого сошника[11].

К позднему древнерусскому периоду относится и формирование некоторых локальных особенностей сушки снопов. Для северной зоны, включающей Верхнее Поднепровье и Подвинье, стала характерной огневая сушка снопов. Для сушки снопов таким способом строили специальные помещения – овины. В южной зоне, к которой относилось и Поприпятье, огневую сушку снопов не практиковали, овинов в этом регионе не строили.

Имелись локальные различия и в форме гумна. Характерная форма гумна в северной зоне – прямоугольная. Южная зона отличалась от северной тем, что в ней были распространены многоугольные гумна. В северной зоне строились бани, в южной зоне их обычно не было. В поздний древнерусский период сформировались и локальные особенности такого предмета одежды, как свита. В северной (подвинско-днепровской) зоне преобладала свита прямого покроя, а в южной (поприпятской) – с боковыми вставными клиньями[12].

Северная и южная зона отличались друг от друга и некоторыми особенностями свадебного обряда. Составной частью свадебного обряда северной зоны являлась ритуальная баня невесты (а иногда и жениха) перед заключением брака. Для северной зоны была характерна более развернутая форма такого обряда, как девичник (сборная суббота). Он имел здесь более драматические черты. Отличительной чертой девичника и других обрядов подготовительного этапа, а также начального периода собственно свадьбы (до переезда невесты в дом жениха) здесь были причитания (голошения) – грустные, драматического содержания песни. В некоторых районах северной зоны (например, в Подвинье и Верхнем Поднепровье) перед началом свадьбы, свадебного пира, одариванием жениха, невесты исполнялась специальная обрядовая песня, которую называли "первой свадебной песней", "зачинальной", "радой", "столбовой". Последнее название указывало на место, где ее пели. Как правило, она исполнялась у столба, расположенного около печи. Содержание этой песни указывает на время ее формирования. Исполнявшие песню обращались к богу, христианским святым Кузьме и Демьяну. А христианство широко распространилось на территории западной Руси, утвердилось в обрядности восточнославянского населения преимущественно к середине

12 в. Почитание христианских святых Кузьмы и Демьяна характерно преимущественно для северной зоны общевосточнославянской древней русской этнической территории, включая и подвинско-днепровский регион[13]. Эти образы христианской мифологии имеются в волочебных песнях, распространенных в позднем средневековье в Подвинье, Верхнем Поднепровье и соседних с ними северных и южных районах[14]. В г. Могилеве, возникшем в 13 веке, была построена церковь святых Кузьмы и Демьяна. Христианских святых Кузьму и Демьяна восточнославянское население северной зоны считало чудесными искусниками, покровителями собранного урожая, радости, веселия, единодушия и дружелюбия. О древнерусском времени формирования "столбовой" обрядовой песни свидетельствуют и символические действия ее запевалы, которые были сходны с поведением древнерусских скоморохов, забавлявших присутствовавших. Запевала иногда надевал шубу, шапку, рукавицы, взбирался на припечный столб, потом сваливался вниз. Его поднимали, расспрашивали про "болезнь", предлагали различные "лекарства", "излечивали". За исполнение столбовой песни запевале дарили пирог. Христианские черты столбовой песни, сходство символических обрядовых действий, связанных с этой песней, с поведением древних скоморохов отмечены белорусским исследователем А.М. Мицкевичем. С христианскими представлениями в некоторых местностях были связаны и свадебные причитания. В них обращались к богу, святым угодникам. Все это дает основание считать, что ряд особенностей свадебного обряда северной зоны (особенно в Верхнем Поднепровье, Подвинье и в смежных с ними районах, включающих Псковщину и Тверской край) сформировался в поздний древнерусский период. К этому времени, вероятно, относится и окончательное оформление своеобразных черт свадебного обряда южной зоны, особенно поприпятского региона.

Южная зона по особенностям свадебного обряда отличалась от северной прежде всего широким распространением и очень развитой формой каравайных обрядов, необычайно большим количеством каравайных песен и их исключительным местом во всем обряде. Если на территории Подвинья, относившегося к северной зоне, зафиксировано несколько десятков каравайных песен, то в Поприпятье, входившем в южную зону, – несколько сот. Каравайными песнями сопровождались почти все действия по изготовлению каравая в свадебном обряде. В формуле, которой спрашивали разрешение совершить то или иное действие с караваем, нередко упоминаются персонажи христианской религии – "бог наивысший", "ангелы" и др.[15]. Каравай иногда называли "даром божьим". Развитую форму каравайных обрядов Д.К. Зеленин связывает с греко-римским, византийским влиянием в период проникновения христианства в народный быт восточнославянского этноса. Именно этим временем он определяет утверждение религиозно-мистических черт каравайной обрядности, которые длительное время не подвергались модернизации. Он отмечает важную роль аграрного культа у античных этносов и у восточнославянского населения[16]. Именно большая роль земледелия в экономике

южной зоны стала основной причиной четкого оформления и устойчивого бытования здесь развитой формы каравайных обрядов. Особенностью свадебного обряда южной зоны является и такой обычай, как "перезва" – поочередное посещение молодыми и гостями родственников и односельчан в конце свадьбы. На восточнославянской этнической территории он преимущественно распространен в тех местностях, где бытовали каравайные обряды. Чаще всего он совершался после раздела каравая.

В поздний древнерусский период начали формироваться некоторые локальные особенности календарной обрядности. В северной зоне (в Подвинье, Верхнем Поднепровье и соседних с ними северных и южных районах) более стойко сохранялись обычаи и обряды прежнего (весеннего) нового года, подвергшись, правда, заметной трансформации под влиянием проникшей в народный быт христианской религии. Совершение обрядов прежнего нового года (обрядовый обход дворов, исполнение поздравительных песен, одаривание исполнителей обряда) постепенно было приурочено к христианскому празднику Пасхи. Обходить дворы, исполнять поздравительные песни стали в начале Пасхи в пределах церковного прихода. В обрядовых песнях появились персонажи христианской религии – святые Георгий (Юрий), Илья, Николай, Петр, Кузьма, Демьян и др.[17]. В южную зону раньше, чем в северную, проникала римско-византийская инновация, новая традиция. Согласно ей, Новый год начинался не весной, а в конце осени – начале зимы и совпадал с праздником, во время которого жители поздравляли друг друга, дарили подарки, проводили игры. Праздник этот приходился на время зимнего солнцестояния, которое прежде считалось днем рождения бога солнца Митры. Христианская церковь решила считать его днем рождения Христа. После установления христианского праздника Рождества было расширено празднование январских календ. С них начинался Новый год. В результате этого сформировалась новая традиция – новогоднее зимнее празднество, получившее у всех славянских этносов название "колялы"[18]. Оно тесно связано с христианским Рождеством. В период формирования зимних коляд ряд обрядов прежнего весеннего нового года (обход дворов, исполнение поздравительных новогодних песен) был перенесен с весны на зиму. Именно поэтому колядные поздравительные песни сходны с весенними величальными песнями, именуемыми волочебными, – по тематике, содержанию и по назначению. Аналогичны также их музыкальные черты, структурно-стилевые признаки, т.е. ритмические формулы, мелодии, интонационный строй, отражающие самые глубокие черты родства колядных и волочебных песен[19]. Все это – доказательство происхождения колядных обходных песен от волочебных. Колядные поздравительные песни южной зоны, особенно babyприпятского региона, однотипны. Они весьма близки и по тематике, и по содержанию, и по структуре, и по музыкальной форме и отличаются этими чертами от колядных поздравительных песен северной зоны[20]. Южная и северная зоны различаются и некоторыми особенностями колядного обряда. Именно для южной зоны характерна наиболее древняя колядная маска "коза", а также

обряд и песни, которыми сопровождался обход дворов с этой маской. Колядная маска "коза", по всей вероятности, южного происхождения. Кроме южной зоны восточнославянской этнической территории она бытовала на территории западных славян (Чехословакия, Польша), южных (Болгария) и у некоторых романских этносов (молдаван, румын)[21].

Примерно с середины 12 в. появляются новые локальные различия в разговорной речи восточнославянского населения западной Руси. В южной зоне, включая и Поприпятье, стало характерным преобладание твердого – "р", а в северной (с Подвиньем и Верхним Поднепровьем) в большинстве случаев сохранилось прежнее его произношение – мягкий "р"[22]. В южной зоне отвердел и согласный звук – "ч". В северной звук "ч" преимущественно оставался мягким[23]. В южной зоне (включая и Поприпятье) в поздний древнерусский период сохранялось прежним произношение согласного звука "д". В значительной части северной зоны (в Подвинье, Верхнем Поднепровье, в Псковском, Тверском крае) в это время согласный звук – "д" часто стали произносить мягче[24] (вместо день – дзень, вместо дело – дзело). Такая особенность произношения этого звука получила в научной литературе наименование "дзеканья". Появились и некоторые локальные различия в произношении гласных звуков. Южная зона, к которой относилось и Поприпятье, и в поздний древнерусский период оставалась "окающей", т.е. гласный звук "о" и под ударением и в безударном положении чаще всего продолжали произносить здесь одинаково, как "о". А в Подвинье, Верхнем Поднепровье, Псковском и Тверском краях гласный звук "о" в безударном положении стали произносить как "а". Эта особенность произношения получила название "аканья". Появление новой фонетической черты в этом регионе отражено в письменных источниках (1262 г., 1268 г., 1290 г.)[25]. В Поприпятье в поздний древнерусский период в результате падения редуцированных новым явлением разговорной речи стали дифтонги – "уо", "ie"[26].

Таким образом, можно сделать вывод, что и в поздний древнерусский период по лингвистическим и культурным чертам территория современной Белоруссии не выделялась в особый регион.

ПОЯВЛЕНИЕ НАЗВАНИЙ "ПОЛЕСЬЕ" И "БЕЛАЯ РУСЬ"

По особенностям языка и культуры она подразделялась в это время на две диалектно-этнографические области – "южную" и "северную".

Обобщая факты, следует указать, что для южной области, к которой относилась территория Белорусского Полесья, в разговорной речи населения было характерно "оканье", преобладание твердых согласных звуков "р", "ч", отсутствие смягченного согласного звука "д", появление дифтонгов "уо", "ie". В материальной культуре южная диалектно-этнографическая

область отличалась от северной распространением особого типа сохи, которая в научной литературе получила название полесской, своеобразием формы гумна, отсутствием такой постройки, как баня, а в социальной и духовной культуре — более развитыми формами каравайных обычаев и обрядов и их большим значением в свадебном цикле, своеобразием календарной обрядности. По всем этим признакам она сходна с расположенной к югу от нее североукраинской, или украинополесской, областью, образуя с последней по лингвистическим и культурным чертам единый диалектно-этнографический регион, а по ряду черт (наличие дифтонгов "уо", "ie", полесская соха и др.) различаясь с регионом, расположенным к югу от него. Не случайно, видимо, то обстоятельство, что этот регион, центром которого является Поприпятье, наряду с большим лингвистическим и культурным сходством его населения обнаруживает и большое антропологическое единство — так называемый "полесский" вариант восточноевропейского антропологического типа. У населения данного региона аналогичны пигментация волос и глаз, ширина лица, вогнутость спинки носа, головной указатель (отношение ширины головы к длине). В то же время оно отличалось по этим же признакам от населения Подвинья и Поднепровья. У жителей последнего более светлая пигментация волос, шире лицо, более вогнутая спинка носа, меньше головной указатель. Для населения полесского региона характерен более низкий рост по сравнению с северным, умеренная брахикефалия (короткоголовость), средний носовой указатель (соотношение ширины и высоты носа), более темная пигментация волос[27]. Наличие антропологического, т.е. биологического, родства населения Поприпятья — дополнительный аргумент его этнического единства, так как это родство дает основание предполагать наличие брачных связей между людьми в пределах этого региона, которые, конечно же, усиливали лингвистическое и культурное единство, формировавшееся и под влиянием новых явлений.

Культурное своеобразие поприпятского региона было замечено уже в поздний древнерусский период, вероятно, в конце этой эпохи. Именно в это время появляется отдельное название для этого региона. С этого времени его стали называть "Полесьем". Термин "Полесье" в значении особого культурного региона впервые встречается в Ипатьевской летописи, созданной на основе письменных памятников позднего древнерусского периода, появившихся в южной зоне общевосточнославянской этнической территории. В соответствии с данными этой летописи термин "Полесье" для обозначения поприпятского культурного региона бытовал уже в 13 веке. Он датируется в летописи 1274 годом[28]. Это название Поприпятья и прилегающих к нему местностей оказалось весьма стойким. Оно сохранялось для обозначения региона и в последующие эпохи, хотя его культурные черты изменялись, но некоторые элементы культурного региона общевосточнославянской этнической территории оставались. Наряду с дифференциацией культуры и разговорной речи в последующие эпохи в Полесье появлялись также отдельные новые общие для этого региона культурные элементы. С поздней древне-

русской эпохи, вероятно, бытует и отдельное название жителей этого региона, производное от наименования территории. Наиболее распространенный термин – ”полешуки” (или его местный вариант – ”полещуки”). Это региональное название стало и самоназванием местных жителей. Таким образом, в поздний древнерусский период в Поприпятье и прилегающих к нему местностях сформировался один из субэтносов (часть этноса) общевосточнославянского древнего русского этноса ”полешуки”. Жители этого региона сохранили и общевосточнославянское этническое самосознание. Они являлись составной частью ”русских”, ”русичей”, ”русов”, ”русинов”[29]. В то же время ”полешуки” подразделялись на более мелкие территориальные группы со своими названиями, например, берестяне, пиняне, туровцы и др., имевшие, как и прежде, территориальное или территориально-политическое значение. В поздний древнерусский период эти более мелкие территориальные группы часто составляли население политических объединений этого времени – местных княжеств, которые в условиях наступившей феодальной раздробленности, ослабления, а затем исчезновения древнерусского государства значительно усилились и некоторое время представляли собою отдельные политические образования.

Обобщая факты, следует также отметить, что кроме полесского региона в поздний древнерусский период формируется и подвинско-днепровский, для которого характерны преобладание мягких согласных ”р”, ”ч”, отсутствие дифтонгов ”уо”, ”іе”, появление смягченного согласного звука ”д” (дзеканье), ”аканья”, соха с перекладной полицей, гумно с сушилкой, наличие такой постройки, как баня, ”столбовая” песня, которой начинали свадьбу, волочебные обряды, которыми прежде отмечали весенний Новый год.

Отличаясь от ”полесского” региона, подвинско-днепровский сходен по всем этим признакам с расположенными к северу от него районами Псковщины, Тверского края, Смоленщины, составляя единую культурную область. Ее население было едино и антропологически, отличаясь от жителей полесского региона и своеобразием внешнего облика: более светлой пигментацией волос, более широким лицом, более вогнутой спинкой носа, меньшим головным указателем, представляя по антропологическим признакам валдайско-верхнеднепровский вариант восточноевропейского антропологического типа[30]. Антропологическое единство, родство восточнославянского населения этого региона позволяет предположить и наличие брачных связей между людьми в пределах этой территории, поскольку оно составляло родственную группу популяций, которая, несомненно, способствовала формированию более тесного культурного единства.

Культурное своеобразие подвинско-днепровского региона было замечено уже в поздний древнерусский период. В отличие от поприпятского, наименованного Полесьем, он был назван Белой Русью. По данным В.Н. Татищева, утвердившееся постепенно наименование Белая Русь охватывало территорию от верховья Западной Двины и верховья Волги – до верховья Немана, включая в свой ареал, в частности, Тверской край, Смоленщину, Друцкий и Мсти-

славский край. Подвинско-днепровский регион получил наименование Белой Руси в период политической раздробленности Руси, хронологически не позже 13 в.[31]. В 14 в. это название подвинско-днепровского региона, судя по письменным источникам и данным восточнославянского фольклора, уже закрепилось. Первой четвертью 14 в. (1318 г.) датируется название Белой Русью Витебщины[32]. Примерно к этому же времени (1325 г.) относится и наименование Белой Русью части западной территории подвинско-днепровского региона, расположенной к востоку от этнической Литвы. Это свидетельство содержится в Ипатьевской летописи[33]. В ней есть также информация о названии в поздний древнерусский период поприпятского региона Полесьем. Самое известное из всех свидетельств о наименовании подвинско-днепровского культурного региона Белой Русью содержится в письменном памятнике "Хроника Польши". Оно датируется 1382 годом. Польский летописец Янка из Чарикова, повествуя о пребывании князя Ягайло с матерью в Полоцке, называет его крепостью Белой Руси[34]. Это же наименование встречаем и в волочебных песнях. Как известно, ареал их распространения охватывает Подвинье, Верхнее Поднепровье и соседние с ними северные и южные районы. В одной из волочебных песен, зафиксированной на Витебщине, поется:

"Святы Аляксей сохі чэшыць.
Святы Юр'я – божы пасол,
А ўзяў ён ключы залатыя,
Адамкнуў зямлю сырусенькую,
Пусціў расу цяплюсенькую
На Белую Русь і на ўвесь свет"[35].

В пределах этнической территории общевосточнославянской древней русской общности название подвинско-днепровского региона Белая Русь приобретало значение средней Руси[36]. Значительная часть этнической территории Руси располагалась к северу от подвинско-днепровского региона. В поздний древнерусский период и в последующее за ним время эта часть этнической территории постоянно увеличивалась. Русские люди интенсивно осваивали регион Северной Двины. Для обозначения обширной части этнической территории Руси между Волгой и Северной Двиной зарождалось название Великая Русь, имевшее в то время значение верхней, северной Руси[37].

От наименования подвинско-днепровского региона Белая Русь происходит и название его жителей – "белорусцы". В первоначальной форме оно образовано по типу названий жителей ряда местностей древнерусской этнической территории: новгородцы, черниговцы и др. Термин "белорусцы" в письменных источниках чаще всего обозначает жителей подвинско-днепровского региона[38]. Постепенно он становится и самоназванием. "Белорусцы", таким образом, в поздний древнерусский период являлись субэтносом, т.е. частью общевосточнославянского древнего русского этноса. Наряду с наименовани-

6. Зак. 5066.

ем "белорусцы" они назывались и просто русскими, а их территория – русскими волостями. К этому времени (конец 14 в. – 1397 г.) относится упоминание "всей Руси Полоцкой, Лукомльской, Витебской, Оршанской, Смоленской, Мстиславской"[39]. "Белорусцы" подразделялись на более мелкие территориальные группы со своими названиями: полочане, витебляне, смольняне, псковичи и др., которые, как и прежде, имели территориально-политическое значение. Они составляли население политических объединений того времени – местных княжеств.

6
глава

Как возникла Белоруссия?

**РАЗВИТИЕ ПРЕЖНИХ
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ
НОВЫХ ГОРОДОВ
В ЦЕНТРАЛЬНОМ РЕГИОНЕ,
ОБРАЗОВАНИЕ
БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА,
ЕГО ТРЕХ ДИАЛЕКТОВ.
ИЗМЕНЕНИЯ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПОПРИПЯТЬЯ, ПОНЕМАНЬЯ,
ПОДВИНЬЯ
И ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ
В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
РОЛЬ НЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ
ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП
В ФОРМИРОВАНИИ БЕЛОРУСОВ:
ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОЙ,
БАЛТСКОЙ,
ТЮРКСКОЙ.
ИЗМЕНЕНИЕ
ЭТНИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
ТЕРМИНА "БЕЛАЯ РУСЬ."
НАЗВАНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ РЕГИОНОВ
БЕЛОРУССИИ:
ПОЛЕСЬЕ
ЛИТВА
ЧЕРНАЯ РУСЬ**

РАЗВИТИЕ ПРЕЖНИХ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ ГОРОДОВ В ЦЕНТРАЛЬНОМ РЕГИОНЕ

Новая историческая эпоха, начавшаяся со времени ослабления, а затем исчезновения древнерусского государства, была для восточнославянских земель и их населения эпохой дальнейшего развития экономики, социальных отношений, культуры, эпохой формирования новых территориальных экономических, политических, культурных связей. Более быстро в сравнении с Поприпятьем и Подвиньем в это время развивались восточнославянские земли современной средней Белоруссии: северное Понеманье (включая бассейн притока Немана – Березины и земли, расположенные между притоком Немана Березиной и рекой Вилией), Минщина и большая часть современного Белорусского Поднепровья (его средние и южные области). Интенсивное экономическое развитие этих земель в новую эпоху обусловлено благоприятными историческими и политическими условиями, сложившимися в 13–16 вв. Это было время, когда земли Руси подвергались разорительным нападениям внешних врагов: немцев на северо-западе и татар – на юго-востоке. Восточнославянские земли Поприпятья с городами Берестьем, Пинском, Туровом, возникшим во второй половине 12 в. Мозырем и др. в 13–16 веках не раз опустошались татарскими полчищами. Татары грабили местное население, сжигали города и села, а жителей убивали и уводили в плен. Опустошительные набеги татар мешали землям Поприпятья стать центром новых объединительных процессов. Восточнославянские земли Подвинья в этот период неоднократно подвергались разбойничьим нападениям немецких крестоносцев. Немецкие рыцари несколько раз осаждали даже Полоцк, временно он попадал в зависимость от них[1]. Опустошительные набеги немецких крестоносцев на восточнославянские земли Подвинья (в частности – Полотчину), неоднократное разорение последней являлись, как и в Поприпятье, неблагоприятным фактором для экономического развития этой области и не позволили ей стать центром новых этнокультурных процессов. Выгодные исторические и политические условия для экономического развития северного Понеманья, Минщины и соседнего с ней Поднепровья заключались в том, что эти земли немного дальше находились от новых внешних врагов (татар и немцев), реже подвергались их нападениям, были менее уязвимы в сравнении с Поприпятьем и Подвиньем. Кроме того, они оказались в центре нового большого государства – Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, которое появилось в Восточной Европе в 13–14 вв. и включило в свой состав обширную часть восточнославянской этнической территории – Руси. Расположение Понеманья, Минщины и

соседнего с ней Поднепровья в центральной части этого большого государства не только затрудняло татарам и немцам совершать на эту территорию набеги, но и позволяло восточнославянскому населению быстрее, лучше, эффективнее организовать ее оборону, дать отпор агрессору. Поэтому в 13–16 вв. Понеманье, Минщина и соседнее с ней Поднепровье экономически развивалось быстрее, интенсивнее, чем Поприпятье и Подвинье. Это, в частности, выразилось в бурном развитии ряда восточнославянских городов, возникших прежде, в особенности в появлении и интенсивном росте большого числа новых городских поселений.

В 12–14 вв. в северном Понеманье возвысился Новогрудок, возникший еще в конце 10 – начале 11 вв. Значение его стало быстро возрастать. Он состоял из замка, расположенного на высокой (Замковой) горе, окольного города (Малого замка) и посада. В городе было развито кузнечное, ювелирное, косторезное, гончарное ремесло[2]. Ремесленники изготовляли предметы для многочисленной знати. Здесь найдено немало дорогих изделий – оружие, предметы роскоши (ювелирные изделия), в том числе привозные (стеклянные браслеты, амфоры). В городе появились большие дома, многие со стеклянными окнами. Восемь основных улиц выходили на торговую площадь, находившуюся около Замковой горы и отличавшуюся от площадей других городов своеобразной (треугольной) формой. Во второй половине 12 в. в Новогрудке был построен православный храм. В первой четверти 16 в. на этом месте возведено новое здание Борисоглебской церкви. В середине 16 в. здесь было уже 10 православных церквей и один католический костел. В 16 в. на торговой площади воздвигнута городская ратуша. В 13–16 вв. в Новогрудке был построен мощный каменный замок – крепость с семью башнями[3]. В первой четверти 16 в. (1511 г.) Новогрудок получил магдебургское право, что свидетельствовало о высоком уровне развития этого города, о том, что он стал крупным ремесленным и торговым центром. Новогрудок 13–16 вв. – крупный политический центр. В 13–14 вв. он являлся столицей Новогрудского княжества, или, как его иногда называют летописи, Великого княжества Новогрудского, а его князей – великими князьями Новогрудскими. В период наивысшего могущества Новогрудское княжество было весьма обширным государством. Северная его граница проходила по р. Вилии, на востоке – по линии Койданово-Могильно. На юго-западе территория Новогрудского княжества включала Гродно, Берестье, на юге – города Пинск, Туров, Мозырь, на юго-востоке – Чернигов. В конце 14 в. Новогрудок – один из центров великокняжеского домена Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (или Литовского, Жемойтского и Русского). В первой четверти 15 в. (1415 г.) Новогрудок становится резиденцией православного митрополита Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского. В начале 16 в. (1507 г.) Новогрудок стал центром Новогрудского воеводства. Здесь созывались сеймики, заседали суды, составлялись летописи[4]. От Новогрудка шли дороги к Слониму, Гродно, Минску, Лиде, Ошмянам.

С XII–XIII вв. наблюдается также экономический рост Гродно, развиваются кузнечное, гончарное, сапожное, ювелирное, косторезное ремесло, расширяется посад, строится Борисоглебский монастырь. В 14 в. возводится Верхняя церковь на месте Нижней в замке, а также Пречистенская на территории посада. В 15 в. была построена ратуша, а в 16 в. вместо прежнего деревянного костела – каменный. В это же время сооружается и королевский дворец. В городе появилась новая торговая площадь с торговыми рядами, корчма, новые жилые здания. Улицы вымощены камнем. В первой половине 16 в. (1541 г.) в Гродно появился водопровод. В 13–16 веках крепость города была перестроена в мощный каменный замок с пятью укрепленными башнями. Толщина его стен достигала 3 м. В 16 в. в городе проживало около 4 тысяч жителей, насчитывалось несколько сот домов (свыше 700)[5]. В 1391 году Гродно получает неполное, а в 1496 – полное магдебургское право. Он становится не только экономическим (ремесленным, торговым), но и важным политическим центром. В XII–XIII вв. это столица Гродненского княжества. В составе Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского при Витовте (последняя четверть 14 в. – первая четверть 15 в.) город Гродно является второй столицей Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского. В составе Речи Посполитой в последней четверти 16 века (1576–1586 гг.) Гродно был резиденцией польского короля Стефана Батория, а затем – центром Гродненской экономии. В конце 16 в. в Гродно создана типография, в которой печатались книги на белорусском языке. От города Гродно в южном направлении шли дороги на Волковыск, Берестье, в северном – на Лиду, Ошмяны, в восточном – на Новогрудок, Минск.

С 12–13 вв. начинается экономический подъем города Минска. Здесь быстро развиваются кузнечное, гончарное, деревообрабатывающее, ювелирное, косторезное, кожевенное и другие ремесла. В позднем средневековье (15–16 вв.) в городе Минске насчитывалось несколько десятков ремесленных специальностей. В середине 16 в. ремесленники стали объединяться в цехи. В конце 15 в. (1499 г.) город Минск получает магдебургское право. В Минске было построено много улиц, воздвигнуто несколько храмов. Усиливалось и политическое значение города Минска. В 12–13 вв. он является центром Минского княжества, в 16 в. (1565 г.) – центром Минского воеводства. Здесь созывались сеймики, заседали суды. Минск – один из крупных очагов культуры. С давних времен среди его жителей была распространена грамотность[6]. От Минска в южном направлении шли дороги на "полесские" города Клецк, Пинск, Слуцк, Мозырь, в северо-восточном и северном – на "белорусские" города Оршу, Витебск, Полоцк, в западном – на Новогрудок, Гродно[7].

Формирование в позднем средневековье таких крупных ремесленных, торговых, политических, культурных центров, как Новогрудок, Гродно, Минск, свидетельствовало о быстром развитии экономики региона, в котором они расположены, а именно территории современной средней Белорус-

сии. Еще более важное доказательство стремительного экономического развития этого региона – возникновение в нем большого числа новых городов.

Самым крупным среди возникших в 13–14 веках городов, располагавшихся на территории современной средней (или центральной) Белоруссии, стал Могилев. Он основан в 13 веке в средней части современного Белорусского Поднепровья – на берегу Днепра при впадении в него Дубровенки, на возвышенном месте, названном Могила. Уже в 13 веке здесь был построен замок, вокруг которого в 14–16 вв. сформировался большой город. Город быстро рос в 15–16 вв., а также в первой половине 17 в. В 15–16 вв. он стал крупным ремесленным, торговым и культурным центром. В 16 в. ремесленники объединяются в цехи. В конце 16 в. в Могилеве уже существовало 12 цехов. Купцы в 15–16 вв. создали купеческое братство. В 1561 году Могилев получил неполное, а в 1577 – полное магдебургское право, т.е. самоуправление. В 15–16 вв. город быстро застраивался. В последней четверти 16 в. (1577 г.) здесь насчитывалось 1260 домов[8]. В городе было много улиц, которые располагались радиально по отношению к центру, где находился замок. По планировке Могилев подразделялся на три части. Первая – Замок в центре города, вторая – располагавшийся около Замка Старый город с торговой площадью и древним посадом, третья – Новый город. Могилев был хорошо защищен. Он создал более совершенную систему обороны по сравнению с городами Поприпятья и Подвинья. В нем имелось три пояса укреплений, состоявших из рвов и валов, на которых стояли стены с башнями и воротами – брамами (всего в городе их было 14). Первый пояс укреплений окружал Замок, второй – Старый город, третий – Новый город[9]. В крупном торгово-ремесленном центре, каким стал Могилев в 15–16 вв. и начале 17 в., значительное распространение получила грамотность. В семьях богатых горожан (особенно купцов) накапливались книги. Магистрат и церкви города имели архивы. Среди горожан были высокообразованные для своего времени люди. Не случайно Могилев стал одним из центров белорусского летописания. В конце 16 в. – начале 17 в. Могилев превратился в самый крупный город не только Поднепровья, но всего центрального региона, всей территории современной средней Белоруссии. Занимая такое важное место в регионе по степени экономического развития, он превосходил также все города Поприпятья и Подвинья. Бурный экономический подъем Могилева в 15–16 вв. обусловлен его положением в системе территориальных экономических (торговых) связей того времени. Он стал экономически связующим звеном между днепро-двинскими ("белорусскими") и поприпятскими ("полесскими") землями. Через Могилев проходили торговые пути с севера на юг и с востока на запад. В северном направлении от него шли дороги на Оршу, Витебск, в южном – на Речицу, Бобруйск, Мозырь. В восточном направлении Могилев был связан дорогами с Мстиславлем, Кричевом, в западном – с Борисовом, Минском.

Кроме Могилева в центральном регионе в 13 в. возникли города Речица, Несвиж. Речица основана в южной части современного Белорусского Подне-

провья. Как и Могилев, она расположена на берегу Днепра. Первоначальная территория города – небольшой холм над Днепром при впадении в него речки Речицы. Планировка города сходна с планировкой Могилева. Он, как и Могилев, подразделялся на три части. Первая часть – самая древняя. Впоследствии она названа Старой крепостью. Всю территорию этой части города занимала крепость, окруженная валами, рвом, разместившаяся на небольшом холме. Возле крепости возник посад, образовавший вторую часть города. В этой (центральной) части находилась торговая площадь (Старый рынок). Здесь было построено несколько храмов. Центральная часть города также имела свой пояс укреплений и полукольцом окружала Старую крепость. Третья часть города располагалась за второй. Структура ее улиц, кварталов, проездов очень четкая. Эта часть Речицы была защищена линией наружных укреплений, которую составляли рвы и валы. Валы были укреплены стенами с башнями, перед ними возведены бастионы. Речица играла важную роль в обороне поднепровских земель. Об этой роли свидетельствует система ее укреплений. Но в то же время город становился и ремесленно-торговым центром. Именно ростом ремесла и торговли обусловлено то, что в 16 в. (1561 г.) Речица получила магдебургское право (неполное). Она имела связи со многими городами: Гомелем, Могилевом, Борисовом, Минском.

К югу от Минска в северной части Понеманья в 13 веке появился город Несвиж, а возвышение его относится к 15–16 векам. В это время, выполняя функции обороны, город становится также ремесленным, торговым и культурным центром. Важное значение ремесла и торговли отразилось в планировке города. Первоначально план его был близок к квадрату. Город подразделялся на кварталы. В средней части Несвижа находилась обширная площадь с торговыми рядами в центре. Площадь пересекала улицу, выходившую на дороги, которые связывали город со Слуцком, Вильно. Из Несвижа в южном направлении шли дороги на Клецк, Пинск, Берестье, а в северном – на Минск, Борисов, Оршу. В 15–16 веках в Несвиже было возведено несколько храмов. Некоторые из них (в частности, воздвигнутый в 1584–1593 году костел) стали выдающимися памятниками архитектуры того времени. В 16 в. в Несвиже началось строительство каменного замка, который впоследствии превратился в великолепный дворцовый ансамбль[10]. В начале 60-х гг. 16 в. в Несвиже была основана типография. В 1562 году здесь была напечатана книга на белорусском языке "Катехизис" С. Будного.

К западу от Несвижа и к югу от Новогрудка в позднем средневековье быстро развивался как ремесленный и торговый центр возникший в конце 12 в. – первой половине 13 в. город Слоним (Услоним). В 1531 г. он получает магдебургское право. Основные улицы Слонима были сориентированы на дороги, связывающие его с другими городами. Одна из улиц проходила с севера на юг, как и дорога, связывающая Слоним на юге с Пинском, а на севере – с Новогрудком, Лидой, Ошмянами. Вторая располагалась с северо-востока на юго-запад, как и дорога, которая на юго-западе связывала Слоним с Берестьем, а на северо-востоке – с Минском, Борисовом, Оршей.

К северу от Новогрудка в 14 в. основан город Лида. Он имел важное оборонное значение и первоначально развивался как крепость. Уже в первой половине 14 в. здесь на насыпном холме возводится замок, окруженный рвами, водоемами. Замок имел форму прямоугольника, близкого к квадрату, и мощные стены, высота которых достигала 12 м , а толщина у основания – 2 м. Для строительства замка широко использовали крупные камни – валуны. Во второй половине 14 в. в Лиде построен костел. В городе развиваются ремесла и торговля. В 1587 г. Лида получает магдебургское право.

Кроме городов центрального региона, в 13–14 вв. развивались и некоторые города двинско-днепровского и поприпятского регионов. В двинско-днепровском регионе быстро росли Полоцк, Витебск, в поприпятском – Берестье, Пинск, Слуцк[11]. Однако в каждом из этих регионов крупных городов было меньше, чем в центральном. В конце 16 в. – начале 17 в. ни один из них (даже Полоцк) не достиг по своим масштабам расположенного в центральном регионе города Могилева. В каждом из этих двух регионов в 13–16 вв. не возникли сколько-нибудь значительные новые города. Почти все они были небольшими. Небольшие городские поселения являлись связующим звеном между крупными городами и отдаленными от них сельскими поселениями. В поприпятском регионе такую роль выполняли Каменец, Кобрин, Давид-городок, в подвинско-днепровском – Дисна, Улла, Сураж и др. Подобные городские поселения возникли и в центральном регионе: Ошмяны, Сморгонь, Молодечно, Смолевичи, Быхов, Бобруйск и др.

Таким образом, на территории от Припяти до Западной Двины и от Немана до Днепра с Сожем сформировалась новая система территориальных экономических (торговых) связей. В этом обширном ареале, в системе экономических связей интегрирующую роль выполнил центральный регион. Экономически он развивался интенсивнее, быстрее поприпятского и подвинско-днепровского. Именно он связал их территориальными экономическими узами, установил между ними более тесные территориально-экономические связи.

В это время усилились также и политические связи между поприпятскими, подвинскими, поднепровскими и понеманскими землями. Вначале (в 13–14 вв.) правители местных княжеств (Полоцкого, Витебского, Мстиславского, Минского, Новогрудского, Гродненского, Кобринского, Клецкого, Слуцкого, Пинского) признали верховенство великого князя Литовского, Русского и Жемойтского, а затем (в 15–16 вв.) в результате укрепления его власти система местных княжеств была упразднена. С политической раздробленностью было покончено. Вместо княжеств учреждены воеводства (Полоцкое, Витебское, Мстиславское, Минское, Новогрудское, Берестейское и др.). Они подразделялись на уезды (поветы)[12]. Установилась новая иерархическая структура политической власти. Администрация поветов подчинялась администрации воеводств, а последние в свою очередь – центральной администрации Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского. В отличие от местных княжеств воеводства – более интегрированные адми-

нистративно-политические единицы политической структуры. Политические реформы 15–16 вв., учредившие их, способствовали, таким образом, установлению более тесных политических связей между поприпятскими, подвинскими, поднепровскими и понеманскими землями. Новая административно-политическая структура Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, возникшая в результате осуществления этих реформ, утверждала и закрепляла эти политические связи, центром которых стал центральный регион. В 13–14 вв. в формировании этих политических связей важную роль сыграл Новогрудок, располагавшийся в северном Понеманье. В утверждении и закреплении этих связей во второй половине 14 в., в 15–16 веках существенное значение имел город Вильно, находившийся недалеко от западных земель центрального региона. Он стал основной столицей Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (с 1323 г.) с центральной администрацией этого государства, которой подчинялась администрация воеводств.

Экономическая и политическая интеграция поприпятских, подвинских, поднепровских и понеманских земель сопровождалась в 15–16 вв. консолидацией многочисленных категорий населения этих земель в социальные группы с общими для каждой такой группы правами и обязанностями. В научной литературе такие группы называются сословиями. Различные категории светских феодалов консолидировались в шляхетское (дворянское) сословие. Именно шляхта обладала наибольшими правами. Ей принадлежала ведущая роль в управлении обществом. Она господствовала в политической жизни, заседала в сейме и сеймиках. Одновременно с консолидацией светских феодалов из различных категорий землепашцев формировалось крепостное крестьянство ("мужики"). Особым сословием являлось духовенство. В 15–16 веках началось также формирование сословия горожан (мещан – от слова место, място – город). Формирование сословий – важный социальный процесс. Появление более широких группировок населения, их социальная деятельность способствовала установлению более широких связей в пределах каждого сословия и между ними. Этот социальный фактор содействовал формированию новых этнических (языковых, культурных) связей между поприпятскими, подвинскими, поднепровскими и понеманскими землями.

ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА, ЕГО ТРЕХ ДИАЛЕКТОВ

В разговорной речи населения этих земель сформировался ряд общих черт, которые в их совокупности и комбинации со всеми другими элементами речи стали отличать его от населения соседних восточнославянских ареалов, находившихся на юге и юго-востоке и на севере и востоке. Решающую роль в формировании этих общих черт сыграл центральный регион – понеманские и поднепровские земли. Они стали центром притяжения ряда черт разговорной речи поприпятского населения, с одной стороны, а с другой –

подвинского. Произошло смешение, соединение некоторых южных (поприпятских, "полесских") и северных (подвинских, "белорусских") элементов разговорной речи. Эти же центральные земли способствовали и распространению северных элементов дальше на юг, в поприпятские ("полесские") земли, а южных ("полесских") элементов речи – на север, в подвинские земли, поскольку центральные земли были теснее связаны и экономически, и политически как с первыми, так и со вторыми. В 15–16 вв. с юга на север более широко распространяется твердый "р"[13]. Он полностью вытеснил мягкий "р" в центральном регионе и стал преобладать над мягким "р" в южной части (полоцко-витебской) подвинско-днепровского региона, где зона преобладания твердого "р" достигла Себежа и Витебска[14]. Одновременно с более широким распространением с юга на север твердого "р" в это же время и в этом направлении шел процесс замены мягкого "ч" твердым "ч", который полностью вытеснил мягкий "ч" в центральном регионе и стал преобладающим в южной части (полоцко-витебской) подвинско-днепровского региона. Под воздействием широко распространившегося твердого "ч" в южной части (полоцко-витебской) подвинско-днепровского региона стала ослабевать, уменьшаться и исчезать такая черта речи в этой местности, как неразличение "ч" и "ц", употребление "ц" вместо "ч" – так называемое "цоканье". Оно отступает к северу и почти исчезает в южной части былого ареала своего распространения вплоть до Себежа и Витебска[15]. С другой стороны, с северо-востока на юго-запад начал продвигаться смягченный согласный звук "д" и заменять твердый "д", полностью вытеснил его перед гласными "е", "и" в центральном регионе, постепенно став преобладающим в разговорной речи восточнославянского населения северной части поприпятского (полесского) региона. Бытование смягченного "д" ("дзеканье") в центральном и в северной части поприпятского (полесского) регионов в 15–16 веках засвидетельствовано письменными источниками, в частности Литовской метрикой (дзедзич), Слуцкой летописью (людзи), письмами (поводзе)[16].

С северо-востока на юго-запад распространялась и такая черта разговорной речи, как "аканье" (произношение гласного звука "о" не под ударением, как "а"). Бытование "аканья" в центральном регионе и в северной зоне поприпятского ("полесского") региона в 15–16 веках отражено в письменных источниках: в грамотах Казимира (Гродно), в Слуцкой летописи, а также в слуцком списке Статута Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского 1529 г.[17].

Таким образом, в 15–16 вв. на поприпятских, понеманских, поднепровских и подвинских землях образовалась фонетическая система нового восточнославянского языка, которая стала наиболее яркой отличительной чертой этого языка от сформировавшихся в это время на соседних территориях великорусского и украинского языков. Это произошло в результате смешения, переплетения северных (подвинско-днепровских) и южных (поприпятских) элементов разговорной речи восточнославянского населения. Именно

такой путь образования фонетической системы нового восточнославянского языка хорошо прослеживается по письменным источникам и данным восточнославянской диалектологии. Основным способом смешения, переплетения северных (подвинско-днепровских) и южных (поприпятских) черт разговорной восточнославянской речи была диффузия (распространение) как северных, так и южных элементов. В центральном регионе (северной части Понеманья, Минщине, средней и южной части Белорусского Поднепровья важным фактором образования новой фонетической системы, нового языка явилось также смешение поприпятских и подвинских групп восточнославянского населения. Оно было вызвано более благоприятными историческими условиями проживания в этом регионе по сравнению с поприпятским и подвинским, которые постоянно подвергались нападениям внешних врагов, разорявших население этих земель (особенно южную часть поприпятского и северо-западную часть подвинского регионов). Кроме того, смешение северных и южных групп стимулировалось быстрым развитием, ростом городов в центральном регионе. Смешение восточнославянского населения в нем отражают данные антропологии. По антропологическим признакам восточнославянское население этого региона занимает промежуточное положение между населением северо-восточной (витебской) и западнополесской зонами. К центральной антропологической зоне относится восточнославянское население Гродненщины, бассейна реки Вилии, Минщины, западных районов Могилевщины и западной части Гомельщины[18]. О переселении отдельных групп восточнославянского населения с северо-западного Подвинья в бассейн одного из притоков Немана (Березины) свидетельствует название населенного пункта в этой местности – Полочаны (Молодечненский край). Переселение отдельных групп восточнославянского населения в центральный регион с юга (Поприпятья) отражает название населенного пункта в Вилейском крае – Туровщина. Не случайно в центральном регионе наиболее полно выражен комплекс черт новой фонетической системы, фонетики сформировавшегося белорусского языка. Именно здесь прежде всего произошло смешение, соединение северных (подвинско-днепровских) и южных (поприпятских) элементов восточнославянской речи, появившихся во второй половине 12–14 вв., сформировался комплекс фонетических черт, отличающих новый восточнославянский язык от сформировавшихся в это время соседних восточнославянских языков. К этому комплексу относится сочетание таких элементов, как твердые "р" и "ч", смягченный звук "д" (дзеканье), "аканье". На основе этого сочетания звуков сформировалась фонетика среднебелорусских говоров. Образование фонетики среднебелорусских говоров отражено в письменном памятнике 16 века – Статуте Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского 1529 г., различных его списках, особенно Слуцком (80-е годы 16 в.)[19]. Это отражено также и в грамотах великого князя Литовского, Русского и Жемойтского и короля польского Сигизмунда I, в китабах – белорусских текстах, написанных арабской графикой[20]. Вслед за формированием комплекса фонетических черт среднебелорусских говоров,

не позже 16 в., сформировались и комплексы фонетических черт белорусских северо-восточных и юго-западных говоров. Комплекс фонетических черт белорусских северо-восточных говоров стал отличаться от комплекса фонетических черт среднебелорусских говоров тем, что в первом наряду с твердым "р" сохранился и мягкий "р", наряду с твердым "ч" продолжал бытовать и мягкий "ч". Такая черта, как неразличение "ч" и "ц", хотя и значительно уменьшилась и ослабла, но не исчезла полностью, а оставалась в качестве дополнительного элемента комплекса. Этот комплекс прочно укрепился в южной зоне подвинско-днепровского региона, включая бассейн Западной Двины и северную часть Белорусского Поднепровья[21]. Что касается северной зоны прежнего подвинско-днепровского региона (Псковщины, Тверского края, Смоленщины), то она не подверглась влиянию фонетических новаций поприпятского региона, а оказалась в сфере воздействия соседних северных и восточных говоров, распространенных в пределах возникшего Московского государства. Здесь в 15–16 вв. начали формироваться говоры великорусского языка, ослабевать, уменьшаться и исчезать такая черта прежней речи, как смягченный звук "д" (дзеканье)[22]. Комплекс фонетических черт юго-западных говоров стал отличаться от комплекса фонетических черт среднебелорусских говоров тем, что в первом наряду со смягченным "д" сохранился местами и твердый "д", наряду с "аканьем" в отдельных местностях продолжало бытовать и "оканье". В комплекс фонетических черт юго-западных белорусских говоров из прежней разговорной речи перешли дифтонги "$\widehat{уо}$", "$\widehat{іе}$"[23]. Этот комплекс охватил только северную зону поприпятского региона. В южную зону поприпятского региона северо-восточные фонетические новации ("дзеканье", "аканье") не проникли. Эта зона оказалась в сфере воздействия расположенных южнее от нее юго-западных и юго-восточных говоров, которые вместе с северным говором южной зоны поприпятского региона составили сформировавшийся в это время новый восточнославянский язык – украинский. В украинском языке нет ни "дзеканья", ни "аканья", ставших весьма характерными для белорусского языка[24].

Итак, в 15–16 вв. в северной зоне поприпятского ("полесского") региона, в центральном регионе и южной зоне подвинско-днепровского ("белорусского") региона сформировалась фонетическая система нового восточнославянского языка – белорусского. В этот же период в этом ареале закрепилось морфологическое своеобразие нового восточнославянского языка. В новом языке стали гораздо чаще употребляться суффиксы – "к", "ак" ("як") и др. (например, "авечка" вместо "овца", "частка" вместо "часть", "пячатка" вместо "печать", "спявак" вместо "певец", "беразняк" вместо "березник"). В новом восточнославянском языке появились суффиксы, которых не было в предшествующем восточнославянском языке: например, "чын" ("дзяўчына " вместо "девица"), "б" ("сяўба" вместо "сев"). Ряд новых черт приобрела и лексика нового восточнославянского языка. Некоторые слова прежнего, общевосточнославянского, языка изменили

свое значение. Так, слово "абрус" (др.рус.– "убрус") в древнем общевосточнославянском языке означало женский головной убор, а в белорусском наряду с сохранением в отдельных местностях (в верхнем Поприпятье) прежнего значения стало чаще употребляться для обозначения тканого изделия, которым покрывали стол[25]. В прежнем, общевосточнославянском языке слово "живот" преимущественно имело значение "жизнь", а в новом восточнославянском языке (белорусском) его стали употреблять в значении "часть тела человека". В лексике белорусского языка появилось немало новых слов: "грамада" (община), "мужыкi" (крестьяне, выполняющие барщину), "звычай" (обычай), "прыгон" (крепостничество), "сведка" (свидетель) и др.[26]. Часть слов новым восточнославянским языком была заимствована из разговорной речи невосточнославянского населения – западнославянского (польского), германского (еврейского идиш), балтского, тюркского. К такой группе относятся следующие лексемы: "мовити" (говорить), "моц" (сила), "згода" (согласие), "крама" (лавка), "хала" (витой белый хлеб удлиненной формы), "дойлид" (строитель), "свиран" (клеть), "клуня" (гумно), "казак" и др.

Таким образом, данные лингвистики, как в области фонетики и морфологии, так и в области лексики, дают основание сделать вывод, что в 15–16 веках[27] в северной зоне поприпятского (полесского) региона, центральном регионе и южной зоне подвинско-днепровского региона оформилась система нового восточнославянского языка, получившего название белорусского, т.е. возникла одна из важнейших черт белорусской этнической территории, белорусского этноса.

ИЗМЕНЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОПРИПЯТЬЯ, ПОНЕМАНЬЯ, ПОДВИНЬЯ И ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В 15–16 вв. в северной зоне поприпятского региона, центральном и южной зоне подвинско-днепровского региона появилось немало новых черт в материальной, социальной и духовной культуре. В этом ареале распространился ряд новых типов поселения, в частности местечко, фольварк, застенок, околица. Местечко – переходный тип поселения между городом и селом, деревней. Оно было меньше города (отсюда и название: уменьшительное от место) и больше села, деревни. В отличие от города местечки не имели оборонительных сооружений. Они возникали сначала около великокняжеских, магнатских имений, замков, затем около монастырей, имений других феодалов. Местечки становились местными центрами ремесла и домашних промыслов. Еще более важна их роль как местных торговых центров. В них регулярно (один или два раза в неделю) устраивались базары, экономически связы-

вавшие население всей сельской округи. Местечки являлись также экономическим посредником между городом и селом, деревней. В 15–16 веках их число достигало 200[28]. В отличие от местечка фольварк – совсем небольшое поселение из нескольких дворов (иногда даже из одного). Фольварк был центром господского (феодального) хозяйства, которое, как и поселение, называлось фольварком (на польском языке это слово имеет еще значение "усадьба", "хутор"). Застенок, подобно фольварку, чаще всего состоял из одного или нескольких дворов. Эти поселения возникали за пределами ("стенами") полей, отведенных селу. Обычно в них жила шляхта. Околицы – также небольшие поселения. Они размещались недалеко от деревень и обносились изгородью. В них тоже жила шляхта.

В значительной степени изменилась планировка некоторых типов поселений, в частности сел и деревень. Если раньше в них господствовало бессистемное (скученное) расположение построек или они размещались в одну линию (обычно вдоль реки, озера), то в 15–16 вв. в западных районах северной зоны поприпятского региона, центрального и южной зоны подвинско-днепровского региона широко распространяется новый тип планировки сел и деревень. Постройки размещаются уже чаще всего в два ряда. Распространению такой планировки сел и деревень способствовали развитие сети сухопутных дорог и аграрная реформа, которая начала проводиться в начале второй половины 16 в. (1557 г.), получившая название "Устава на волоки"[29]. 15 и 16 века были также временем интенсивных перемен в планировке составных частей сел и деревень – сельских усадеб (дворов). В этот период широко распространяется погонный тип двора. Постройки в нем расположены в один или два ряда. По количеству рядов построек различают однорядный и двухрядный погон. Первоначальным видом погонного двора был однорядный, двухрядный погон – его вторичный, производный вид. Погонный двор появился сначала в поприпятском регионе в процессе формирования и распространения двухкамерного и трехкамерного жилищ, к которым примыкали другие постройки. Они располагались в одном ряду, часто под одной крышей. С поприпятского региона традиция погонной связи построек продвинулась в центральный регион и начала взаимодействовать с другой традицией связи построек – веночного (или замкнутого) двора, где постройки располагались в форме квадрата или прямоугольника. В результате этого взаимодействия, модификации как однорядного погона (при увеличении количества построек), так и веночной усадьбы, сформировался новый вид погонного двора – двухрядный. Он утвердился в западной части центрального региона, особенно в западных и северо-западных районах Понеманья. Таким образом, ареал погонного двора значительно расширяется. Северная граница его достигла Вилии и верхней части Березины. Распространению и закреплению традиций погонной связи построек в сельской усадьбе способствовала аграрная реформа 1557 года. Ею было введено подворное землевладение и землепользование вместо общинного, предусматривалось также уличное расположение построек в селах и деревнях в два ряда. Погонный

тип двора наиболее соответствовал такой планировке сел и деревень. На востоке центрального региона, в частности в средней и южной части современного Белорусского Поднепровья, в зоне соприкосновения погонного и веночного типов двора сформировались переходные Г-образные и П-образные формы сельской усадьбы[30].

Значительно изменяется в это время традиционный женский костюм. В северной зоне поприпятского региона, в центральном и в южной зоне подвинско-днепровского региона широко распространяется андарак – полосатая шерстяная юбка, сшитая из нескольких кусков ткани, ставшая составной частью праздничного женского костюма. Андарак постепенно вытеснял предшествующий ему вид поясной женской одежды – несшитую или полусшитую поневу, состоявшую из кусков шерстяной ткани, которые связывались вверху матузком (шнурком), а внизу оставались свободными. С этого же времени в комплексе женской одежды появляется также передник (фартук), чаще всего сшитый из полотняной ткани. Эти предметы женского костюма распространяются сначала в западных, а затем в восточных районах поприпятского, центрального и подвинско-днепровского регионов[31].

В 15–16 веках происходят изменения и в духовной культуре восточнославянского населения поприпятского, центрального и подвинско-днепровского регионов. Постепенно к концу 16 в. утрачивается традиция сочинения и исполнения былин (в Полесье и в Понеманье). Однако былина исчезла не бесследно. Она оказала влияние на волшебные сказки нового восточнославянского этноса. В них вошли некоторые былинные элементы: эпизоды из былин об Илье Муромце, Добрыне (корчевание леса, выбор коня в сказках об Илье Муромце). Чаще других былинных героев в волшебных сказках нового восточнославянского этноса упоминается Илья Муромец, но есть и другие образы, сходные с героями былин. В образе Сокола из сказки "Праз Илюшку" много общих черт с образом Соловья-разбойника. Волшебные сказки нового восточнославянского этноса близки к былинам и по идейному содержанию: они тоже прославляют героев, защитников Родины. В сказках и былинах используют одинаковые эпитеты ("белый свет", "калиновый мост", "шелковая трава", "чистая вода", "добрый молодец", "темный лес"). Благодаря былинам волшебные сказки нового восточнославянского этноса значительно обогатились художественными средствами, приобрели еще большую образность.

В период угасания былинной традиции в устном народном творчестве восточнославянского населения поприпятского, центрального и подвинско-днепровского регионов формируется новый жанр – историческая песня[32]. Она возникла как отклик восточнославянского населения новой эпохи на современные события, которые отражены не ретроспективно. Наиболее ранние из этих песен повествуют о набегах татар, последствиях этих набегов. Трагическими и одновременно лирическими мотивами проникнуты песни о татарском полоне. Они выражают сочувствие тем, кто оказался на чужбине,

рассказывают об их тоске, их мечте стать свободными и вернуться на Родину. В песнях воссозданы картины жестокой схватки с татарскими захватчиками, воспет героизм защитников родной земли, их мужество и отвага. В конце 16 в. появляются исторические песни, рассказывающие о вооруженных восстаниях народа против своих угнетателей. Они проникнуты боевым настроением, отражают героику народных восстаний. Их тексты, как правило, включают обращения ("Ой, вы, хлопцы, пане-браце") и призывы. В песнях поется о боевых походах, острой борьбе и расправе с угнетателями. В них воспевают казака, подчеркивают его свободолюбие, смелость и отвагу.

В 16 в. в поприпятском, центральном и подвинско-днепровском регионах появляются и распространяются новые музыкальные инструменты — скрипка, цимбалы, лира, дуда[33]. Особенно широко стали использовать в быту нового восточнославянского этноса дуду и скрипку. Игра на скрипке, дуде часто сопровождала танцы, песни. Дуда, скрипка, как правило, входила в состав традиционных народных музыкальных ансамблей, нередко являясь в них ведущим инструментом. Дуда, скрипка обычно звучала во время народных праздников — коляд, волочебного и др., а также на свадьбе (вяселле). Игра на дуде, скрипке часто являлась музыкальным сопровождением, аккомпанементом представлений появившегося в это время в поприпятском, центральном и подвинско-днепровском регионах народного кукольного театра "Батлейка", который наряду со светскими сюжетами, народными танцами и песнями использовал также и христианские мифологические сюжеты[34].

Для данного ареала стали характерны разнообразные христианские верования. Наряду с православием здесь появляется католицизм. Проникновение его в поприпятский, центральный и подвинско-днепровский регионы началось со времени формирования Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, т.е. с 13—14 вв. Уже в 13 в. великий князь Миндовг на некоторое время принял католичество и разрешил построить костел в Новогрудке. В начале 14 в. появилась группа католиков в Полоцке. В первой четверти 14 в. великий князь Гедимин пригласил в Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское доминиканских и францисканских монахов[35]. Распространение католицизма в поприпятском, центральном и подвинско-днепровском регионах усилилось в период сближения Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского с Польским королевством, начало которому положила Кревская уния (1385 г.). В соответствии с ней (соглашением Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского с Польским королевством) с 1387 г. в дохристианской (языческой) Литве, а затем и в дохристианской языческой Жемайтии вводится католичество — вторая разновидность христианской религии, несколько отличная от православия. К концу 14 в. в центральном, подвинско-днепровском и поприпятском регионах было 6 костелов (в частности, в Лиде, Гродно). В первой четверти 15 в. их становится уже 12, а в середине 16 в. — 176. Большинство костелов располагалось в западных районах этих регионов, пограничных с этничной Литвой и

7. Зак. 5066.

Польшей. В восточных районах они почти отсутствовали. Так, в Оршанском, Могилевском, Мстиславском крае до начала 17 в. не было ни одного костела и только по одному имелось в Витебске, Полоцке, Обольцах, Слуцке. Большая часть костелов размещалась к западу от линии Браслав–Поставы–Вилейка–Минск–Несвиж–Пинск[36]. Католицизм в поприпятском, центральном и подвинско-днепровском регионах утверждался прежде всего среди невосточнославянского населения, в частности западнославянского (польского) и балтского, а затем и среди части восточнославянского.

РОЛЬ НЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В ФОРМИРОВАНИИ БЕЛОРУСОВ: ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОЙ, БАЛТСКОЙ, ТЮРКСКОЙ

Невосточнославянское население оказало влияние не только на религию восточнославянского населения поприпятского, центрального и подвинско-днепровского регионов, но и на его речь (язык), культуру. Невосточнославянское население этих регионов приняло участие в формировании нового восточнославянского этноса.

На восточнославянское население центрального, поприпятского и подвинско-днепровского регионов, его язык и культуру прежде всего оказало влияние близкое ему по языку и культуре западнославянское (польское) население. Благоприятные условия для такого влияния начали складываться со времени сближения Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского с Польским Королевством, начало которому было положено заключением между этими государствами союза (Кревская уния) в последней четверти 14 в. (1385 г.). Они значительно укрепились после объединения Польского королевства с Великим Княжеством Литовским, Русским и Жемойтским в федеративное государство Речь Посполитую в 1569 г. (Люблинская уния). Отдельные группы поляков переселялись в поприпятский, центральный и подвинско-днепровский регионы, преимущественно в западные районы этих регионов, уже в 15–16 вв. Первоначальные поселения поляков были здесь небольшими. В них обычно проживало служилое население (мелкая шляхта). Небольшие населенные пункты мелкой польской шляхты назывались застенками, околицами. Впоследствии часть этих поселений разрослась, стала деревнями. В поприпятском регионе появились названия населенных пунктов Ляховцы (Малоритский край), Ляхчицы (Кобринский край), Ляхи (Пружанский край) и др.[37], в центральном – Ляховичи (в Понеманье, к юго-западу от Несвижа), Ляхи, Ляховщина (на Минщине), в западной части подвинско-днепровского региона – Ляховщина (Поставский край), Ляхово (Ушачский край). Одновременно с поселением в поприпятском, центральном и подвинско-днепровском регионах отдельных групп поляков здесь по-

являются и новые фамилии – Ходаковские, Недашковские, Родзяловские и др. В результате постепенной ассимиляции эти названия населенных пунктов и фамилии вошли в состав белорусской топонимики и антропонимики. Кроме того, в комплекс культуры нового белорусского этноса вошли также отдельные предметы одежды, характерные первоначально преимущественно для польского населения. К ним относился, в частности, андарак, который у восточнославянского населения первоначально назывался так же, как и у польского, – "индэрак"[38]. Под влиянием польского населения у части восточнославянского, особенно на Брестчине и Гродненщине, трансформировался воротник сорочки: вместо стоячего характерным стал отложной. Наряду с термином "сорочка" стало употребляться также ее польское наименование – "кашуля"[39]. От польского населения в 15–16 вв. восточнославянским населением Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского воспринято и деление территории государства на такие административные единицы, как воеводства, позаимствована форма городского самоуправления – так называемое "магдебургское право", которое в Польше появилось гораздо раньше уже в 13 в.[40]. От поляков был также воспринят и новый календарь. Вместо прежнего летоисчисления от сотворения мира перешли к летоисчислению по новой эре, началом которой, согласно христианской мифологии, считается год рождения Христа. Новое летоисчисление на восточнославянских землях Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского утвердилось в 14–15–16 вв.[41]. В основном из Польши в Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское, в том числе и в западные районы восточнославянских земель этого государства, включая западную часть поприпятского, центрального и подвинско-днепровского регионов, проникал католицизм, особенно со времени сближения Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского с Польским королевством, т.е. с конца 14 в., с 15–16 вв. и в последующий за этими веками период. Польское население служило опорой католической церкви в распространении католического вероисповедания в западных районах поприпятского, центрального и подвинско-днепровского регионов восточнославянских земель Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского. По религиозной принадлежности польское население было католическим в отличие от восточнославянского, которое первоначально все было православным, и только в Великом Княжестве Литовском, Русском и Жемойтском, т.е. не раньше 13 века, часть восточнославянского населения в западных районах восточнославянских земель этого государства стала принимать католическое вероисповедание. Польское население оказало также влияние на язык нового восточнославянского (белорусского) этноса. Некоторые ученые, в частности А.А. Шахматов, полагали, что польский язык оказал воздействие не только на лексику белорусского языка, но и на его фонетику. Он считал, что ряд характерных особенностей фонетики белорусского языка возник под воздействием фонетики польского.

А.А. Шахматов даже думал, что фонетика польского языка явилась субстратом фонетики белорусского языка. Польскими ("ляшскими") по проис-

хождению он называл, в частности, такие характерные черты белорусской фонетики, как твердый "р" и смягченный "д"[42]. Это мнение А.А. Шахматова является ошибочным[43]. Твердый "р" не заимствован из польского языка. В речи польского населения твердый "р" произносится, как шипящие Ž, Š, для него характерна фрикация. В восточнославянских языках, в частности в белорусском, твердый "р" произносится по-другому, не как шипящие Ž, Š без фрикации. Отвердение "р" в восточнославянском языке происходило не под влиянием польского, а независимо от него и распространилось в новом восточнославянском (белорусском) языке не с запада, а с юга, с южной зоны восточнославянской этнической территории. По свидетельству письменных памятников, в южной зоне восточнославянской этнической территории "р" отвердел не позже, чем в польском, уже в 11 в.[44]. Как и в сербохорватском, и болгарском, твердый "р" в этом регионе восточнославянской речи не имел фрикации[45]. В польском языке согласный звук "р" отвердел в конце 12 – начале 13 вв.

Таким образом, твердый звук "р" не является польским субстратом в белорусском языке. Польское влияние выразилось в том, что наличие этого звука в речи польского населения, которое отдельными группами поселилось в понеманских, подвинско-днепровских и babприпятских землях, способствовало закреплению твердого "р" в формировавшемся белорусском языке. Вторая характерная черта фонетики нового восточнославянского языка (смягченный согласный звук "д") также не заимствована из польского. "Дзеканье" в новом восточнославянском языке утвердилось самостоятельно, независимо от польского языка. Они отличаются друг от друга. Смягченный звук "д" в восточнославянской речи имеет свистящий оттенок (дз), а в польском произносится с шипящей фрикацией (dź). Кроме того, смягчения звука "д" нет в разговорной речи большой группы восточнославянского населения, проживающего по соседству с польским, – на Волыни, в Галиции. Его вообще нет в украинском языке, сформировавшемся по соседству с польской этнической территорией, хотя поляки оказали на украинский язык и культуру не меньшее влияние, чем на белорусский. В речи восточнославянского населения центрального региона и северной зоны поприпятского "дзеканье" появилось в результате диффузии отдельных элементов восточнославянской речи с подвинско-днепровского региона[46]. Таким образом, и смягченный согласный звук "д" не является польским субстратом в белорусском языке. Польское воздействие заключается в том, что группы польского населения способствовали закреплению "дзеканья" в речи восточнославянского населения центрального и северной зоны поприпятского регионов, среди которого они поселялись со времени сближения Польского королевства с Великим Княжеством Литовским, Русским и Жемойтским. Почти не оказало влияния польское население и на морфологические черты нового восточнославянского языка, его разговорной речи. Польская речь воздействовала преимущественно на выбор новым языком форм, уже существовавших в разговорной речи восточнославянского населения прежде. Польское влияние отра-

зилось главным образом на словарном составе нового восточнославянского языка. В него вошли слова польского языка, которых прежде не было в восточнославянской речи. К ним относятся такие лексемы, как "мовити" (говорить), "мова"(язык), "змова" (сговор), "вымова" (выговор), "моц"(сила), "менавита" (именно), "згода"(согласие), "зараз"(теперь), "абавязак" (обязанность), "абяцать" (обещать), "будавать" (строить), "быдло" (скот) и др.[47]. Заимствование польских слов новым белорусским языком интенсивно осуществлялось в 15–16 веках[48]. Польское население, польский язык стали посредниками между новым восточнославянским языком и немецким. Через польский язык в белорусский проникла группа немецких слов: "рада" – совет (от нем. der Rat), "бурмистр" – выборное должностное лицо городского самоуправления (от нем. der Burgermeister), "бискуп" – католический епископ (от нем. der Bishof, верхн.-нем. der Biscof), кляштар – католический монастырь (от нем. der Kloster).

Кроме западнославянского (польского) населения на формировавшийся белорусский этнос оказали влияние и группы неславянского населения, особенно балтские. Последних на западе их этнической территории теснили крестоносцы. Часть балтов поэтому в 13–15 вв., особенно в 13–14 вв., переместилась в центральный, поприпятский и подвинско-днепровский регионы. Преимущественно в центральный регион и частично в подвинско-днепровский и поприпятский переселилась часть прусов. Об этом свидетельствуют не только письменные источники[49], но и названия населенных пунктов в центральном регионе – Прусиново (Узденский край), Прусовичи (Логойский край), Прусовщина (Крупский край), в подвинско-днепровском – Прусиничи (Толочинский край), Прусино (Костюковичский край), в поприпятском – Прусы (Копыльский край), Пруска (Каменецкий край). Еще больший урон, нежели прусы, потерпели от немецких крестоносцев ятвяги – вторая часть западных балтов. Ятвяги были разгромлены Тевтонским орденом. Их небольшие группы оставались только в центральном регионе, находившемся под защитой Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского. На это указывают названия населенных пунктов Ятвезь, Ятвеск (славянская форма) и Дайнова (балтская форма, так литовцы называли ятвяжских переселенцев). Поселения Ятвезь, Ятвеск находились в Гродненском крае, а Дайнова – в Лидском, Ошмянском, Минском крае. Набеги немецких рыцарей на жемайтов – третью часть западных балтов – были причиной переселения небольших групп этой этнической общности на восток – в западную часть восточнославянской этнической территории (западные районы поприпятского, центрального и подвинско-днепровского регионов). О поселении здесь отдельных групп жемайтов свидетельствуют такие названия населенных пунктов в этих краях, как Жемойтишки (Вороновский край), Жемойдзи (Лидский край), Жемойск (Докшицкий край), Жомойдзь (Минский, Клецкий край), Жемойдяки (Ивацевичский край). Под давлением Ливонского ордена в подвинско-днепровский регион переселилась, вероятно, и часть восточнобалтского населения, а именно – латыголов. Латыгольскими являются названия населен-

ных пунктов: Латыголь, Латыголичи, Латыголово и др., расположенных в Глубокском, Городокском, Бешенковичском, Чашникском, Сенненском краях. В западном ареале восточнославянской этнической территории в 13–16 вв. находилась также еще одна часть восточнобалтского населения – литвы (или литовцев). Она проживала в основном в западных районах центрального и подвинско-днепровского регионов.Об этом свидетельствуют такие названия населенных пунктов, как Литва, Литовцы, Литовщина. Название Литва более характерно для центрального региона (Молодечненщина, Столбцовщина, Слонимщина), а Литовцы, Литовщина – для подвинско-днепровского (Браславский, Глубокский, Докшицкий край). Балтских названий населенных пунктов в западном ареале восточнославянской этнической территории много – свыше 200. Большая часть их сосредоточена в западных районах поприпятского, центрального и подвинско-днепровского регионов[50]. Большое количество этих названий отражает тот факт, что здесь в позднем средневековье проживала большая группа балтского населения, которая, как и западнославянская (польская), в языковом и культурном отношении тесно взаимодействовала с располагавшимся по соседству восточнославянским населением, установила с ним тесные языковые, культурные связи, воспринимая, с одной стороны, его язык и культуру, с другой – сохраняя и передавая ему элементы своего языка и культуры. В восточнославянскую (белорусскую) антропонимию вошли балтские фамилии Зыль (от лит. Zilas – сивый), Ловейка (от лит. lova – кровать), Макута, Макушик (от лит. makalas – легкомысленный франт), Руклянский (от лит. ruklis – сморщенный), Рекуть (от лит. rekti – кричать), Сурвила (от лит. viltis – надеяться на что-нибудь) и др. Уже в 15–16 – нач. 17 в. в восточнославянской антропонимии было свыше 100 балтских фамилий[51]. В белорусский язык вошли балтские слова, обозначающие строителя ("дойлид"), хозяйственные постройки – овин ("ёвня"), гумно ("клуня"), сарай для сена ("пуня"), клеть, амбар ("свиран"), отдельные явления, связанные с земледелием, – скирда ("стирта"), пук соломы ("куль"), изделия народной кулинарии – окорок ("кумпяк"), блюдо из овсяного зерна ("милта"), некоторые предметы утвари, например, миску с двумя ручками ("яндова"), налог зерном ("дякло"), налог мясом ("мезливо")[52] и др.

В отличие от лексики фонетическая система нового восточнославянского языка не испытала влияния балтской речи. Характерные черты фонетической системы белорусского языка не заимствованы у балтов. Такая черта белорусской фонетики, как "дзеканье", в славянских языках бытовала гораздо шире, чем в балтских, и возникла в них (лужицком, польском, словацком, восточнославянском) под воздействием собственных тенденций развития. Отвердение согласного звука "р" также происходило во многих славянских языках (сербохорватском, болгарском, чешском, словацком, польском, восточнославянском) и возникло в них независимо от этой черты балтских языков[53]. Балтские группы населения, как и западнославянские (польские), лишь способствовали закреплению этой лингвистической черты в речи

восточнославянского населения центрального и южной зоны подвинско-днепровского региона. "Аканье" появилось в нескольких славянских языках (словенском, восточнославянском) в результате внутреннего их развития. Причиной возникновения "аканья" в восточнославянском языке было падение редуцированных. Балтские группы, возможно, способствовали закреплению и усилению "аканья" в центральном и северной зоне поприпятского региона.

Кроме балтского населения на новый восточнославянский этнос оказали некоторое влияние отдельные группы тюркского населения. Это влияние осуществлялось через отдельные группы татар, поселенных в конце 14 в. — начале 15 в. в центральном, а затем в поприпятском и подвинско-днепровском регионах[54]. О проживании татар в западной части восточнославянского ареала свидетельствуют такие названия населенных пунктов, как Татарская (Воложинский край), Татарщина (Молодечненский край), Татарка (Лидский край), Татары (Браславщина, Оршанщина), Татарья (Пинщина). Часть татарского населения в Великом Княжестве Литовском, Русском и Жемойтском несла военную службу, относилась к привилегированному сословию, в основном к шляхетскому, другая (рядовые, непривилегированные) занималась извозным промыслом, торговлей скотом, выделыванием кож, огородничеством[55]. Из речи татарского населения в новый восточнославянский язык проникли слова: "атаман", "улан", "казак", "ямщик", "армяк", "баклага"(предмет утвари с узким горлом, который служил для содержания воды), "тамга" (знак собственности, торговая пошлина). Под татарским влиянием в белорусской антропонимии появились фамилии Татарчук, Татарчик, Татаронок, Татаренко и др. Некоторые ассимилированные группы татар сохранили мусульманскую религию (ислам), отдельные элементы прежней обрядности, например обряд венчания по мусульманскому ритуалу. Ассимилированные татары первоначально использовали арабскую графику, которой написаны белорусские тексты, датируемые 16—18 вв.

Таким образом, в консолидации восточнославянского населения северной зоны поприпятского, центрального и южной зоны подвинско-днепровского регионов приняли участие и отдельные группы западнославянского (польского), балтского и тюркского (татарского). Восточнославянское население составило основу нового восточнославянского этноса, а невосточнославянские группы послужили дополнительным компонентом этой этнической общности.

ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА "БЕЛАЯ РУСЬ"

В результате интенсивных этнических процессов на основе взаимодействия, смешения, с одной стороны, двух значительных групп (поприпятской и подвинско-днепровской) восточнославянского населения, с другой, их

консолидация с отдельными группами невосточнославянского населения – западнославянского (польского), балтского и тюркского (татарского) на обширной территории, расположенной между Припятью на юге и Западной Двиной на севере, Неманом на западе и Днепром на востоке, к середине 16 в. сформировался новый комплекс культуры и связанной с ним системы языка. Все это свидетельствовало о появлении новой восточнославянской этнической территории, получившей с этого времени и свое название. Им стал термин Белая Русь (его западноевропейская форма – Белая Руссия, т.е. Белоруссия). Как известно, термин этот возник раньше, еще до формирования белорусского этноса, а именно в древнерусскую эпоху, не позже 13 в. (возможно, с конца или даже середины 12 в.) и означал тогда одну из частей общевосточнославянской древней русской этнической территории, один из ее регионов, располагавшийся в ее северной половине (примерно между верховьем Западной Двины и верховьем Волги, с одной стороны, и верховьем Немана – с другой[56]. Общевосточнославянское древнее русское население этого региона тогда имело ряд особенностей языка и культуры по сравнению с полесским регионом в южной половине восточнославянской этнической территории. Со второй половины 16 в. значение термина "Белая Русь" изменяется. Это связано с перегруппировкой культурных ареалов восточнославянского населения, происшедшей в 15–16 вв. Изменение территориального, культурного, этнического значения термина "Белая Русь" в этот период шло с двух сторон. С одной стороны, им постепенно перестали называть территорию Псковщины, Тверского края, а затем и Смоленщины. Восточнославянское население этих земель в 15–16 вв. вошло в состав упрочившегося к этому времени Московского государства и в рамках этого крупного политического объединения было вовлечено в формирование нового восточнославянского этноса – великорусского. Эти земли стали составной частью ареала, в котором сформировалась новая система языка и культуры, новый восточнославянский этнос. Вся этническая территория восточнославянского населения Московского государства (включая Псковщину, Тверской край, Смоленщину) не позже середины 16 в. стала называться Россией. В таком значении термин Россия употребляется как внутри Московского государства[57], так и за его пределами, в частности в Польском королевстве[58]. Синонимом, эквивалентом этнонима "Россия" в этот период стал термин "Великая Русь", изменивший свое прежнее, более узкое значение как части общевосточнославянской древней русской этнической территории, расположенной к северу от Волги. Он стал обозначать всю этническую территорию восточнославянского населения Московского государства, приобрел значение этнической территории сформировавшегося в этом государстве нового восточнославянского этноса – великорусского, как ее северной, так и центральной, и южной части[59]. Подобно наименованию "Великая Русь" (или Россия), ставшему названием этнической территории нового восточнославянского, великорусского народа, наименование "Белая Русь" в 15–16 вв. стало названием этнической территории второго

сформировавшегося к этому времени восточнославянского народа – белорусского, чья этническая территория включала в себя южную зону бывшего подвинско-днепровского региона, центральный регион и северную зону бывшего поприпятского региона.

В 15–16 вв. и в более позднее время южная зона подвинско-днепровского региона, изменив этнический характер и став составной частью этнической территории нового восточнославянского народа (белорусского), в то же время прочно сохранила за собой свое прежнее наименование "Белая Русь"[60]. В 16 в. (особенно с середины, второй половины 16 в. термином "Белая Русь" постепенно стали обозначать также территорию центрального региона (Минщину, Гродненщину), а затем и северную зону бывшего поприпятского региона, вплоть до р. Припяти. Начало общебелорусского значения термина "Белая Русь" можно отнести ко второй половине 16 в., ко времени Люблинской унии 1569 года. По утверждению В. Манчака, новое значение термина "Белая Русь" отразилось в решениях Люблинского сейма. Согласно постановлению сейма и изданному на его основе универсалу польского короля Сигизмунда Августа, Подлясье и Волынь были включены в состав Польского королевства. Одной из мотивировок этого было утверждение, что данные земли являются польскими и не относятся к "Белой Руси". "Белая Русь", следовательно, начинается с полесских болот и далее простирается на север от них, на север от Припяти[61]. Это представление о "Белой Руси" как этнической территории белорусов в 16–17 вв., относящее к ней не только южную зону подвинско-днепровского региона, но и центральный регион, и северную зону поприпятского, отражено в составленном польскими учеными Историческом атласе мира[62]. То, что "Белой Русью" в позднем средневековье стали называть и южные районы современной Белоруссии, подтверждают, вероятно, и данные восточнославянского фольклора. Эти данные, в частности, указывают, что "Белой Русью" в период возникновения казачества, казацких песен, т.е. не позже 16 века, называется уже и Речицкий край, расположенный на юго-востоке современной Белоруссии (на Гомельщине). Об этом свидетельствует отрывок старинной казацкой песни, записанной на Гомельщине в Речицком крае (д. Озерщина):

"Шумелі бярозы на гром ці на вецер,
Ой, шумелі бярозы.
Паехалі хлопцы на дзень ці на тыдзень
Ад Белае Русі"[63].

О том, что название "Белая Русь" в позднем средневековье распространилось и на северную зону поприпятского региона, пишут польские авторы первой половины 17 в. Симеон Старовольский и Александр Целларий. Польский географ Симеон Старовольский в сочинении "Польша, или Описание королевства Польского", опубликованном в 1632 г., называет земли, расположенные в бассейне рек Стырь и Припять, "Белой Русью", отмечая, что

"Червоная Русь" граничит "с севера с Белой Русью, лежащею при реках Стыре и Припяти"[64]. Александр Целларий в сочинении "Описание царства Польского" еще более четко указывает, что восточнославянские земли, включенные в состав Польского королевства, которые он в отличие от Симеона Старовольского называет не Червоной, а Черной Русью, на севере граничат с Белой Русью и отделяются от нее рекою Припять. Черная Русь граничит, по его выражению, "к северу с Белою Русью, от которой отделяется рекой Припятью"[65]. Следовательно, северное Поприпятье Александр Целларий называет Белой Русью. Весьма определенно употреблено название "Белая Русь" в значении этнической территории, простирающейся от границы Московского государства до границы Польского королевства, в Густынской летописи, составленной во второй половине 17 в.(1670) в Густынском Прилуцком монастыре, который был расположен на территории Украины. Густынская летопись имеет название "Кройника о розных народах, также о початку Славенско-Российского народу написана в Малой России, в монастыре Святой Живоначальной Троицы общежительном Густынском, Прилуцком, игумена Авсентия Иоакимовича, року 1670, месяца августа 2 дня". Автор этого труда повествует о том, что территории, на которых в далеком прошлом проживали кривичи, севера, поляне, древляне и пр., ныне, т.е. в его время, называются уже по-другому – Москва, Белая Русь, Волынь и т.д. Белая Русь, по его утверждению, расположена между Москвой (имеется в виду не город, а Московское государство) и Волынью. Новые территории, по мнению автора летописи, сохранили также представление о более широком культурном родстве, выраженном в бытовании наряду с новыми наименованиями и прежнего общего названия Русь. Он писал: "Также и в Сармации седше различно презывахуся:Поляне, Древляне, Севера, Кривичи и пр., или якоже и ныне Москва, Белая Русь, Волынь, Подоля, Украйна, Подгоря и пр. Но обаче еще и различие есть во именовании волостям: но вестно есть всем, яко сим все единокровны и единорастлны, се бо суть и ныне все же общеединым именем Русь нарицаются"[66]. Термин "Белая Русь" и в значении новой этнической территории, а именно территории белорусского народа, в рамках уже восточнославянской метаэтнической общности (несколько родственных этносов), восточнославянского метаэтнического ареала (территория нескольких родственных этносов) продолжал также символически обозначать срединное географическое расположение белорусской этнической территории в восточнославянском метаэтническом ареале в отличие от "Великой Руси" (или Россия), этнической территории великорусского народа, занимавшей тогда внешнюю, северную часть этого ареала, и "Малой Руси" (или Украины), этнической территории украинского народа (расположенной на юге восточнославянского метаэтнического ареала). Название "Малая Русь" (или Украина), подобно наименованию "Великая Русь" ("Россия"), символизировало окраинное, но уже не северное, а южное положение украинской этнической территории в восточнославянском метаэтническом ареале. В географическом смысле термин "Малая Русь" имел значение Южной Руси.

Вслед за изменением значения термина "Белая Русь" переменилось и значение производного от него термина "белорусцы" ("белорусец", "белоруска"). Если прежде, в 13–14 вв., он обозначал тех, кто относился к одному из субэтносов общевосточнославянского древнего русского этноса (а именно к субэтносу, занимавшему подвинско-днепровский регион и смежные с ним районы к северу и к югу), то с 15–16 вв. (особенно со второй половины 16 в. и начала 17 в.) термин "белорусцы" ("белорусец", "белоруска") стал означать тех, кто относился уже к новому восточнославянскому – белорусскому этносу. Этим термином стали именовать только восточнославянское население, проживавшее в ареале распространения белорусского языка и комплекса традиционной белорусской культуры. Сведения об этом значении термина "белорусцы" ("белорусец", "белоруска") имеются в великорусских письменных источниках преимущественно первой трети 17 в. Наибольшее количество таких фактов относится к южной зоне подвинско-днепровского региона, ставшей неотъемлемой составной частью этнической территории сформировавшегося к этому времени белорусского этноса, называвшейся и прежде "Белой Русью". В великорусских источниках первой трети имеется немало сообщений о наименовании "белорусцами" восточнославянских жителей Полотчины, Витебщины, Оршанщины, Мстиславщины[67]. Примечательно то обстоятельство, что термином "белорусец" в этот период уже называли и восточнославянских жителей центрального региона – Ошмянщины (1627 г.), Лидского края (1636 г.), а затем и выходцев из Слутчины (1639), расположенной в северной зоне поприпятского региона и ставшей неотъемлемой составной частью этнической территории сформировавшегося белорусского народа. Таким образом, термин "белорусцы" стал обозначать всех, кто относился к белорусскому народу, т.е. людей, принадлежавших к новому (белорусскому) восточнославянскому этносу, проживавших на территории, простиравшейся от Западной Двины до Припяти. Наряду с формой "белорусцы" в великорусских документах середины 17 в. (конец 1649 г. – начало 1650 г.) уже встречается и современная форма этнонима белорусского народа – "белорусы". То, что термин "белорусы", "белорусцы" употреблялся уже для наименования людей, относившихся к белорусскому народу, подтверждается также тем, что данным наименованием их отличали от "черкасов" ("черкасами" в это время в великорусских документах называли украинцев), поляков, литовцев, которых иногда называли "литовскими людьми"[68].

Таким образом, к концу 16 в. – началу 17 в. сформировался не только белорусский язык и связанный с ним комплекс традиционной культуры, но и возникло общее название этнической территории (Белая Русь) и общее наименование (этноним) всего народа (белорусы). Это дает основание сделать вывод, что к концу 16 в. – нач. 17 в. возникла Белоруссия как этническая территория нового восточнославянского народа и появился белорусский этнос. Именно к этому времени сформировались все признаки белорусского народа – его язык, комплекс традиционной культуры, этническая террито-

рия. Установилось и ее современное название на белорусском языке – "Беларусь" ("Белая Русь") и название самого народа – "белорусы".

НАЗВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РЕГИОНОВ БЕЛОРУССИИ

Уже в ранний период существования этнической территории белорусского народа – Белой Руси, белорусского этноса имелись региональные особенности в его языке и традиционной культуре, обусловленные этнографическими и лингвистическими истоками нового восточнославянского этноса, своеобразием истории групп населения, вошедших в эту этническую общность, а также связями белорусского этноса с соседними общностями.

По своеобразию языка, историческим и отчасти культурным особенностям различались три основные региональные группы белорусского народа – северная (или северо-восточная), центральная и южная (или юго-западная). Это отразилось и в региональных названиях этих групп, территорий, на которых они проживали.

Северную (или северо-восточную) группу в отличие от центральной и южной (или юго-западной) гораздо чаще называли общеэтническим наименованием "белорусы", а для обозначения ее территории гораздо чаще употребляли термин "Белая Русь". Эти термины одновременно выполняли и региональную функцию.

Полесье

Для обозначения южнобелорусского региона сохранился традиционный термин "Полесье", но этот регион в этническом, этнографическом, лингвистическом значении стал уже Белорусским Полесьем. Его жители сохранили прежнее региональное название "полешуки", но значение этого термина тоже изменилось. "Полешуки" Белорусского Полесья со времени возникновения белорусского этноса являлись уже частью белорусского народа, его региональной группой, т.е. были уже полешуками – белорусами, или белорусами-полешуками. Это обстоятельство нашло отражение в научной этнографической литературе, в названиях отдельных работ о традиционной культуре жителей Белорусского Полесья. Так, одна из работ известного белорусского этнографа, выходца из Белорусского Полесья А.К. Сержпутовского, называется "Земледельческие орудия Белорусского Полесья", другая – "Сказки и рассказы белорусов-полешуков", третья – "Суеверия и предрассудки белорусов-полешуков" [69] .

Литва

Региональным названием жителей центральной части "Белой Руси" (Белоруссии) в ранний период существования белорусского этноса и в последующее за ним время был многозначный термин "литвины", а сама террито-

рия центрального региона нередко называлась "Литвой". В этнографическом отношении он характеризуется наличием элементов, черт как северного (или северо-восточного), так и южного (или юго-западного) комплексов традиционной белорусской культуры, переплетением этих элементов и черт, их синтезом, бытованием их переходных форм[70]. В лингвистическом отношении в центральном регионе наиболее концентрированно выражены общебелорусские черты разговорной речи белорусского народа. Наименование центральной части "Белой Руси" "Литвой", а белорусов этого региона "литвинами" обусловлено рядом факторов, и прежде всего особенностями политической истории населения этого края, а именно его близостью к центру государства Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а со второй половины 16 в. – Великого Княжества Литовского, которое называлось часто просто Литвой[71]. В 13 в. – первой четверти 14 в. Верхнее Понеманье было даже его центром, затем центр находился рядом с этим регионом. Столицей государства со второй четверти 14 в. был г. Вильно, расположенный в бассейне реки Вилии. Во-вторых, наименование центрального региона Белой Руси Литвой, а его жителей литвинами обусловлено и его близостью к этнической Литве, занимавшей территорию между Невяжею и Вилией. Термин "литвины" являлся славянской формой этнического названия литовцев (или литвы)[72]. Такое значение термина "литвины" было первоначальным и в этническом отношении основным. Поляки и теперь называют литовцев литвинами. В-третьих, в центральном регионе по сравнению с поприпятским и подвинско-днепровским рядом с восточнославянским населением прежде проживала самая большая группа людей балтского (литовского) происхождения. Затем большей частью она была ассимилирована и, несомненно, повлияла на своеобразие названия жителей этого региона и на своеобразие их культуры. Самым широким значением термина "литвины" было политическое. Кроме наименования людей литовского этноса и белорусов центрального региона им называли также по политической принадлежности всех жителей государства Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского (впоследствии Великого Княжества Литовского, известного просто как Литва). Для обозначения этнической принадлежности восточнославянских жителей этого государства и их отличия от этнических литовцев нередко употреблялся термин "литвины-белорусы" ("литвин-белорусец")[73]. Наиболее долго он сохранялся для наименования белорусов центрального региона[74], поскольку термин "литвины" был для них и региональным названием.

Черная Русь

Со времени возникновения Белоруссии наряду с формированием подвинско-днепровского, центрального и поприпятского регионов начали возникать также этнографические, лингвистические и другие культурные различия между ее восточной и западной частями. Так, для западной части было характерно преобладание погонного двора, для восточной – веночного. В западной

части преобладало гумно без сушилки, в восточной было распространено гумно с сушилкой. В западной части фундамент жилища каменный, в восточной — деревянный, из толстых кусков дерева, в частности дуба, смолистой сосны. В западной части возникла традиция строительства стен из расколотых бревен (дылей), в восточной их возводили из цельных бревен. В западной части типична для жилища двухскатная крыша, в восточной одной из характерных форм крыши жилища была четырехскатная. На западе белорусской этнической территории гумно называлось преимущественно клуней, на востоке — током, гумном. На западе наряду со словом клеть для обозначения этой постройки широко употребляли слово свиран, на востоке — термин "амбар"[75]. В разговорной речи белорусов в западной части их этнической территории западнославянских (польских) и особенно балтских слов гораздо больше, чем в восточной. На западе белорусской этнической территории было больше и балтских названий населенных пунктов[76]. Западная часть "Белой Руси" отличалась от восточной также и тем, что на западе католическое вероисповедание среди части белорусов распространено в большей степени, чем на востоке.

За западной частью "Белой Руси", т.е. западной частью белорусской этнической территории, постепенно закрепился термин "Черная Русь". По данным В.Н. Татищева, граница Черной Руси на севере доходила до реки Вилии, на востоке — примерно до Березины, на юге — примерно до Припяти, на западе — до Буга. Термин "Черная Русь" упоминается в источниках позже наименования "Белой Руси". Если название части восточнославянской этнической территории Белая Русь (по данным В.Н. Татищева) появляется довольно рано, примерно уже во второй половине 12 века, то термин "Черная Русь" восточнославянским письменным источникам в этот период еще не известен. В.Н. Татищев отмечает, что "в русских древних историях сего имяни не упоминается", а через три страницы снова подчеркивает, что "сего имяни в древних русских не упоминаемо"[77]. Наиболее древнее упоминание термина "Черная Русь" датируется временем не ранее последней четверти 13 в. (1284 г.) и не относится к западной части территории современной Белоруссии. Этим термином была названа юго-западная часть территории современной Украины, тогдашняя Галицкая земля[78]. В западноевропейских письменных памятниках термин "Черная Русь" встречается не ранее 14—15 вв. и употребляется в это время для обозначения самых западных земель современной Великороссии, Белоруссии и Украины, т.е. самых западных земель Руси, граничивших с Ливонией, Литвой и Польшей[79]. Как наименование западной части белорусской этнической территории (в частности, Белорусского Понеманья) термин "Черная Русь" начинает закрепляться в конце 16 в., в 17 в. Об этом свидетельствуют великорусские письменные источники. По утверждению В.Н. Татищева, термин "Черная Русь" для обозначения западной части современной Белоруссии появляется в них не ранее начала второй половины 17 в. в грамотах Алексея Михайловича после того, как он овладел рядом регионов Речи Посполитой (как частью Великого княжества Литовского, в кото-

рой располагалась "Черная Русь", так и частью Польского королевства, на которой размещалась "Червонная Русь"). В.Н. Татищев сообщает, что в грамотах Алексея Михайловича его титул был указан как государь "...вся Великия, Малыя, Белыя, Черныя и Червонныя Руси"[80]. Однако после окончания войны и заключения мира, по условиям которого за Московским государством были закреплены только Смоленщина, Северщина (Новгород-Северский край) и вся Левобережная Украина, а земли, называемые Черной Русью, а также Червонной Русью, остались в составе Речи Посполитой (Черная Русь в составе Великого Княжества Литовского, а Червонная Русь в составе Польского королевства), Алексей Михайлович в своем титуле опустил последние два термина ("Черныя и Червонныя Руси") и оставил только первые три ("вся Великия, Малыя и Белыя Руси", которые весьма часто упоминались в русских официальных документах. По мнению исследовательницы Белорусского Понеманья Ф.Л. Гуревич, термин "Черная Русь" закрепился за этим краем лишь в 18 веке.

Наименование западной части белорусской этнической территории Черной Русью объясняли по-разному. Чаще всего его рассматривали как противопоставление термину "Белая Русь". Некоторые ученые, в частности А. Соловьев,[81] считали, что первоначально термин "Черная Русь" означал зависимую территорию. Черный цвет рассматривается сторонниками такой точки зрения как символ зависимости, белый – как символ самостоятельности. Главным фактором, породившим такое различие западной и восточной части, сторонники этого мнения считают политический. В отношении к Белорусскому Понеманью такое объяснение нельзя признать убедительным. Ведь название этого края Черной Русью установилось (судя по письменным источникам) тогда, когда вся территория современной Белоруссии находилась уже в составе Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а затем Великого Княжества Литовского как составной части Речи Посполитой, и с политической точки зрения существенных различий между западной и восточной частями этих территорий не имелось. Обе части признавали верховенство великого князя Литовского, Русского и Жемойтского, а потом были разделены на административно-политические единицы этого государства – воеводства. Не выдерживает строгой научной критики и объяснение, согласно которому появление термина "Черная Русь" вызвано тем, что для Верхнего Понеманья якобы было характерно язычество, а для Поднепровья – христианство[82], ибо в период утверждения этого термина почти все население, как восточнославянское, так и балтское, было уже христианским. Что же касается восточнославянского населения, то христианским оно стало еще раньше, не позднее 13–14 вв., и с этой точки зрения его разделение на Русь языческую и Русь христианскую в этот период неправомерно. Христианские церкви в городах Верхнего Понеманья (Гродно и др.) были построены не позже, чем в городах восточной части, а именно в ареале современного Белорусского Поднепровья. А отдельные группы некрещеного, нехристианского, языческого балтского населения, проживавшие в Верхнем Понеманье среди вос-

точнославянского населения, по всей вероятности, Русью не назывались. Для их наименования употребляли термин литва. Спорным является и мнение польского этнографа Яна Быстроня, полагавшего, что наименование "Черная Русь" Верхнее Понеманье получило от темного (черного) цвета кожаных лаптей, которые носили здешние жители[83]. Навряд ли такое незначительное обстоятельство могло послужить причиной наименования данного региона особым термином. Вероятнее всего, это название Верхнему Понеманью как части восточнославянской этнической территории было дано балтами. Один из исследователей термина "Белая Русь" И.А. Юхо отмечает, что название "Черная Русь" не употреблялось местным восточнославянским населением, а дано этой территории со стороны[84]. Балты, вероятно, ту часть восточнославянской этнической территории, которая располагалась к востоку от Черной Руси, т.е. Поднепровье, стали называть "Белой Русью". Таким образом, этому термину балты придали наряду с общебелорусским и новый, региональный смысл, употребляя его и в более узком значении (как наименование восточной части белорусской этнической территории). Возможно, первоначально термины "Черная" и "Белая Русь" противопоставлялись балтами только географически. Ведь, согласно балтской традиции, черный цвет символизирует западную сторону, а белый – восточную[85]. В соответствии с этой традицией расположенную ближе всего к Литве, самую западную часть Руси, т.е. Верхнее Понеманье, стали называть Черной Русью, а расположенную восточнее, в Поднепровье, – Белой Русью. По мере возникновения локальных различий в разговорной речи и традиционной культуре восточнославянского населения этих ареалов, уже в период формирования и упрочения белорусской этнической общности, наименования Черная и Белая Русь стали обозначать, вероятно, уже два ареала белорусской этнической территории и символизировать также этнографические различия между ее западной и восточной частями. Следовательно, термин "Белая Русь" приобрел еще одно более узкое значение – наименование восточного ареала белорусской этнической территории. Это значение термина "Белая Русь" сохраняется в основном в период существования Великого Княжества Литовского. После его ликвидации, с конца 18 в., постепенно угасает традиция использования терминов Черная и Белая Русь для обозначения западного и восточного ареалов белорусской этнической территории. Термин "Черная Русь" постепенно выходит из употребления, а термин "Белая Русь" все реже используется в узком значении для обозначения восточной части белорусской этнической территории и чаще, нежели прежде, употребляется для названия всей белорусской этнической территории, принимая в русском языке свою западноевропейскую форму – Белоруссия. В белорусском языке сохранилась прежняя восточнославянская форма этого термина. Он только стал произноситься и писаться слитно – "Беларусь".

7
глава
Какие концепции о возникновении Белоруссии спорны и почему?

**"ПОЛЬСКАЯ" И "ВЕЛИКОРУССКАЯ".
"БАЛТСКАЯ".
"КРИВИЧСКАЯ".
МНЕНИЕ Е.Ф. КАРСКОГО,
В.И. ПИЧЕТЫ И М.Я. ГРИНБЛАТА
ОБ ИСТОКАХ БЕЛОРУССИИ.**

8. Зак. 5066.

Обзор фактического материала (данных археологии, антропологии, языкознания, восточнославянской этнографии и фольклористики, экономической и политической истории) и теоретических положений об этнических процессах позволяет обнаружить спорность ряда концепций о возникновении Белоруссии и белорусов.

"ПОЛЬСКАЯ" И "ВЕЛИКОРУССКАЯ"

Наиболее заметно выявляется несостоятельность созданных в 19 в. "польской" и "великорусской" концепций об этнической принадлежности белорусов, этническом значении Белоруссии. Отрицание белорусов как этнической общности, отрицание Белоруссии как самостоятельной этнической территории сторонники этой концепции обосновывали тем, что у населения Белоруссии якобы не было самостоятельного славянского языка. Одни из них белорусский язык считали диалектом польского, другие – великорусского. Ошибочность этого утверждения, а следовательно, и концепций, на нем основанных, выявляется исследованиями по белорусскому языку. Еще в первые десятилетия 20 в. выдающийся белорусский ученый Е.Ф. Карский в фундаментальном труде "Белорусы" на громадном фактическом материале весьма убедительно доказал, что белорусский язык является отдельным самостоятельным славянским языком, входящим по своему словарному составу, синтаксису, морфологии и фонетике в группу восточнославянских языков наравне с великорусским и украинским[1].

"БАЛТСКАЯ"

Анализ фактического материала и теоретических положений о возникновении Белоруссии, белорусов позволяет также установить спорность ряда других концепций по этой проблеме, в частности "балтской", утверждающей, что появление Белоруссии, белорусов обусловлено главным образом синтезом традиционной культуры и языка славян с традиционной культурой и языком балтов. Наиболее видный представитель этой концепции В.В. Седов полагает, что многие элементы традиционной культуры и языка белорусов имеют балтские корни. К таким элементам он относит почитание ужей и камней в традиционной религии белорусов, женский головной убор (наметку), несшитую поясную одежду (поневу), лапти прямого плетения, столбовую

технику возведения построек, ряд черт белорусской фонетики (твердый "р", смягченный "д", аканье).

Рассмотрим вначале этнографические аргументы "балтской" концепции. Сравнительное этнографическое исследование такого элемента традиционной религии белорусов, как культ ужей, показывает, что это характерно не только для белорусов и балтов. Сверхъестественными свойствами ужей наделяли и на Украине[2]. Кроме украинцев следы этого культа зафиксированы у поляков, чехов[3]. В еще более яркой форме, чем у белорусов, распространен он у болгар и сербов. Следы этого культа отражены в фольклоре македонцев. Почитание ужа характерно также для традиционной религии молдаван, румын, римлян. Вера в доброго ужа является составной частью традиционной религии албанцев и греков[4]. Широкое распространение этого элемента традиционной религии у разных народов дает основание считать его не балтской, а древней индоевропейской традицией. Истоки ее восходят в Европе к неолитической эпохе[5]. Следовательно, нет оснований культ ужа рассматривать как своеобразную этническую черту, свойственную одной этнической общности, перешедшую от нее к другой. Это явление выходит за рамки одной или двух этнических общностей, имеет общеевропейский характер, отражает определенную стадию в развитии общеевропейской традиционной культуры.

Не этнический, а стадиальный характер имеет и такой элемент традиционной религии белорусов и балтов, как почитание камней. Это явление было широко распространено в Европе, притом не только в Восточной, но и в Западной, и в Северной. Против утверждения, что часть славянского населения, вошедшего в состав белорусов, восприняла такой элемент традиционной религии от балтов, свидетельствует также тот факт, что у балтов и белорусов есть различия в представлениях о сверхъестественных свойствах камней. У балтов они почитались главным образом как защитники урожая и животных. Это почитание очень тесно связано с культом солнца и земли. Камни имели соответствующие символы, указывающие, какое значение им приписывали. На камни наносили рисунки солнца, змей. В отличие от балтов белорусы преимущественно наделяли камни сверхъестественными свойствами излечивать различные заболевания (увечья, глухоту, паралич, глазные болезни)[6].

Не может служить аргументом балтской концепции и утверждение, что балтским является такой элемент традиционной культуры, как женский головной убор "наметка". В.В. Седов полагает, что он воспринят славянским населением, той его группой, которая вошла в состав белорусов, от балтов. Однако "наметка" – составная часть традиционного женского костюма не только белорусов и балтов. Он был широко распространен у украинцев, притом не только у жителей северной украинской этнической территории (в Украинском Полесье), но и далеко на юге (в Подолии, Прикарпатье) – там, где балтское влияние не прослеживается[7]. Такой головной убор бытовал также у болгар и поляков. Вполне вероятно, что он являлся общеславянской традицией[8]. Следует обратить внимание также на то обстоятельство, что наиболее ранние свидетельства о наличии наметки у балтов датируются 9–10 вв., после

того как славяне уже расселились в Восточной Европе и в значительной степени ассимилировали восточные группы балтов. Притом такой головной убор в это время у балтов встречается редко. Более широко распространена наметка среди балтоязычного населения в 13–16 вв., что отражено в археологических памятниках этого периода[9]. Все эти факты позволяют считать ошибочным утверждение, что головной убор "наметка" вошел в традиционную культуру белорусов от балтов. Гораздо вероятнее предположение, что балтское население заимствовало наметку у славян, либо она была не только общеславянской, но и более широкой групповой индоевропейской традицией, свойственной и славянам, и балтам.

Нет также основания считать верной гипотезу о том, что белорусы восприняли от балтской этнической общности несшитую поясную одежду – поневу. Во-первых, она имела у белорусов небольшое распространение и встречалась главным образом в восточных районах Белоруссии[10]. Во-вторых, несшитая поясная одежда не в меньшей, а даже в большей степени характерна для соседних с восточной Белоруссией районов России, в частности южнорусского этнического ареала. Еще более широко понева распространена у украинцев – как в восточных, так и в центральных и южных районах (в Подолии, Карпатах, Буковине). Она характерна также для традиционного костюма южнославянских народов, в частности болгар, сербов. Название ее (понева, плахта) бытует не только у восточных, но и западных славян. Несшитая поясная одежда является также элементом традиционной культуры молдаван, румын[11]. Ареал распространения этой одежды у восточных славян, а также у южных славян и романоязычных этносов (молдаван, румын) позволяет предположить не западное (балтское), а юго-восточнославянское проникновение поневы на территорию Белоруссии. Достоверные доказательства наличия несшитой поясной одежды у балтов датируются временем не ранее 9 в.[12], т.е. после того как славяне уже расселились на территории Белоруссии и в значительной степени ассимилировали балтов. Скорее всего, этот элемент одежды в Восточной Европе являлся не балтской, а более широкой – групповой индоевропейской традицией, характерной и для славян, и для романцев. Несшитая поясная одежда белорусов вероятнее всего – славянского происхождения. Нет фактов, доказывающих, что славянское население, вошедшее в состав белорусов, восприняло эту одежду от балтов.

В.В. Седов считает, что балтское происхождение имеет и такой элемент традиционной культуры белорусов, как лапти прямого плетения. Однако они были распространены не только на территории белорусов и балтов. Ареал их бытования значительно шире. Он включает северную часть украинской этнической территории (Украинское Полесье), Польшу, южную часть Швеции. Этот тип лаптей имелся также в Эстонии, Финляндии[13]. Таким образом, лапти прямого плетения свойственны традиционной культуре не только белорусов, но и других славянских народов, в частности украинцев, поляков, т.е. восточнославянских и западнославянских этносов. Исследователь лексики "Повести временных лет" А.С. Львов считает слово "лапоть" древним сла-

вянским словом (у литовцев лапоть называется vize, у латышей – vyža). Он отмечает, что весьма сходно с белорусским словом "лапаць", польским "lapec" болгарское "лапчун", обозначающее вид обуви из грубой шерстяной ткани или из кожи, заменивших первоначальный растительный материал[14]. Следовательно, нет оснований отрицать, что этот тип лаптей присущ не только балтской, но и славянской этнической общности. Лапти – весьма древний вид обуви. Они бытовали еще в неолитическую эпоху[15]. Этим временем датируются находки приспособления для плетения лаптей – кочедыка. Не исключено, что лапти были элементом культуры не только балтов и славян, но и финно-угров, т.е. являлись более широкой региональной европейской традицией.

К числу элементов традиционной культуры балтского происхождения у белорусов В.В. Седов относит также столбовую технику возведения некоторых построек, например, гумен, сеней. Следует заметить, что эта строительная техника бытовала и бытует не только у балтов, притом не у всех (для западных литовцев она не была характерна), и белорусов, но и у других народов, как славянских, так и неславянских. Она была элементом традиционной культуры русского этноса, в частности южнорусского населения. Здесь столбовую технику применяли при возведении скотных дворов, гумен, сеней. Еще чаще, чем на территории Белоруссии, использовали ее на территории Украины. Ареал распространения этой техники на Украине довольно обширный. Он охватывал не только лесную, но и лесостепную зоны. Столбовая техника на Украине широко использовалась и для возведения жилищ. Бытовала она и у западнославянских народов. Здесь ее применяли для строительства гумен, различных пристроек к срубам. Такой способ возведения построек у русских называли "закладной", "по-заборному", "в паз", у украинцев – "у закидку", "у слупи", "у шули", у белорусов – "у шулы"[16]. Деревянный столб в заборе или стене, к которому прикрепляются поперечные жерди, называется "шулом" также у поляков[17]. Столбовая техника возведения построек имеет глубокую древность не только у балтов, но и у славян. Наряду со срубной она применялась при возведении жилищ (полуземлянок) славянами уже в 6–7 веках. В 8–10 веках столбовая техника возведения полуземлянок стала использоваться славянами значительно чаще, причем к востоку от Днепра в славянском ареале она в этот период преобладала. В 11 в. столбовая конструкция стен в славянских жилищах-полуземлянках начинает преобладать и к западу от Днепра, притом западный регион славянских жилищ-полуземлянок полностью находился за пределами балтской этнической территории не только этого времени, но и более раннего, в частности первого тысячелетия нашей эры[18]. Таким образом, можно утверждать, что столбовая техника возведения построек являлась элементом культуры не только балтов, но и славян, хотя и в меньшей степени. Следует также учесть отмеченное исследовательницей Л.А. Молчановой то обстоятельство, что столбовая техника более характерна для безлесной зоны восточнославянской этнической территории. Ареал ее распространения у славян дает основание утверждать, что ис-

ользование столбовой техники не было тем элементом культуры, который ыражал ее специфику у белорусов по сравнению с другими восточнославян- кими народами и западными славянами. Она бытовала не только у балтов и лавян, но и у романоязычного населения в Молдавии, у финноязычных и юркоязычных народов Поволжья и Прикамья[19]. Все эти факты дают осно- зание не связывать столбовую технику возведения построек только с балта- ли, а считать ее более широкой – региональной европейской традицией.

Рассмотрим теперь лингвистические данные, используемые для обосно- зания "балтской" концепции. В.В. Седов полагает, что балтское происхожде- ние имеет такая черта белорусского языка, как твердый "р". Утверждение го являлось бы бесспорным в том случае, если бы твердый "р" был харак- терен только для белорусского и балтских языков. Однако это не так. Твер- дый "р" широко распространен в украинском языке, особенно в его север- ных и юго-западных говорах, а еще шире в польском и чешском, в которых мягкого "р" в чистом виде нет[20]. Твердый "р" характерен также для словац- кого, сербо-хорватского и болгарского языков. Его ареал охватывает почти всю славянскую этническую территорию, за исключением лужицкой и части территории русского этноса. Отвердение "р" в славянском ареале произош- ло сначала на юге, в регионе, удаленном от балтов, а затем распространилось в северном направлении, в том числе среди восточнославянского населения, жившего рядом с балтами. Согласный звук "р" раньше отвердел в сербо-хор- ватском и болгарском языках. В южной зоне восточнославянского ареала он распространен не позже 11 в.[21], а в его северной зоне твердого "р" в это время еще не было. В письменных памятниках этого региона он появляется позже, в период перестройки фонетической системы восточнославянского языка, происходившей после падения редуцированных гласных[22]. В север- ной зоне восточнославянского ареала твердый "р" встречается в письменных памятниках не раньше конца 14–15 вв.[23]. Эти данные позволяют сделать вывод, что твердый "р" в белорусском языке скорее славянского, а не балт- ского происхождения.

Спорно и утверждение В.В. Седова, что смягчение согласного "д" ("дзе- канье") у славянского населения, вошедшего в состав белорусского этноса, произошло под воздействием балтов, что эта черта речи белорусов – балт- ского происхождения. Такое предположение можно было бы допустить, если бы эта черта речи была характерна только для балтов и белорусов. Однако "дзеканье" в славянском ареале распространено не в меньшей, а в большей степени, чем в балтском. Оно охватывает всю лужицкую и польскую этничес- кие территории, частично словацкую, всю белорусскую и часть русской. Оно распространено в большей степени в восточнославянском регионе, чем в балтском. "Дзеканье" характерно не для всей литовской этнической террито- рии, а охватывает лишь ее часть, притом меньшую, юго-восток Литвы – так называемую Дзукию. В литовском языке слов с этой фонетической чертой гораздо меньше, чем в белорусском. Ряд весьма сходных слов, например, "дякло", в белорусском языке имеет мягкое "д" (дзякло), а в литовском –

твердое "д" (duokle). В латышском языке слов с этой фонетической чертой несколько больше, чем в литовском, но значительно меньше, чем в белорусском. Некоторые сходные по значению слова (притом древние по происхождению), например, "день" (бел. дзень, латышск. diena) различают по твердости и мягкости "д". В белорусском языке в этом слове оно мягкое, в латышском – твердое. Эти факты дают основание считать более вероятным, что "дзеканье" в белорусском языке появилось не под воздействием проживавшего здесь в древности балтского населения, а независимо от него, в результате перестройки славянских языков в позднем средневековье. В восточнославянском ареале оно возникло, в частности, под влиянием падения редуцированных, вместе с противопоставлением твердости – мягкости согласных. На балтской этнической территории, особенно на юго-востоке Литвы, оно появилось либо в результате заимствования от славян[24], либо являлось местной региональной чертой, но не общебалтской.

Аргументом "балтской" концепции В.В. Седов считает и такую черту белорусского языка, как "аканье", полагая, что оно образовалось в речи славян, трансформировавшихся в белорусов под воздействием балтов, в частности тех их групп, которые проживали на территории Белоруссии в прошлом, еще до прихода сюда славян. С этим утверждением нельзя согласиться, ибо "аканье" – черта речи не только балтов и белорусов, но и значительной части русского населения (в частности, южных) и словенцев, проживающих далеко от балтов[25]. Если бы причиной появления "аканья" в речи восточнославянского населения явилось проживание в прошлом на части его территории балтов, то, надо полагать, оно должно было возникнуть на этой территории одновременно. Между тем письменные памятники свидетельствуют о том, что "аканье" возникло раньше только на северо-востоке центральной зоны восточнославянского ареала и лишь затем распространилось на юго-западе ее[26]. Появление "аканья" в речи восточнославянского населения происходило в тот же период и в такой же лингвистической ситуации, как и "дзеканья". Непосредственный фон и причина возникновения этого явления – падение редуцированных гласных[27].

Таким образом, указанные В.В. Седовым факты для обоснования "балтской" концепции, ее не доказывают. Эти элементы культуры и черты языка вполне могут иметь славянские корни. Во всяком случае, славянский характер их вероятен не в меньшей, а в большей степени, нежели балтский. Многие из черт, которые В.В. Седов считает балтскими, по территории распространения выходят за пределы балтской и славянской общностей и являются более широкими – региональными индоевропейскими или региональными европейскими традициями.

Слово "свiран" (клеть), по мнению В.В. Седова, в белорусском языке имеет субстратное происхождение, заимствовано пришедшими на территорию современной Белоруссии славянами от проживавших здесь ранее балтов. Однако тщательный анализ ареала распространения этого слова на территории Белоруссии и письменных памятников позволяет сделать вывод не о

субстратном, а о маргинальном его заимствовании восточнославянским населением от балтов. Этот вывод опирается на следующие факты. Балты проживали прежде почти на всей территории современной Белоруссии, слово же "свiран" распространено преимущественно на части этой территории. Оно почти не бытует в диалектной речи населения Восточной Белоруссии, в регионе, где расположены города Витебск, Могилев, Гомель, хотя в древности его плотно заселяли балты. В гораздо большей степени это слово встречается в западной части Белоруссии, находящейся ближе к Литве и Латвии, в регионе к западу от Полоцка, Бобруйска, Мозыря, наиболее часто – на самом западе Белоруссии – до Лиды, Барановичей, Волковыска[28]. Но и в регионе своего преимущественного распространения слово "свiран" не являлось единственным для обозначения клети. Наряду с ним и чаще его здесь употреблялось слово "клець"[29], которое в восточнославянских языках по сравнению со словом "свiран" более древнее. Оно – общеславянское. Его бытование в речи восточнославянского населения зафиксировано уже в древних восточнославянских письменных памятниках. Слово же "свiран", видимо, более позднего происхождения. По свидетельству письменных памятников, в речи восточнославянского населения оно появилось значительно позже, чем "клець", – в 15–16 веках[30].

Не доказывает верность "балтской" концепции и утверждение В.В. Седова о том, что ассимиляция балтского населения славянским завершилась в начале второго тысячелетия нашей эры – в 12–13 веках. В.В. Седов пытается аргументировать это ссылкой на работу В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева "Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья" (М., 1962), их предположение о том, что следы балтских диалектов, по-видимому, сохранялись в Верхнем Поднепровье вплоть до начала второго тысячелетия нашей эры. Этот аргумент не является убедительным, т.к. по данным гидронимии невозможно определить хронологические рамки ассимиляции балтов славянами. Опираясь на них, невозможно установить хронологически ни начало ассимиляции, ни ее окончание. Это – одна из слабых сторон лингвистики при решении вопроса о начале и об окончании ассимиляции балтов славянами. Нельзя также считать убедительным аргументом "балтской" концепции возникновения белорусов, Белоруссии и ссылки В.В. Седова на археологические материалы[31]. В 11–12 вв. на территории современной Белоруссии оставались лишь отдельные островки балтов, ассимиляция которых не определяла основного направления этнических процессов. Их определяли в это время уже восточнославянские группы населения. Ассимиляция основной массы балтов, оказавшей существенное влияние на своеобразие формировавшихся восточнославянских этнических общностей, произошла раньше. Хронологические рамки этого важного процесса не могут основываться только на археологических материалах. Последние хорошо показывают начало смешения разных этнических общностей, но не могут служить главным аргументом для определения завершения основной стадии ассимиляции. Обычно она завершается сменой этнического самосознания. А появление нового этничес-

кого самосознания невозможно установить по археологическим предметам. Этническое самосознание выражается обычно в этнониме, самоназвании этнической общности. И потому завершение главной стадии ассимиляции можно уверенно определить на основании появления нового этнонима. Что же касается первоначальных восточнославянских этнонимов (кривичи, дреговичи, радимичи), пришедших на смену балтским, то в первых веках второго тысячелетия, в частности в середине 12 в., они не то чтобы только что появились, а к этому времени уже исчезли. Появление восточнославянских этнонимов, пришедших на смену балтским (опираясь на сведения "Повести временных лет" в сочетании с данными археологии), можно датировать временем не позже возникновения на территории современной Белоруссии первых городов, т.е. не позже 9–10 вв., когда были построены Полоцк, Туров. В летописи "Повесть временных лет" сообщается, в частности, что"первыи насельници" города Полоцка – кривичи[32], а Полоцк возник в 9 в. Примерно этим временем датирует завершение в основном процесса ассимиляции славянами балтов П.Н. Третьяков. Он пишет: "К исходу первого тысячелетия н.э. процесс ассимиляции верхнеднепровских балтов в основном завершился, они смешались со славянами, утратили свой язык и особенности культуры. Летописцы уже ничего не знали о том, что "первыми насельницами" Верхнего Поднепровья были балтийские племена. Лишь одна только голядь получила отражение в летописи"[33]. Интересно в связи с этим отметить и высказывание самого В.В. Седова: "Метисация пришлых славян со славянизированными балтами в 11–12 вв. зашла так далеко, что разграничение пришлого и местного населения для этого времени по археологическим материалам нереально"[34]. Современные теоретические представления об этнических процессах, данные письменных источников и материалы археологии, таким образом, дают основание делать вывод, что ассимиляция славянами балтов на современной территории Белоруссии в основном завершилась к 9–10 вв. К этому времени на основе смешения славян с балтами сформировались восточнославянские этнические общности, известные под именами кривичей, радимичей, дреговичей.

Нет убедительных аргументов считать верным представление, что кривичи, радимичи, дреговичи сформировались за пределами территории современной Белоруссии и пришли сюда уже сформировавшимися, поселились рядом с балтами, что их смешение с балтами и привело к возникновению белорусов. Археологические материалы, относящиеся к кривичам, радимичам и дреговичам, свидетельствуют о том, что они сформировались на территории современной Белоруссии и соседних северных и восточных земель в результате смешения пришедших славян с балтами. Местное формирование радимичей отмечает Э.М. Загорульский. Он пишет: "Характерные черты, отличающие радимичей от других славянских группировок, вероятно, сформировались на месте"[35]. Такого же мнения не только о радимичах, но и о кривичах и дреговичах придерживается П.Н. Третьяков. Он считает, что восточнославянские группировки – кривичи и др. сложились в верхнем Поднепровье,

образовались не только из славянских элементов, но и из местных балтов, подвергшихся ассимиляции. О местном формировании смоленско-полоцких кривичей пишет и сам В.В. Седов. Он констатирует, что они сложились на основе смешения славян с балтами. Антропологические данные о кривичах, радимичах и дреговичах также не противоречат тому, что они – результат смешения славянского и балтского населения.

Далеко не бесспорно, во всяком случае неточно, утверждение В.В. Седова, что "и по времени завершающая стадия славянизации верхнеднепровских балтов совпадает с началом формирования белорусского языка". Он имеет в виду 12–13 вв. Однако в это время еще не формировался белорусский язык, а только интенсивно возникали диалектные черты общевосточнославянского древнего русского языка. Диалектные зоны этого периода не имели очертаний этнических территорий белорусского, великорусского и украинского народов, а являлись зонами общевосточнославянского древнего русского языка, общевосточнославянской древней русской этнической территории без подразделения ее на великорусскую, белорусскую и украинскую. Диалектные зоны общевосточнославянского древнего русского языка 12–13 вв. совершенно не соответствовали территориям сформировавшихся в более позднее время великорусского, белорусского и украинского языков[36].

Неверным является утверждение В.В. Седова, что белорусский этнос сформировался в 13–14 веках, так как общебелорусского комплекса языка и традиционной культуры в это время еще не было[37].

Наконец, нельзя согласиться также с ограничением В.В.Седовым числа факторов этнических процессов, которые привели к возникновению белорусского этноса, Белоруссии. Основным В.В. Седов считает только один фактор – миграцию и порожденное ею смешение разных этнических групп и вовсе не учитывает важного значения экономической, политической истории, крупных исторических событий – борьбы с внешними врагами и ее результатов. На возникновение белорусов, Белоруссии, как показано в книге, существенное влияние оказали и новые явления в экономическом развитии, и новые политические условия жизни местного населения, и совместная борьба с новыми внешними врагами.

Анализируя "балтскую" концепцию возникновения Белоруссии, белорусов, можно сделать вывод, что ее главное положение о том, что выделение белорусского этноса среди других групп славянского населения обусловлено воздействием балтов, проживавших ранее на территории современной Белоруссии, не подтверждается фактически. Оно ошибочно и теоретически.

Позитивный критический анализ этой концепции и фактического материала, привлеченного для ее обоснования, позволяет сделать важный для понимания этнической истории населения Поприпятья, Понеманья, Подвинья и Поднепровья вывод, что балтское население оказало существенное влияние на формирование восточнославянских этнических общностей кривичей, радимичей, дреговичей, явившись наряду с пришлым славянским населением их предком, сыграв в их этногенезе роль субстрата. Этот вывод, обоснованный

как археологическими, так и лингвистическими и антропологическими данными, вскрывает неточность одного из утверждений П.Н. Третьякова о том, что балты явились субстратом общевосточнославянской древней русской этнической общности[38], так как преобладающая часть балтов в Поприпятье, Понеманье, Подвинье и Поднепровье была ассимилирована славянами в процессе колонизации ими этой территории раньше, а оставшиеся островки балтского населения в этом ареале, подвергшиеся ассимиляции позже, в период формирования общевосточнославянской древней русской этнической общности, были не субстратом, а лишь небольшим компонентом этого нового образования наряду с финно-угорским. Главными же, абсолютно преобладающими группами, составившими общевосточнославянский древний русский этнос, были, конечно, первоначальные восточнославянские этнические общности, которые сформировались раньше на основе смешения одной части славян с балтами, другой – с финно-уграми, третьей – с ираноязычным населением[39].

"КРИВИЧСКАЯ"

Не может быть принята и так называемая "кривичская" концепция о возникновении Белоруссии, белорусов. Она основана на ошибочном предположении, что предками белорусов являются кривичи. Согласно этой точке зрения, этническая территория белорусского народа (Белоруссия) сформировалась из этнической территории кривичей – Кривии. Неверность этого утверждения доказывается тем, что кривичи, а следовательно, и их этническая территория , Кривия, исчезли к середине 12 в., а белорусы как этнос, его этническая территория в это время еще не сформировались. Общебелорусского комплекса языка и культуры тогда не было. Кроме хронологического несоответствия исчезновения кривичей и появления белорусского этноса ошибочность кривичской концепции выявляется также в том, что она не может удовлетворительно объяснить возникновение этнических черт южнобелорусского населения, ибо кривичи занимали только северную и центральную часть территории современной Белоруссии.

МНЕНИЕ Е.Ф. КАРСКОГО, В.И. ПИЧЕТЫ И М.Я. ГРИНБЛАТА ОБ ИСТОКАХ БЕЛОРУССИИ

Точка зрения Е.Ф. Карского и В.И. Пичеты, включающих в состав предков белорусов не только кривичей, но и дреговичей, и радимичей, в некоторой степени преодолевает крайнюю односторонность "кривичской" концепции, пытаясь отыскать исторические истоки и южнобелорусского населения, однако и она, как и предыдущая, не учитывает того основополагающего факта, что между кривичами, дреговичами, радимичами, с одной стороны, и белорусами – с другой, нет непосредственной преемственности. Дреговичи, радимичи, как и кривичи, исчезли к середине 12 в., а общебелорусский ком-

плекс языка и культуры еще не появился. Кроме того, точка зрения Е.Ф. Карского и В.И. Пичеты не может убедительно объяснить возникновение общих особенностей языка и культуры северо-восточного белорусского населения, так как в этом ареале в раннем средневековье проживали не только кривичи, но и радимичи.

Ко взглядам Е.Ф. Карского и В.И. Пичеты о возникновении Белоруссии, белорусов очень близка концепция М.Я. Гринблата, считающего кривичей, дреговичей и радимичей древнейшей этнической основой белорусов. Он полагает, что этническая территория белорусского народа сложилась главным образом на основе этнической территории кривичей (полоцких и смоленско-витебских), радимичей, дреговичей. По его мнению, они оказали заметное влияние и на формирование особенностей белорусского языка и белорусской традиционной культуры. М.Я. Гринблат пытается обосновать эти положения фактическим материалом, опираясь на данные белорусского языка, белорусских диалектов, белорусской этнографии и данные археологии. Почти третья часть его книги "Белорусы" посвящена вопросу образования этнической территории белорусского народа[40]. Он подробно рассматривает расселение дреговичей, радимичей, кривичей, пытается найти преемственность территории белорусов и дреговичей, радимичей, кривичей, отыскать связь белорусского языка и белорусской традиционной культуры с предполагаемыми языками и чертами культуры этих этнических общностей. Аргументацию М.Я. Гринблата, как и его выводы по этому вопросу, нельзя считать верными. Она основана на двух существенно ошибочных положениях, предпосылках, а именно – чрезмерной архаизации данных белорусского языка и белорусской традиционной культуры и игнорирования в значительной степени сравнительно пространственного анализа явлений языка и культуры белорусов. Неверным является, на наш взгляд, представление о том, что пространственные ареалы языков дреговичей, радимичей, кривичей оставили свои следы в диалектах белорусского языка: получается, что в течение тысячи лет (9 в. – 19 в.) пространственное бытование отдельных элементов языков кривичей, радимичей, дреговичей не изменилось. В действительности диалектные различия в разговорной речи восточнославянского населения на территории Белоруссии в эпоху феодализма изменялись, по крайней мере, дважды: первый раз в период формирования и развития общевосточнославянской древней русской общности, второй раз – в период формирования белорусского этноса, возникновения Белоруссии как этнической территории белорусского народа[41]. Архаизация данных белорусского языка, в частности, выразилась в том, что, по мнению М.Я. Гринблата, речи дреговичей были свойственны дифтонги "у͡о", "і͡е". В действительности дифтонги "у͡о", "і͡е" появились в речи населения, проживавшего на юге Белоруссии, после того, как дреговичи исчезли, т.е. после второй половины 12 в. Возникновение этих дифтонгов явилось результатом падения редуцированных гласных в общевосточнославянском древнем русском языке в 12–13 вв.[42]. Кроме того, дифтонги "у͡о", "у͡е" характерны не только для речи населения на юге Бе-

лоруссии, но и для жителей значительной части территории северной Украины[43]. Они не были элементом языка дреговичей, а являлись региональной ("полесской") чертой общевосточнославянской древней русской речи.

Ошибочно и утверждение М.Я. Гринблата о том, что речи кривичей было свойственно "аканье". Для этого нет никаких оснований. "Аканье" появилось здесь после того, как кривичи исчезли, т.е. с середины 12 в. Причина этого явления – падение редуцированных гласных, которое произошло в общевосточнославянском древнем русском языке в 12–13 вв. Такая особенность речи, как "аканье", охватывала не только Подвинье и верхнее Поднепровье, но и среднее Поочье и Посеймье[44]. Сначала оно не было ни кривичским, ни общебелорусским, а являлось региональной чертой общевосточнославянской древней русской речи. В первоначальный регион "аканья" входила как часть территории современной Белоруссии, охватывающая ее северо-восток (Подвинье, Посожье), так и часть современной территории России (Смоленский, Брянский, Рязанский край), преимущественно ее южная зона.

Культурной чертой дреговичской этнической территории, составным элементом культуры дреговичей М.Я. Гринблат считал так называемую "литовскую" соху, позже в научной литературе именуемую "полесской". Отличительным признаком этого типа сохи было то, что левый сошник в ней ставили под тупым углом к правому и соединяли их таким образом, чтобы пласт земли отваливал вправо, как при вспашке плугом. Утверждение М.Я. Гринблата о тесной связи этого типа сохи с культурой дреговичей, дреговичской этнической территорией не подтверждается фактами. Такая соха, во-первых, появилась после того, как дреговичи исчезли, т.е. не ранее второй половины 12 в.[45]. Во-вторых, ареал ее распространения занимал значительно большее пространство, чем этническая территория дреговичей. Кроме южной Белоруссии оно включало районы большей части современного Украинского Полесья, где дреговичи не проживали[46]. И время появления этой сохи, и ареал ее преимущественного распространения дают основание считать этот предмет материальной культуры не дреговичским, а региональной полесской чертой общевосточнославянской древней русской этнической общности.

При определении этнической территории кривичей и выяснении ее связи с этнической территорией белорусского народа совершенно не обоснованной является ссылка М.Я. Гринблата на такой предмет материальной культуры, как полосатая юбка – андарак. Она появилась на территории Белоруссии очень поздно, не ранее 15–16 вв., когда о первоначальной восточнославянской этнической общности кривичей не могло быть и речи. К этому времени она давным-давно исчезла, трансформировалась, приобрела иной этнический облик.

Формирование этнической территории белорусов происходило вне какой-либо зависимости от этнических территорий кривичей, радимичей и дреговичей.

Таким образом, анализ различных концепций о возникновении Белоруссии, белорусского народа показывает: спорность их заключается прежде все-

го в том, что они основаны на недостаточно полном представлении об этносе, игнорирующем такой важный его признак, как этническое самосознание (осознание принадлежности к данному народу, выраженное в его названии). Эти концепции исходят из одностороннего понимания развития этнических процессов, сводя их только к упрощенной эволюции или миграции, игнорируя роль диффузии в этнических процессах, перегруппировку элементов культуры и языка. Они не учитывают сложность процесса образования языка как системы, формирующейся одновременно с возникновением его основных диалектов. Авторы этих концепций не используют всего круга источников по данной проблеме. В.В. Седов и М.Я. Гринблат, например, не анализировали данных экономической и политической истории, а В.И. Пичета – данных этнографии и антропологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги анализа проблемы возникновения Белоруссии, белорусов. Обзор фактического материала, теоретических положений, различных концепций по этой проблеме в свете новейших данных и современной теории этнических процессов позволяет сделать следующие выводы.

1. Этническая история населения на территории современной Белоруссии берет свое начало с эпохи древнекаменного века, со времени заселения территории Белоруссии человеком – свыше сорока тысяч лет назад. Вначале были освоены только южные районы современной Белоруссии. Центральная и северная части ее территории заселяются в последующую за палеолитом эпоху – в среднем каменном веке (мезолите). Определить этническую принадлежность древнейшего населения на территории Белоруссии не только в древнекаменном веке, среднем каменном веке, но даже и на протяжении большей части нового каменного века (неолита), особенно в раннем и среднем новом каменном веке, не представляется возможным. Языки этого населения неизвестны. Следы их не обнаружены.

2. По данным археологии и исторического языкознания, в частности гидронимии (древнейших названий рек, озер), предположительно можно установить этническую принадлежность некоторых групп местного населения только в конце нового каменного века, проживавшего примерно в третьем тысячелетии до н.э. В Подвинье и Поднепровье в это время, возможно, появились группы уральского населения, его финно-угорской ветви, а в некоторых местах Поприпятья, на его крайнем юго-западе, – отдельные небольшие группы индоевропейского населения.

3. Этнический состав населения на территории Белоруссии полностью изменился в эпоху раннего металла (конец 3 тыс. до н.э. – 4–5 вв. н.э.). В это время на всей ее территории расселились индоевропейцы, которые ассимилировали прежнее неиндоевропейское население. Большую часть территории Белоруссии, особенно северной и центральной, в эпоху раннего металла занимало индоевропейское население балтской ветви, и только в отдельных местах на юго-западе – славянской.

4. Следующий период в этнической истории населения на территории Белоруссии начался в раннем средневековье. Его характерная черта – широкое расселение славян на территории Белоруссии, ассимиляция местного дославянского балтского населения и формирование первоначальных восточнославянских этнических общностей – дреговичей, радимичей, кривичей. Именно эти первоначальные восточнославянские этнические общности сформиро-

вались в результате смешения славян и балтов. Дреговичи, радимичи, кривичи с теми чертами, какими они стали известны археологии, сложились в местностях, указанных в "Повести временных лет" и детально уточненных по археологическим материалам. В облике этих этнических общностей преобладали славянские черты. Именно они, а не последующие этнические общности, содержали в себе балтский субстрат.

5. Новый этап в этнической истории населения на территории Белоруссии связан с консолидацией первоначальных восточнославянских этнических общностей дреговичей, радимичей, кривичей и др. в общевосточнославянскую древнюю русскую этническую общность. С трансформацией этих первоначальных восточнославянских этнических общностей в общевосточнославянскую древнюю русскую общность их территории стали общей этнической территорией, получившей название "Русь". Именно с этого времени к территории Белоруссии, как и к соседним восточнославянским землям, стало применяться название "Русь" в этническом значении.

6. Со времени своего формирования этническая территория "Русь" не была единообразной, а с самого начала подразделялась на регионы, не совпадающие с прежними этническими территориями первоначальных восточнославянских этнических общностей. Территория современной Белоруссии по локальным особенностям языка и культуры входила в две диалектно-этнографические зоны общевосточнославянской древней русской этнической общности, ее этнической территории, южная часть территории современной Белоруссии – в "полесскую" диалектно-этнографическую зону, ядром которой было Поприпятье, а северная и в значительной степени центральная часть современной территории Белоруссии (Подвинье, Верхнее Поднепровье) – в подвинско-днепровскую, получившую первоначальное общевосточнославянское региональное название "белорусской". Таким образом, территория современной Белоруссии в общевосточнославянский период, наряду с другими восточнославянскими землями, называлась Русью, а в пределах Руси на юге называлась Полесьем, а на севере – Белой Русью. Непосредственными предками современного белорусского этноса были две группы общевосточнославянской этнической древней русской общности (русских, русичей) – "полесской" ("полешуков"), с одной стороны, и "подвинско-днепровской", "белорусской" ("белорусцев"), с другой.

7. Таким образом, первоначально термин "Белая Русь" ("Белоруссия") в этническом смысле означал одну из диалектно-этнографических зон общевосточнославянской древней русской общности, территорию одного из ее субэтносов (часть этноса), и не являлся в этот период названием этнической территории белорусского народа. Этот термин первоначально обозначал регион, составные части которого впоследствии, в период формирования новых восточнославянских этнических общностей, вошли в этническую территорию белорусского народа, с одной стороны, и в этническую территорию великорусского народа, с другой. Точно так же "Полесье" подразделилось впоследствии на две части – Белорусское, ставшее составной частью этничес-

кой территории белорусского народа, и Украинское, ставшее составной частью этнической территории украинского народа.

8. Этническая территория современной Белоруссии сформировалась в позднем средневековье в результате консолидации прежней северной части "полесского" субэтноса общевосточнославянской древней русской этнической общности и южной части "белорусского" (подвинско-днепровского) субэтноса общевосточнославянской древней русской этнической общности. Эти части восточнославянского населения составили основу белорусского этноса.

9. Кроме восточнославянского – севернополприпятского ("севернополесского") и южноподвинско-днепровского (древнего "южнобелорусского") населения в состав белорусского этноса влились отдельные группы западнославянского (польского), балтского (как восточнобалтского – литвы, латыголы, так и западнобалтского – прусов, ятвягов, жемайтов) и тюркского (татарского) населения. В сравнении с восточнославянским населением все они явились дополнительным компонентом формировавшейся белорусской народности. Ни одна из невосточнославянских групп населения не сыграла роль субстрата белорусского этноса.

10. Термин "Белая Русь" ("Беларусь", "Белоруссия") приобрел современное этническое значение в позднем средневековье, а именно – в 15–16 вв. С одной стороны, в это время он утратил связь с северной частью прежних "белорусцев", трансформировавшихся в великорусов и проживавших в общевосточнославянскую эпоху на Псковщине, в Тверском крае, Смоленщине, где сформировался великорусский комплекс языка и культуры. Северная часть прежней "Белой Руси" вошла в состав новой этнической территории – великорусской, т.е. стала частью России, а жители этих краев (северные "белорусцы") – составной частью великорусского этноса. С другой стороны, термин "Белая Русь" распространился на южную часть современной территории Белоруссии, а именно – на северную часть "Полесья", и охватил всю территорию сформировавшегося нового комплекса языка и культуры, названного белорусским. Слово "Белоруссия" является западноевропейской формой восточнославянского термина "Белая Русь": Белая Руссия – Белоруссия.

11. Белоруссия, белорусы сформировались под воздействием нескольких причин. Одной из них было изменение исторических условий развития Поприпятья, Понеманья, Подвинья и Поднепровья в позднем средневековье, а именно, агрессия немецких крестоносцев с запада и татар с востока, длительная совместная борьба населения этого края против захватчиков за свободу и независимость. Второй причиной возникновения Белоруссии, белорусов явилось изменение экономических связей этих земель, более быстрое экономическое развитие в этот период Понеманья, Минщины, Могилевщины, установление более тесных связей с этим регионом поприпятских и подвинских земель. Третьей причиной формирования Белоруссии, белорусов стало изменение политических условий развития поприпятских, понеманских,

9. Зак. 5066.

подвинских и поднепровских земель, возникновение крупного государства – Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, расположение указанных земель (особенно Понеманья, Минщины, Могилевщины) в центре этого государства, которое сплотило их и политически. Важной предпосылкой формирования белорусского этноса, Белоруссии послужили предшествующие этому процессу региональные (диалектные) изменения в языке и традиционной культуре общевосточнославянского этноса, возникновение различий в языке и культуре между восточнославянским населением поприпятского региона, с одной стороны, и подвинско-днепровского, с другой. Одним из факторов возникновения Белоруссии, белорусов было и переселение в поприпятские, понеманские, подвинские и поднепровские земли под влиянием новых исторических условий части западнославянского (польского), западнобалтского, восточнобалтского и татарского населения, его взаимодействие и сплочение с местным восточнославянским. Все эти факторы в совокупности и обусловили формирование белорусского этноса, возникновение Белоруссии. Колонизация славянами поприпятских, понеманских, подвинских и поднепровских земель и смешение их с проживавшими здесь прежде балтами не являлись причиной возникновения Белоруссии, белорусов, так как массовое расселение славян в этом крае и ассимиляция ими большей части местных балтов произошли гораздо раньше формирования Белоруссии, белорусов. Преимущественное значение для возникновения Белоруссии, белорусов имело смешение поприпятского и подвинско-днепровского восточнославянского населения, эволюция и диффузия элементов его культуры и языка, перегруппировка этих элементов. Важным явлением было также изменение этнического самосознания жителей этого края, этнического значения термина "Белая Русь".

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

[1] Седов В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // Материалы и исследования археологии СССР. Вып. 163. М., 1970.

[2] Golembiowski L. Lud polski, jego zwyczai i zababony. Warszawa, 1830, Rypinski A. Bialorus. Pariz, 1840.

[3] Соболевский А. Лекции по истории русского языка. Вып. 1. Киев, 1886, Срезневский И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб., 1887.

[4] Бандарчык В. Гiсторыя беларускай савецкай этнаграфii. Мн., 1972. С. 73.

[5] Карский Е. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильно, 1904. С. 65; Пичета В. Образование белорусского народа. // Вопр. истории. 1946. № 5–6. С. 16.

[6] Токарев С. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 25–30.

[7] Тарасов К. Память о легендах //Белорусской старины голоса и лица. Мн., 1984. С. 11.

[8] Гринблат М. Белорусы. //Очерки происхождения и этнической истории. Мн., 1968. С. 40.

[9] Седов В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья... С. 182, 192.

[10] Карский Е. Белорусы... С. 113–114.

[11] Пичета В. Образование белорусского народа. // Вопр. истории. 1946. № 5–6. С. 19–20.

[12] Седов В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья... С. 182.

Глава 1

[1] Филин Ф. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С.4.

[2] Александренков Э. Диффузионизм в зарубежной западной этнографии. // Концепции зарубежной этнологии: Критич. этюды. М., 1976. С. 64–67.

[3] Алексеев В. Историческая антропология. М., 1979. С. 59–68.

[4] Итс Р. Этногенетические исследования. // Расы и народы. Вып. 17. М., 1987. С. 14.

[5] Алексеев В. Историческая антропология... С. 69; Итс Р. Этногенетические исследования ... С. 16–17.

[6] Алексеев В. Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал. // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 30–32.

[7] Алексеев В. Историческая антропология... С. 69.

[8] Пилипенко М. Этнография Белоруссии. Мн., 1981. С. 10, 13–30.

Глава 2

[1] Калечиц Е. Первоначальное заселение территории Белоруссии. Мн., 1984. С. 59.

[2] Палеолит СССР. М., 1984. С. 171, 225.

[3] Исаенко В. Археологическая карта Белоруссии. Вып. 1. Памятники каменного века. Мн., 1968; Ксендзов В. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Мн., 1988.

[4] Загорульский Э. Древняя история Белоруссии. Мн., 1977. С. 27–28.

[5] Очерки по археологии Белоруссии. Ч.1. Мн., 1970. С. 49, 69, 71.

[6] Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. Л., 1973. С. 16–17.

[7] Жучкевич В. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Мн., 1974. С. 93, 337, 355; Бирилло А. Из глубины веков. // Неман. 1987. № 8. С. 172.

[8] Тегако Л. Дерматоглифические и одонтологические данные в аспекте балто-славянских связей. // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 23–25.

[9] Кухаренко Ю. Первобытные памятники Полесья. М., 1962. С. 10.

[10] Stang Chr. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo, 1971. S. 68–70, 81.

[11] Трубачев О. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 286; Топоров В., Трубачев О. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 243–244.

[12] Исаенко В. Археологическая карта Белоруссии. Вып. 3. Памятники бронзового века. Мн., 1976. С. 22.

[13] Gimbutas M. The Prehistory of Eastern Europe.Part.1.Cambridge, 1956. P. 9–13, 71–91.

[14] Stang Chr. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo, 1971. S. 46, 68, 70, 81, 91.

[15] Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris–London, 1965. P. 389, 440–441.

[16] Саливон И. Формирование физического типа белорусов и вопросы балто-славянских связей. // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 19; Тегако Л. Дерматоглифические и одонтологические данные в аспекте балто-славянских связей. //Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 23–25.

[17] Топоров В., Трубачев О. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья... С. 160–168, 232–235.

[18] Трубачев О. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 270–272, 273–284.

[19] Загорульский Э. Древняя история Белоруссии... С. 50–53.

[20] Шадыро В. Ранний железный век северной Белоруссии. Мн., 1985. С. 117.

[21] Мельниковская О. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967. С. 153–155.

[22] Третьяков П. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.–Л., 1986. С. 108.

[23] Жучкевич В. Краткий топонимический словарь Белоруссии... С. 109, 214–215.

[24] Топоров В., Трубачев О. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья... С. 236.

[25] Gimbutas M. The Slavs. London, 1971. P. 22.

[26] Денисова Р. Характерные особенности и генезис антропологического типа балтов. // Этногенез белорусов, Мн., 1973. С. 94–95.

[27] Кухаренко Ю. Полесье и его место в процессе этногенеза славян // Полесье. М., 1968. С. 26.
[28] Седов В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 74.
[29] Кухаренко Ю. Полесье и его место в процессе этногенеза славян... С. 29.

Глава 3

[1] Седов В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 29–38.
[2] Седов В. Начальный этап славянского расселения в области днепровских балтов. // Балто-славянские исследования. М., 1981. С. 45–52.
[3] Повесть временных лет. Т.1. М.–Л., 1950. С. 11.
[4] Седов В. Восточные славяне в VI–XIII вв... С. 114, 116.
[5] Литовско-русский словарь под ред. Х. Лемхенаса. Вильнюс, 1971. С. 152.
[6] Хабургаев Г. Этнонимика "Повести временных лет". М., 1979. С. 196–197.
[7] Повесть временных лет. Т.1. С. 14, 59.
[8] Седов В. Восточные славяне в VI–XIII вв... С. 155–156.
[9] Рыбакоў Б. Радзімічы. Працы секцыі археалогіі. Т.3. Мн., 1932. С. 137–138.
[10] Литовско-русский словарь под ред. Х. Лемхенаса... С. 621.
[11] Повесть временных лет. Т.1. С. 13.
[12]. Седов В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья... С. 113–124.
[13] Третьяков П. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С.66.
[14] Рыбаков Б. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 106, 239.
[15] Очерки по археологии Белоруссии. Ч.II. С. 12.
[16] Соловьев С. История России с древнейших времен. Кн.1. М., 1959. С. 280.
[17] Gimbutas M. The Balts. London, 1963. P. 179–204.
[18] Литовско-русский словарь. С. 345.
[19] Речник руско-српскохрватски, српскохрватско-руски. Београд. Треће изд. С. 102. [illegible].
[20] Вопр. истории. 1986. № 8. С. 82.
[21] Хабургаев Г. Становление русского языка... С. 113.
[22] Саливон И. Формирование физического типа белорусов и вопросы балто-славянских связей... С. 17–20.
[23] Коробушкина Т. Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII в. Мн., 1979. С. 70–73.
[24] Гурин М. Древнее железо Белорусского Поднепровья. Мн., 1982. С. 99–100.
[25] Рябцевич В. О чем рассказывают монеты. Мн., 1977. С. 55–57.
[26] Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т.1. С. 20.
[27] Штыхов Г. Города Полоцкой земли (IX–XIII). Мн., 1978. С. 26–41.
[28] Лысенко П. Города Туровской земли. Мн., 1974. С. 33–45.
[29] Штыхов Г. Города Полоцкой земли... С. 11.

Глава 4

[1] Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С.67.
[2] Там же. С. 32–33.
[3] Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т.1. С.9.

4 Седов В. Восточные славяне в У1–ХШ вв. С. 106–113, 133–140.
5 Полное собрание русских летописей. Т.1. С. 55, 121.
6 Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 204–227.
7 Древнерусские княжества. М., 1975. С. 64.
8 Полное собрание русских летописей. Т.1. С. 25–26, 46–47.
9 Хабургаев А. Этнонимика "Повести временных лет"... С. 218–219.
10 Попов А. Названия народов СССР. Л., 1973. С. 59.
11 Львов А. Лексика "Повести временных лет". М., 1975. С. 179–182.
12 Полное собрание русских летописей. Т.1. С. 28.
13 Древняя Русь. Город, замок, село... С. 88–89.
14 Янин В., Алешковский М. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 40–42, 55–56.
15 Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 8. Л., 1976. С. 96–107.
16 Полное собрание русских летописей. Т.1. С. 29.
17 Полное собрание русских летописей. Т.2. С. 14.
18 Полное собрание русских летописей. Т.1. С. 20.
19 Лебедев Г. Эпоха викингов в Северной Европе: Ист.-археолог. очерки. Л., 1985. С. 210–220.
20 Янин В., Алешковский М. Происхождение Новгорода... С. 42–43, 47–49.
21 Ловмяньский Х. Русь и норманны... С. 104.
22 Третьяков П. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 145, 147.
23 Полное собрание русских летописей. Т.1. С. 20, 23.
24 Багрянородный Константин. О народах. Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете: Кн.1. М., 1899. С. 70.
25 Попов А. Названия народов СССР... С. 51–52.
26 Полное собрание русских летописей. Т.1. С. 19–24.
27 Там же. С. 24, 83–84.
28 Заяц Ю. Заславль в Х–ХУШ веках. Мн., 1987. С. 38, 41–43.
29 Зверуго Я. Древний Волковыск. Мн., 1975.
30 Лысенко П. Берестье. Мн., 1985. С. 224–226.
31 Штыхов Г. Города Полоцкой земли... С. 41–100.
32 Загорульский Э. Возникновение Минска. Мн., 1982.
33 Лысенко П. Города Туровской земли. Мн., 1974. С. 114–117.
34 Гуревич Ф. Древности Белорусского Понеманья. М.–Л., 1962. С. 79.
35 Киев и западные земли Руси в 1Х–ХШ вв. Мн., 1982. С. 61–62, 103–104, 115–123.
36 Полное собрание русских летописей. Т.1. С. 121.
37 Киев и западные земли Руси в 1Х–ХШ вв... С. 52–53.
38 Гiсторыя беларускага мастацтва. Мн., 1987. Т.1. С. 57–73.
39 Загорульский Э. Возникновение Минска. Мн., 1982. С. 189–202.
40 Хабургаев Г. Этнонимика "Повести временных лет". М., 1979. С. 165.
41 Веселовский А. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском). // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии Наук. 1906. Том Х1, кн. 3. СПб., 1906. С. 134, 136, 183–185.
42 Полоцкие грамоты ХШ– начала ХV1 вв. М., 1977. С. 41.
43 Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 57–58, 130.
44 Нерознак В. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 193–195.

[45] Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 131, 149, 197, 199, 218, 222, 223.
[46] Голубовский П. История Смоленской земли до половины XIV столетия. Киев. 1895. С. 46.
[47] Довиар-Запольский М. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891. С. 24; Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. С. 49.
[48] Ермаловіч М. Хто яны, палачане? // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1988. № 4. С. 25–26.
[49] Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т.1. С.6, 10, 11, 20, 31.
[50] Кузьмин А. К вопросу о "полочанах" начальной летописи. // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 125–127.
[51] Татищев В. История Российская. М.–Л. Т.2. 1963. С. 29.
[52] Хабургаев Г. Этнонимика "Повести временных лет"... С. 53–54; Соболевский А. Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. //Русский филолог. вести., 1886. Т. XV, № 1. С. 7–28.
[53] Седов В. Восточные славяне в VI–XIII вв... С. 164–165.
[54] Полное собрание русских летописей. Т.1. 1962. С. 11, 28.
[55] Филин Ф. Образование языка восточных славян. М.–Л., 1962. С. 250–252, 278–289.
[56] Горшкова К., Хабургаев Г. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С. 43.
[57] Сабурова М. Стоячие воротники и "ожерелки" в древнерусской одежде // Средневековая Русь. М., 1976. С. 126–228.
[58] Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 43–44.
[59] Повесть временных лет. М.–Л., 1950. Ч.1. С. 59.
[60] Львов А. Лексика "Повести временных лет"... С. 84–88.
[61] Повесть временных лет. Ч.1. С. 129.
[62] Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 126–144.
[63] Раппопорт П. Древнерусское жилище. Л., 1975. С. 159.
[64] Василенко В. Русское прикладное искусство: Истоки и становление. 1 в. до н.э. – 13 в. н.э. М., 1977. С. 196–209, 430–432.
[65] Кравцов А., Лазутин С. Русское устное народное творчество. М., 1977. С. 152–165.
[66] Гісторыя беларускага мастацтва. Мн., 1987. Т.1. С. 57.
[67] Рыбаков Б. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 419–420, 443, 782.
[68] Филист Г. О "крещении" Белой Руси . // Неман. 1988. № 9. С. 170–171.

Глава 5

[1] Филин Ф. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Ист.-диалектолог. очерк. Л., 1972. С. 527–604.
[2] Горшкова К., Хабургаев Г. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С. 63–64.
[3] Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 43, 49.
[4] Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 124, 127.
[5] Василенко В. Русское прикладное искусство: Истоки и становление... С. 202–204.
[6] Кравцов Н., Лазутин С. Русское устное народное творчество. М., 1977. С. 152–165.

[7] Рыбаков Б. Язычество Древней Руси... С. 419–421.

[8] Васильев М. Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества. // Религии мира: История и современность. М., 1989. С. 133–156.

[9] Филин Ф. Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С.66, 254–255.

[10] Рыбаков Б. Киевская Русь и древнерусские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 90; Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Введение. М., 1966. С. 12; Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1. Мн., 1982. С.7–8.

[11] Молчанова Л. Материальная культура белорусов... С. 19–20.

[12] Этнография восточных славян. М., 1987. С. 66,156, 200–201.

[13] Веселовский А. Указ. соч. С. 106.

[14] Мажэйка З. Песні Беларускага Паазер'я. Мн., 1981. С. 67.

[15] Шейн П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края... СПб, 1980. Т.1. Ч.2. С. 73, 221–222.

[16] Zelenin D. Russische [Ostslavische] Volkskunde. Berlin und Leipzig, 1927. S. 306, 311–312.

[17] Соколова В. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – нач. XX вв. М., 1979. С. 124–129.

[18] Гошовский В. У истоков народной музыки славян. М., 1971. С. 84–85.

[19] Зімовыя песні: Калядкі і щадроўкі. Мн., 1975. С. 169–176.

[20] Карский Е. Беларусы. Т.3. Вып.1. М., 1916. С. 148.

[21] Гурский А. Зимняя поэзия белорусов. Мн., 1890. С. 35.

[22] Филин Ф. Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 314–319.

[23] Трубецкой Н. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 161.

[24] Wexler P. A historical phonology of the Byelorussian language. Heidelberg, 1977. P. 169–182.

[25] Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т.2. С. 859 (1262 г.), 867–868 (1268 г.), 933 (1290 г.).

[26] Филин Ф. Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 46, 65–66.

[27] Саливон И., Тегако Л., Микулич А. Очерки по антропологии Белоруссии. Мн., 1976. С. 10–11, 263–264; Бунак В. Антропологические исследования в Южной Белоруссии. // Тр. Института этнографии. М., 1956, Т. 33. С. 21.

[28] Полное собрание русских летописей. Т.2. С. 873.

[29] Полесье. Киев, 1988. С. 28–36, 104–399.

[30] Саливон И., Тегако Л., Микулич А. Очерки по антропологии Белоруссии . Мн., 1976. С. 10–11, 260–264.

[31] Татищев В. История Российская. М.–Л. Т.1. 1962. С. 356, 438; М.–Л. Т.4. 1964. С.98.

[32] Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т. 32. С. 203.

[33] Полное собрание русских летописей. Т.2. Ч.3. Ипатьевская летопись. СПб, 1843. С. 227.

[34] Manczak W. Biala, Czarna i Czerwona Rus. International Journal of Slavic linguistics and poetics, 1975. 19. P. 31

[35] Валачобныя песні. Склад. Барташэвіч Г., Салавей Л. Мн., 1980, С. 8–9, 115.

[36] Рогалеў А. Ля вытокаў Белай Русі. // Літаратура і мастацтва. 1988, 18 сак. С. 16.

[37] Татищев В. История Российская. Т.1. С. 351.
[38] Этнаграфія беларусаў. Мн., 1985. С. 74, 81, 128.
[39] Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т.32. С. 66.

Глава 6

[1] Полоцк. Исторический очерк. Изд. 2. Мн., 1987. С. 31–32.
[2] Гуревич Ф. Древности Белорусского Понеманья... С. 80–83.
[3] Чантурия В. История архитектуры Белоруссии: дооктябрьский период. Мн., 1985. С. 63–66.
[4] Улащик Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 151–159.
[5] Францыск Скарына і яго час. Мн., 1988. С. 311–312.
[6] Загорульский Э. Древний Минск. Мн., 1963. С. 44–93.
[7] Белорусская ССР: Крат. энциклопедия. Т.1. С. 168–169; Францыск Скарына і яго час. Мн., 1988 (карта "Беларусь у сярэдзіне 16 ст.").
[8] Беларускі архіў. Менск, 1927. С. 33; Мелешко В.И. Могилев в 16 в. – сер. 17 в. Мн., 1988. С. 31, 257.
[9] Чантурия В. История архитектуры Белоруссии: дооктябрьский период... С. 45–46.
[10] Там же. С. 43–44, 74, 110.
[11] Полоцк: Ист. очерк. Изд. 2. Мн., 1987; Левко О. Витебск в XIV–XVIII вв. Мн., 1984.
[12] Статут Вялікага Княства Літоўскага. 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мн., 1989. С. 467.
[13] Аванесов Р. Вопросы образования русского языка в его говорах. // Вест. Москов. ун-та. 1947. № 9. С. 134.
[14] Trautmann R. Die slavischen Völker und Sprachen. Eine Einfürung in die Slavistik. Leipzig, 1948. S139.
[15] Аванесов Р. Указ. соч. С. 134; Stang Chr. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk, Osto, 1939. S. 92–93, 107–109.
[16] Филин Ф. Происхождение русского, украинского и белорусского языков.. С. 313; Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной России. Т.1. Вильно, 1867. С.УП; Stang Chr. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfurstentums des Litauen. Oslo, 1935. S. 127–130.
[17] Полное собрание русских летописей. Т. 35... С. 73–74, 78–79, 82–84; Альт Т. Мова Літоўскага статута. // Беларуская лінгвістыка. Вып. 14. Мн., 1978. С. 48; Stang Chr. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfurstentums des Litauen. Oslo. 1935. S. 29, 36, 68, 126.
[18] Саливон И., Тегако Л., Микулич А. Очерки по антропологии Белоруссии... С.264.
[19] Альт Т. Указ. соч. С. 48–50, 52–53.
[20] Stang Chr. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfurstentums des Litauen... S. 122, 125–126.
Антонович А. Краткий обзор текстов, писаных арабским письмом. // Полесье. М., 1968. С. 263.
[21] Stang Chr. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo. 1939. S. 92–93. 107–109.
[22] Хабургаев Г. Становление русского языка. М., 1980. С. 151–175; Филин Ф.

Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 317–318; Wexler Указ. соч. С. 169, 182.

23 Wexler- Указ. соч. С. 183.

24 Филин Ф. Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 312–319; Shevelov G. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg 1979. P. 752–757.

25 Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Мн., 1970. С. 56–61, 69–76.

26 Шакун Л. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мн., 1984. С. 101.

27 Жураўскі А. Літаратурная мова Кіеўскай Русі – зыходны этап у гісторыі старабеларускай літаратурнай мовы. // Беларуская лінгвістыка. Вып. 21. Мн., 1982. С. 6–7.

28 Грыцкевіч А. Беларусь у 15–16 ст. // Францыск Скарына і яго час. Мн., 1988. С. 262.

29 Молчанова Л. Материальная культура белорусов. Мн., 1968. С. 69–71.

30 Локотко А. Общие и региональные особенности народного жилища Белоруссии. Мн., 1985. С. 32–38.

31 Улащик Н. Одежда белорусов XVI–XVIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 135.

32 Этнография восточных славян. М., 1987. С. 432–433.

33 Назіна І. Музычная інфармацыя у Бібліі Францыска Скарыны. // Помнікі культуры. Новыя адкрыцці. Мн., 1985. С. 133–136.

34 Каладзінскі М. Батлейка. //Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Мн., 1984. Т.1. С. 315–316.

35 Грыцкевіч А. Каталіцкая царква на Беларусі у 15–16 ст. // Францыск Скарына і яго час. Мн., 1988. С. 358.

36 Грыцкевіч А. Праваслаўная царква на Беларусі у 15–16 ст. // Францыск Скарына і яго час... С. 458.

37 Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси. Т.1. Вильна, 1867. С. 63, 64, 99.

38 Молчанова Л. Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVIII вв. Мн., 1981. С. 69–70.

39 Беларускае народнае адзенне... С. 13–14, 15.

40 История Польши. М., 1954. Т.1. С. 66, 83.

41 Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. Вып. 1. М., 1977. Вып. 2. М., 1978; Вып. 3. М., 1980; Беларускі архіў. Т.1. Менск, 1927.

42 Шахматов А. К вопросу об образовании русских наречий и народностей. Спб, 1899. С. 37–39.

43 Аванесов Р. Вопросы образования русского языка в его говорах. // Вест. Москов. ун-та, 1947. № 9. С. 121–122.

44 Филин Ф. Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 314–315, 318.

45 Shevelov G. Указ. соч. С. 191–192.

46 Аванесов Р. Указ. соч. С. 134.

47 Stang Chr. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums des Litauen... S. 121, 133–134. Его же. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk... S. 130.

48 Булыка А. Лексіка іншамоўнага паходжання ў беларускім дзелавым помніку пачатку XVI ст. // Беларуская лінгвістыка. Вып. 24. Мн., 1983. С. 33–39.

49 Полное собрание русских летописей. Т.2. М., 1962. С. 874, 877.

50 Гаучас П. К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье. // Балто-славянские исследования. М., 1988. С. 195–212.

51 Рымша В. Некаторыя беларускія прозвішчы балтыйскага паходжання // Беларуская лінгвістыка. Вып. 16. Мн., 1979. С. 36–41. Вып. 25. Мн., 1984. С. 60–65.

52 Лаучюте Ю. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982; Stang Chr. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfurstentums des Litauen... S. 145–146.

53 Филин Ф. Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 314–319.

54 Гринблат М. Белорусы. Мн., 1968. С. 170–171.

55 Статут Вялікага Княства Літоўскага. 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі... С. 442.

56 Татищев В. История Российская. М.–Л. Т.1., 1962. С. 356, 438; Т. 4. С. 98.

57 Тихомиров М. Российское государство XV–XVII вв. М., 1973.С. 13–17.

58 Дневник Люблинского сейма 1569 г. СПб, 1869. С. 401.

59 Ламанский В. Белая Русь. // Живая старина. Вып. 3. СПб., 1891. С. 249.

60 Manczak W. Указ. соч. С. 31, 35.

61 Там же. С. 39.

62 Atlas Historyczny Świata. Warszawa. 1974. S. 60, 71.

63 Беларускія народныя песні: У 4 т. / Запіс Р. Шырмы. Т.2. Мн., 1960. С. 323.

64 Вестник Юго-Западной и Западной России. Ноябрь. Год второй. Т.2. Киев, 1863, С. 100–101.

65 Там же. С. 104.

66 Полное собрание русских летописей. Т.2. Ч.3. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 236.

67 Русско-белорусские связи: Сб.док. (1570–1667). Мн., 1963. С. 106, 110–131.

68 Там же. С. 95, 128, 161, 222.

69 Бондарчик В., Федосик А. А.К. Сержпутовский, Мн., 1966.

70 Титов В. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. Мн., 1983. С. 127, 129.

71 Русско-белорусские связи. Сб. док. (1570–1667) ... С. 26–28, 82.

72 Дневник Люблинского сейма 1569 г. СПб., 1869. С. 16.

73 Русско-белорусские связи. Сб. док... С. 95, 103, 106.

74 Косич М. Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни. // Живая старина. 1901. Вып. 2; Титов В. Указ. соч. С. 15; Гильфердинг А. Несколько замечаний о литовском и жмудском племени. // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1864. Кн. 2. С. 57–58.

75 Беларускае народнае жыллё... С. 37–38, 86–88, 95–97, 122–123.

76 Лаучюте Ю. Указ. соч. С. 9–67; Гаучас П. Указ. соч. С. 198–211; Smulkowa E. Lituanizmy w bialoruskim slownictwe rolniczym. Lingua Posnaniens. 1969. t14. S. 62–65.

77 Татищев В. История Российская. Т.1.... С. 356–357, 440.

78 Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т. 32. С. 26.

79 Чаквін І. Чорная Русь. // Этнаграфія Беларусі. Мн., 1989. С. 532.

80 Татищев В. История Российская. Т.1... С. 357, 440.

81 Соловьев А. Великая, Малая и Белая Русь // Вопр. истории, 1947, № 7, С. 33.

82 Тарасов К. Память о легендах: белорусской старины голоса и лица. Мн., 1984. С.11.

83 Manczak W. Указ. соч. С. 32.

84 Юхо Ї. Пра назву Беларусь. // Полымя. 1968. № 1. С. 180.
85 Velius N. Senoves baltu pasauležura. Vilnus, 1983. P. 34–37, 174–175, 268–270, 276.

Глава 7

1 Карский Е. Белорусы. Т. 1–3. Варшава–Петроград, 1903–1922.
2 Славянский и балканский фольклор. М., 1986. С. 25–26.
3 Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 274–275.
4 Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 185–199.
5 Gimbutas M. The Gods and Godesses of Old Europe Berkeleyand LosAngeles.1974. P. 93–94.
6 Gimbutas M. The Balts. London. 1963. P. 195–196;
Пилипенко М. Этнография Белоруссии. Мн., 1981. С. 175.
7 Матейко К. Украiнський народний одяг. Киiв, 1977. С. 126–128; Кожолянко Я. Народная одежда населения Северной Буковины. Мн., 1988. С. 17.
8 Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 276.
9 Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 168.
10 Беларускае народнае адзенне. Мн., 1975. С. 19–20.
11 Матейко К.Украiнськийнародний одяг. Киiв, 1977. С. 73–78.
12 Древняя одежда народов Восточной Европы... С. 177.
13 Молчанова Л. Материальная культура белорусов. Мн., 1968. С. 177–178.
14 Львов А. Лексика "Повести временных лет". М., 1975. С. 88–87.
15 Молчанова Л. Материальная культура белорусов... С. 176.
16 Этнография восточных славян... С. 225–226.
17 Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980. С. 170.
18 Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 91–94, 114, 119, 124–125.
19 Этнография восточных славян... С. 225–226.
20 Филин Ф. Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 318.
21 Shevelov G. Указ. соч. С. 191–192.
22 Филин Ф. Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 315, 319.
23 Каринский Н. Язык Пскова и его области в XУ в. СПб, 1909. С.136, 148, 181, 183.
24 Карский Е. Белорусы... С. 125.
25 Шахматов А. Русское и словенское аканье. Рус. филолог. вест. 1902. № 3.
26 Каринский Н. Язык Пскова и его области в XУ в. СПб, 1909.
27 Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 224–225, 451–452.
28 Smulkowa E. Lituanizmy w bialoruskim slownictwe rolniczym. Lingua Posnaniens. 1969, t. 14. S. 62–65.
29 Беларускае народнае жыллё. Мн., 1973. С. 88.
30 Лаучюте Ю. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. С. 22.
31 Седов В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья... С. 162–164.
32 Полное собрание русских летописей. Т.1. М., 1962. С. 20.
33 Третьяков П. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 67–68.
34 Седов В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья... С. 164.

35 Загорульский Э. Древняя история Белоруссии. Мн., 1977. С. 77.

36 Хабургаев Г. Этнонимика "Повести временных лет"... С. 35–86; Жураўскі А. Літаратурная мова Кіеўскай Русі – зыходны этап у гісторыі старабеларускай літаратурнай мовы // Беларус. лінгвістыка. Вып. 21. Мн., 1982. С.7.

37 Пилипенко М. Этнография Белоруссии. Мн., 1981. С. 61.

38 Третьяков П. Восточные славяне и балтский субстрат. // Советская этнография. 1967. № 4. С. 115.

39 Седов В. Восточные славяне в У1–ХШ вв. М., 1982. С. 138, 156, 162–163, 172.

40 Гринблат М. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории. Мн., 1968. С. 58–143.

41 Хабургаев Г. Этнический состав древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей. // Советская этнография, 1972. № 1.

42 Филин Ф. Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 46, 65–66.

43 Полесье. Киев, 1988. С. 60–62.

44 Хабургаев Г. Становление русского языка. М., 1980. С. 146–149.

45 История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 27.

46 Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў. Мн., 1974. С. 18.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Пилипенко Михаил Федорович

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БЕЛОРУСИИ:
НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Редактор Л.В. Скоморохова
Художник Н.Н. Грибов
Художественный редактор М.Ф. Борздыко
Технический редактор С.Л. Сармант
Корректоры И.А. Малиновская, Н.Н. Масаренко
Оператор И.Л. Жуковская

ИБ № 4363

Подписано в печать с оригинала-макета 06.02.91. Формат 60x84 1/16. Бумага тип. №1. Гарнитура "Пресс-Роман". Офсетная печать. Усл.печ.л. 8,37. Усл. кр.-отт. 8,72. Уч.-изд. л. 9,73. Тираж 3000 экз.
Зак. 5066. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Дружбы народов издательство "Беларусь" Госкомпечати БССР. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Типография "Победа". 222310, Молодечно, ул. В. Тавлая, 11.